

ЕСЕЛЫЯ УСТРИЦЫ

ИБЛІОТЕКА „САТИРИКОНА"

ДАНІЕ М.Г. КОРНФЕЛЬДА.

Сатириконъ

VELUT
ARBOR
ÆVO

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО

ВЕСЕЛЫЯ УСТРИЦЫ

ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ 1910
ИЗДАНІЕ М. Г. КОРНФЕЛЬДА

Портретъ и обложка работы художника Ре-Ми.

Типографія журнала „Сатириконъ"
С.-Петербургъ, Лештуковъ пер. 4.

Аркадій Аверченко

АВТОБІОГРАФІЯ.

Еще за пятнадцать минутъ до рожденія я не зналъ, что появлюсь на бѣлый свѣтъ. Это само по себѣ пустячное указаніе я дѣлаю лишь потому, что желаю опередить на четверть часа всѣхъ другихъ замѣчательныхъ людей, жизнь которыхъ съ утомительнымъ однообразіемъ описывалась непремѣнно съ момента рожденія. Ну, вотъ.

Когда акушерка преподнесла меня отцу, онъ, съ видомъ знатока, осмотрѣлъ то, что я изъ себя представлялъ, и воскликнулъ:

— Держу пари на золотой, что это мальчишка!

— Старая лисица! — подумалъ я, внутренно усмѣхнувшись,—ты играешь навѣрняка.

Съ этого разговора и началось наше знакомство, а потомъ и дружба.

Изъ скромности я остерегусь указать на тотъ фактъ, что въ день моего рожденія звонили въ колокола и было всеобщее народное ликованіе. Злые языки связывали это ликованіе съ какимъ-то большимъ праздникомъ, совпавшимъ съ днемъ моего появленія на свѣтъ, но—я до сихъ поръ не понимаю—при чемъ здѣсь еще какой-то праздникъ?

Приглядѣвшись къ окружающему, я рѣшилъ, что мнѣ нужно, первымъ долгомъ, выро сти. Я исполнялъ это съ такимъ тщаніемъ, что къ восьми годамъ увидѣлъ однажды отца, берущимъ меня за руку. Конечно, и до этого отецъ неоднократно бралъ меня за указанную конечность, но

предыдущія попытки являлись не болѣе, какъ реальными симптомами отеческой ласки. Въ настоящемъ же случаѣ онъ, кромѣ того, нахлобучилъ на головы себѣ и мнѣ по шляпѣ—и мы вышли на улицу.

— Куда это насъ черти несутъ?—спросилъ я съ прямизной, всегда меня отличавшей.

— Тебѣ надо учиться.

— Очень нужно! Не хочу учиться.

— Почему?

Чтобы отвязаться, я сказалъ первое, что пришло въ голову:

— Я боленъ.

— Что у тебя болитъ?

Я перебралъ на память всѣ свои органы и выбралъ самый нѣжный:

— Глаза.

— Гм... Пойдемъ къ доктору.

Когда мы явились къ доктору, я наткнулся на него, на его паціента и свалилъ маленькій столикъ.

— Ты, мальчикъ, ничего рѣшительно не видишь?

— Ничего,—отвѣтилъ я, утаивъ хвостъ фразы, который докончилъ въ умѣ:

— ...хорошаго въ ученьи.

Такъ я и не занимался науками.

*

Легенда о томъ, что я мальчикъ больной, хилый, который не можетъ учиться—росла и укрѣплялась, и больше всего заботился объ этомъ я самъ.

Отецъ мой, будучи по профессіи купцомъ, не обращалъ на меня никакого вниманія, такъ какъ по горло былъ занятъ хлопотами и планами: какимъ бы образомъ поскорѣе разориться? Это было мечтой его жизни и нужно отдать ему полную справедливость—добрый старикъ достигъ своихъ стремленій самымъ безукоризненнымъ образомъ. Онъ это сдѣлалъ при соучастіи цѣлой плеяды воровъ, ко-

торые обворовывали его магазинъ, покупателей, которые брали исключительно и планомѣрно въ долгъ, и—пожаровъ, испепелявшихъ тѣ изъ отцовскихъ товаровъ, которые не были растащены ворами и покупателями.

Воры, пожары и покупатели долгое время стояли стѣной между мной и отцомъ, и я такъ и остался бы неграмотнымъ, если бы старшимъ сестрамъ не пришла въ голову забавная, сулившая имъ массу новыхъ ощущеній, мысль: заняться моимъ образованіемъ. Очевидно, я представлялъ изъ себя лакомый кусочекъ, такъ какъ изъ-за весьма сомнительнаго удовольствія освѣтить мой лѣнивый мозгъ свѣтомъ знанія—сестры не только спорили, но однажды даже вступили въ рукопашную, и результатъ схватки —вывихнутый палецъ—нисколько не охладилъ преподавательскаго пыла старшей сестры Любы.

Такъ, — на фонѣ родственной заботливости, любви, пожаровъ, воровъ и покупателей—совершался мой ростъ и развивалось сознательное отношеніе къ окружающему.

❋

Когда мнѣ исполнилось 15 лѣтъ, отецъ, съ сожалѣніемъ распростившійся съ ворами, покупателями и пожарами, однажды сказалъ мнѣ:

— Надо тебѣ служить.

— Да я не умѣю, — возразилъ я, по своему обыкновенію, выбирая такую позицію, которая могла гарантировать мнѣ полный и безмятежный покой.

— Вздоръ!—возразилъ отецъ. — Сережа Зельцеръ не старше тебя, а онъ уже служитъ!

Этотъ Сережа былъ самымъ большимъ кошмаромъ моей юности. Чистенькій, аккуратный нѣмчикъ, нашъ сосѣдъ по дому, Сережа съ самаго ранняго возраста ставился мнѣ въ примѣръ, какъ образецъ выдержанности, трудолюбія и аккуратности.

— Посмотри на Сережу,—говорила печально мать.— Мальчикъ служитъ, заслуживаетъ любовь начальства, умѣ-

етъ поговорить, въ обществѣ держится свободно, на гитарѣ играетъ, поетъ... А ты?

Обезкураженный этими упреками, я немедленно подходилъ къ гитарѣ, висѣвшей на стѣнѣ, дергалъ струну, начиналъ визжать пронзительнымъ голосомъ какую-то невѣдомую пѣсню, старался, «держаться свободнѣе», шаркая ногами по стѣнамъ, но—все это было слабо, все было второго сорта. Сережа оставался недосягаемъ!

— Сережа служитъ, а ты еще не служишь...—упрекнулъ меня отецъ.

— Сережа, можетъ быть, дома лягушекъ ѣстъ, — возразилъ я, подумавъ.—Такъ и мнѣ прикажете?

— Прикажу, если понадобится!—гаркнулъ отецъ, стуча кулакомъ по столу.—Черртъ возьми! Я сдѣлаю изъ тебя шелковаго!

Какъ человѣкъ со вкусомъ, отецъ изъ всѣхъ матерій предпочиталъ шелкъ, и другой матеріалъ для меня казался ему неподходящимъ.

*

Помню первый день моей службы, которую я долженъ былъ начать въ какой-то сонной транспортной конторѣ по перевозкѣ кладей.

Я забрался туда чуть ли ни въ восемь часовъ утра и засталъ только одного человѣка въ жилетѣ безъ пиджака —очень привѣтливаго и скромнаго.

— Это, навѣрное, и есть главный агентъ,—подумалъ я.

— Здравствуйте!—сказалъ я крѣпко пожимая ему руку. —Какъ дѣлишки?

— Ничего себѣ. Садитесь, поболтаемъ!

Мы дружески закурили папиросы, и я завелъ дипломатичный разговоръ о своей будущей карьерѣ, разсказавъ о себѣ всю подноготную.

Неожиданно сзади насъ раздался рѣзкій голосъ:

— Ты что же, болванъ, до сихъ поръ даже пыли не стеръ?!

Тотъ, въ комъ я подозрѣвалъ главнаго агента, съ крикомъ испуга вскочилъ и схватился за пыльную тряпку. Начальническій голосъ вновь пришедшаго молодого человѣка убѣдилъ меня, что я имѣю дѣло съ самимъ главнымъ агентомъ.

— Здравствуйте, — сказалъ я. — Какъ живете-можете? (общительность и свѣтскость по Сережѣ Зельцеру.)

— Ничего,—сказалъ молодой господинъ.—Вы нашъ новый служащій? Ого! Очень радъ!

Мы дружески разговорились и даже не замѣтили, какъ въ контору вошелъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, схватившій молодого господина за плечо и рѣзко крикнувшій во все горло:

— Такъ то вы, льявольскій дармоѣдъ, заготовляете реестра́? Выгоню я васъ, если будете лодырничать!

Господинъ, принятый мною за главнаго агента, поблѣднѣлъ, опустилъ печально голову и побрелъ за свой столъ. А главный агентъ опустился въ кресло, откинулся на спинку и сталъ преважно разспрашивать меня о моихъ талантахъ и способностяхъ,

— Дуракъ я,—думалъ я про себя.—Какъ я могъ не разобрать раньше, что за птицы мои предыдущіе собесѣдники. Вотъ этотъ начальникъ—такъ начальникъ! Сразу ужъ видно!

Въ это время въ передней послышалась возня.

— Посмотрите, кто тамъ?— попросилъ меня главный агентъ.

Я выглянулъ въ переднюю и успокоительно сообщилъ:

— Какой то плюгавый старичишка стягиваетъ пальто.

Плюгавый старичишка вошелъ и закричалъ:

— Десятый часъ, а никто изъ васъ ни черта не дѣлаетъ!! Будетъ ли когда нибудь этому конецъ?!

Предыдущій важный начальникъ подскочилъ, въ креслѣ какъ мячъ, а молодой господинъ, названный имъ до того, «лодыремъ», предупредительно сообщилъ мнѣ на ухо:

— Главный агентъ притащился.

Такъ я началъ свою службу.

*

Прослужилъ я годъ, все время самымъ постыднымъ образомъ плетясь въ хвостѣ Сережи Зельцера. Этотъ юноша получалъ 25 рублей въ мѣсяцъ, когда я получалъ 15, а когда и я дослужился до 25 рублей—ему дали сорокъ, Ненавидѣлъ я его, какъ какого то отвратительнаго, вымытаго душистымъ мыломъ паука...

Шестнадцати лѣтъ я разстался со своей сонной транспортной конторой и уѣхалъ изъ Севастополя (забылъ сказать—это моя родина) на какіе то каменноугольные рудники. Это мѣсто было наименѣе для меня подходящимъ и потому, вѣроятно, я и очутился тамъ по совѣту своего опытнаго въ житейскихъ передрягахъ отца...

Это былъ самый грязный и глухой рудникъ въ свѣтѣ. Между осенью и другими временами года разница заключалась лишь въ томъ, что осенью грязь была тамъ выше колѣнъ, а въ другое время—ниже.

И всѣ обитатели этого мѣста пили, какъ сапожники, и я пилъ не хуже другихъ. Населеніе было такое небольшое, что одно лицо имѣло цѣлую уйму должностей и занятій. Поваръ Кузьма былъ въ то же время и подрядчикомъ и попечителемъ рудничной школы, фельдшеръ былъ акушеркой, а когда я впервые пришелъ къ извѣстнѣйшему въ тѣхъ краяхъ, парикмахеру, жена его просила меня немного обождать, такъ какъ супругъ ея пошелъ вставлять кому то стекла, выбитыя шахтерами въ прошлую ночь.

Эти шахтеры (углекопы) казались мнѣ тоже престраннымъ народомъ: будучи, большей частью, бѣглыми съ каторги, паспортовъ они не имѣли, и отсутствіе этой непремѣнной принадлежности россійскаго гражданина заливали съ горестнымъ видомъ и отчаяніемъ въ душѣ—цѣлымъ моремъ водки.

Вся ихъ жизнь имѣла такой видъ, что рождались они

для водки, работали и губили свое здоровье непосильной работой—ради водки, и отправлялись на тотъ свѣтъ при ближайшемъ участіи и помощи той же водки...

Однажды ѣхалъ я передъ Рождествомъ съ рудника въ ближайшее село и видѣлъ рядъ черныхъ тѣлъ, лежавшихъ безъ движенія на всемъ протяженіи моего пути; попадались по-двое, по-трое черезъ каждые 20 шаговъ.

— Что это такое?—изумился я.

— А шахтеры,—улыбнулся сочувственно возница.— Горілку куповалы у селѣ. Для Божьяго праздничку.

— Ну?

— Тай не донесли. На місті высмоктали. Ось какъ!

Такъ мы и ѣхали мимо цѣлыхъ залежей мертвецки пьяныхъ людей, которые обладали, очевидно, настолько слабой волей, что не успѣвали даже добѣжать до дому, сдаваясь охватившей ихъ глотки палящей жаждѣ тамъ, гдѣ эта жажда ихъ застигала. И лежали они въ снѣгу, съ черными безсмысленными лицами, и если бы я не зналъ дороги до села, то нашелъ бы ее по этимъ гигантскимъ чернымъ камнямъ, разбросаннымъ гигантскимъ мальчикомъ-съ-пальчикомъ на всемъ пути.

Народъ это былъ, однако, по большей части, крѣпкій, закаленный, и самые чудовищные эксперименты надъ своимъ грязнымъ тѣломъ обходились ему, сравнительно, дешево. Проламывали другъ другу головы, уничтожали начисто носы и уши, а одинъ смѣльчакъ даже взялся однажды на заманчивое пари (безъ сомнѣнія—бутылка водки) съѣсть динамитный патронъ. Продѣлавъ это, онъ въ теченіе двухъ, трехъ дней, несмотря на сильную рвоту, пользовался самымъ бережливымъ и заботливымъ вниманіемъ со стороны товарищей, которые все боялись, что онъ взорвется.

По минованіи же этого страннаго карантина—былъ онъ жестоко избитъ.

Служащіе конторы отличались отъ рабочихъ тѣмъ, что меньше дрались и больше пили. Все это были люди, по большей части отвергнутые всѣмъ остальнымъ свѣтомъ

за бездарность и неспособность къ жизни и, такимъ образомъ, на нашемъ маленькомъ, окруженномъ неизмѣримыми степями, островкѣ собралась самая чудовищная компанія глупыхъ грязныхъ и бездарныхъ алкоголиковъ, отбросовъ и обгрызковъ брезгливаго бѣлаго свѣта.

Занесенные сюда гигантской метлой Божьяго произволенія, всѣ они махнули рукой на внѣшній міръ и стали жить, какъ Богъ на душу положитъ. Пили, играли въ карты, ругались прежестокими отчаянными словами и во хмелю пѣли что то настойчивое тягучее и танцовали угрюмо сосредоточенно, ломая каблуками полы и извергая изъ ослабѣвшихъ устъ цѣлые потоки хулы на человѣчество.

Въ этомъ и состояла веселая сторона рудничной жизни. Темныя ея стороны заключались въ каторжной работѣ, шаганіи по глубочайшей грязи изъ конторы въ колонію и обратно, а также въ отсиживаніи въ кордегардіи по цѣлому ряду диковинныхъ протоколовъ, составленныхъ пьянымъ урядникомъ.

*

Когда правленіе рудниковъ было переведено въ Харьковъ, туда же забрали и меня, и я ожилъ душой и окрѣпъ тѣломъ...

По цѣлымъ днямъ бродилъ я по городу, нахлобучивъ шляпу на бекрень и независимо насвистывая самые залихватскіе мотивы, подслушанные мною въ лѣтнихъ шантанахъ—мѣстѣ, которое восхищало меня сначала до глубины души...

Работалъ я въ конторѣ преотвратительно, и до сихъ поръ недоумѣваю: за что держали меня тамъ шесть лѣтъ, лѣниваго, смотрѣвшаго на работу съ отвращеніемъ и по каждому поводу вступавшаго не только съ бухгалтеромъ, но и директоромъ въ длинные ожесточенные споры и полемику.

Вѣроятно, потому, что былъ я превеселымъ, радостно глядящимъ на широкій Божій міръ человѣкомъ, съ готов-

ностью откладывавшимъ работу для смѣха, шутокъ и ряда замысловатыхъ анекдотовъ, что освѣжало окружающихъ, погрязшихъ въ работѣ, скучныхъ счетахъ и дрязгахъ...

⁂

Литературная моя дѣятельность была начата въ 1905 году и была она, какъ мнѣ казалось, сплошнымъ тріумфомъ. Во-первыхъ, я написалъ разсказъ... Во-вторыхъ, я отнесъ его въ «Южный край». И въ-третьихъ, (до сихъ поръ я того мнѣнія, что въ разсказѣ это самое главное), въ-третьихъ, онъ былъ напечатанъ!

Гонорара я за него почему-то не получилъ и это тѣмъ болѣе несправедливо, что едва онъ вышелъ въ свѣтъ, какъ подписка и розница газеты сейчасъ же удвоилась...

Тѣ же самые завистливые, злые языки, которые пытались связать день моего рожденія съ какимъ-то еще другимъ праздникомъ—связали и фактъ поднятія розницы съ началомъ Русско-Японской войны.

Ну, да мы-то, читатель, знаемъ съ вами, гдѣ истина...

Написавъ за два года четыре разсказа, я рѣшилъ, что поработалъ достаточно на пользу родной литературы и рѣшилъ основательно отдохнуть, но подкатился 1905 годъ и, подхвативъ меня, закрутилъ, какъ щепку.

Я сталъ редактировать журналъ «Штыкъ», имѣвшій въ Харьковѣ большой успѣхъ, и совершенно забросилъ службу... Лихорадочно писалъ я, рисовалъ каррикатуры, редактировалъ и корректировалъ, и на девятомъ номерѣ дорисовался до того, что генералъ-губернаторъ Пѣшковъ оштрафовалъ меня на 500 рублей, мечтая, что немедленно заплачу ихъ изъ карманныхъ денегъ.

Я отказался по многимъ причинамъ, главныя изъ которыхъ были: отсутствіе денегъ и нежеланіе потворствовать капризамъ легкомысленнаго администратора.

Увидѣвъ мою непоколебимость (штрафъ былъ безъ замѣны тюремнымъ заключеніемъ), Пѣшковъ спустилъ цѣну до ста рублей.

Я отказался.

Мы торговались, какъ маклаки, и я являлся къ нему чуть не десять разъ. Денегъ ему такъ и не удалось выжать съ меня!

Тогда онъ, обидѣвшись, сказалъ:

— Одинъ изъ насъ долженъ уѣхать изъ Харькова!

— Ваше превосходительство!—возразилъ я.—Давайте предложимъ харьковцамъ: кого они выберутъ?

Такъ какъ въ городѣ меня любили и даже до меня доходили смутные слухи о желаніи гражданъ увѣковѣчить мой образъ постановкой памятника, — то г. Пѣшковъ не захотѣлъ рисковать своей популярностью.

И я уѣхалъ, успѣвъ все-таки до отъѣзда выпустить 3 номера журнала «Мечъ», который былъ такъ популяренъ, что экземпляры его можно найти даже въ Публичной библіотекѣ.

*

Въ Петербургъ я пріѣхалъ какъ разъ на Новый годъ

Опять была иллюминація, улицы были украшены флагами, транспарантами и фонариками. Но я ужъ ничего не скажу! Помолчу.

И такъ меня иногда упрекаютъ, что я думаю о своихъ заслугахъ больше, чѣмъ это требуется обычной скромностью. А я — могу дать честное слово, — увидѣвъ всю эту иллюминацію и радость, сдѣлалъ видъ, что совершенно не замѣчаю невинной хитрости и сантиментальныхъ, простодушныхъ попытокъ муниципалитета скрасить мой первый пріѣздъ въ большой незнакомый городъ... Скромно, инкогнито, сѣлъ на извозчика и инкогнито поѣхалъ на мѣсто своей новой жизни.

И вотъ—началъ я ее.

Первые мои шаги были связаны съ основаннымъ нами журналомъ «Сатириконъ», и до сихъ поръ я люблю, какъ собственное дитя, этотъ прекрасный, веселый журналъ. (въ годъ 6 руб., на полгода 3 руб.).

Успѣхъ его былъ на половину моимъ успѣхомъ и, я съ гордостью могу сказать теперь, что рѣдкій культурный человѣкъ не знаетъ нашего «Сатирикона» (на годъ 6 рублей, на полгода 3 руб.).

Въ этомъ мѣстѣ я подхожу уже къ послѣдней, ближайшей эрѣ моей жизни и, я не скажу, но всякій пойметъ, почему я въ этомъ мѣстѣ умолкаю.

Изъ чуткой, нѣжной до болѣзненности скромности я умолкаю.

Не буду перечислять имена тѣхъ лицъ, которыя въ послѣднее время мною заинтересовались и желали со мной познакомиться. Но если читатель вдумается въ истинныя причины пріѣзда славянской депутаціи, испанскаго инфанта и президента Фальера, то, можетъ быть, моя скромная личность, упорно держащаяся въ тѣни, получитъ совершенно другое освѣщеніе...

Аркадій Аверченко

I.

ВЪ СВОБОДНОЙ РОССІИ

ИСТОРІЯ БОЛѢЗНИ ИВАНОВА.

Однажды безпартійный житель Петербурга Ивановъ вбѣжалъ, блѣдный, растерянный, въ комнату жены и, выронивъ газету, схватился руками за голову.

— Что съ тобой?—спросила жена.

— Плохо!—сказалъ Ивановъ.—Я лѣвѣю.

— Не можетъ быть! — ахнула жена. — Это было бы ужасно... Тебѣ нужно лечь въ постель, укрыться теплымъ и натереться скипидаромъ.

— Нѣтъ... что ужъ скипидаръ!—покачалъ головой Ивановъ и посмотрѣлъ на жену блуждающими, испуганными глазами.—Я лѣвѣю!

— Съ чего же это у тебя, горе ты мое!?—простонала жена.

— Съ газеты. Всталъ я утромъ—ничего себѣ, чувствовалъ все время безпартійность, а взялъ случайно газету...

— Ну?

— Смотрю, а въ ней написано, что въ Ченстоховѣ губернаторъ запретилъ читать лекцію о добываніи азота изъ воздуха... И вдругъ—чувствую я, что мнѣ его не хватаетъ...

— Кого это?

— Да воздуху же!.. Подкатило подъ сердце, оборвалось, дернуло изъ стороны въ сторону... Ой, думаю, что бы это? Да тутъ же и понялъ: лѣвѣю!

— Ты-бъ молочка выпилъ...—сказала жена, заливаясь слезами.

— Какое ужъ тамъ молочко... Можетъ, скоро баланду хлебать буду!

Жена со страхомъ посмотрѣла на Иванова.

— Лѣвѣешь?

— Лѣвѣю...

— Можетъ, доктора позвать?

— При чемъ тутъ докторъ!?

— Тогда, можетъ, пристава пригласить?

Какъ всѣ почти больные, которые не любятъ, когда посторонніе подчеркиваютъ опасность ихъ положенія,— Ивановъ тоже нахмурился, засопѣлъ и недовольно сказалъ:

— Я ужъ не такъ плохъ, чтобы пристава звать. Можетъ быть, отойду.

— Дай-то Богъ,—всхлипнула жена.

Ивановъ легъ въ кровать, повернулся лицомъ къ стѣнѣ и замолчалъ.

Жена изрѣдка подходила къ дверямъ спальни и прислушивалась. Было слышно, какъ Ивановъ, лежа на кровати, лѣвѣлъ.

*

Утро застало Иванова осунувшимся, похудѣвшимъ... Онъ тихонько пробрался въ гостиную, схватилъ газету и, убѣжавъ въ спальню, развернулъ свѣжій газетный листъ.

Черезъ пять минутъ онъ вбѣжалъ въ комнату жены и дрожащими губами прошепталъ:

— Еще полѣвѣлъ! Что оно будетъ—не знаю!

— Опять, небось, газету читалъ,—вскочила жена.— Говори! Читалъ?

— Читалъ... Въ Ригѣ губернаторъ оштрафовалъ газету за указаніе очаговъ холеры...

Жена заплакала и побѣжала къ тестю.

— Мой-то...—сказала она, ломая руки.—Лѣвѣетъ.

— Быть не можетъ?!—воскликнулъ тесть.

— Вѣрное слово. Вчерась съ утра былъ здоровъ, безпартійность чувствовалъ, а потомъ оборвалась печенка и полѣвѣлъ!

— Надо принять мѣры, — сказалъ тесть, надѣвая шапку.—Ты у него отними и спрячь газеты, а я забѣгу въ полицію, заявку господину приставу сдѣлаю.

*

Ивановъ сидѣлъ въ креслѣ, мрачный, небритый, и, на глазахъ у всѣхъ, лѣвѣлъ. Тесть съ женой Иванова стояли въ углу, молча, смотрѣли на Иванова, и въ глазахъ ихъ сквозилъ ужасъ и отчаяніе.

Вошелъ приставъ.

Онъ потеръ руки, вѣжливо раскланялся съ женой Иванова и спросилъ мягкимъ баритономъ:

— Ну, какъ нашъ дорогой больной?

— Лѣвѣетъ!

— А-а!—сказалъ Ивановъ, поднимая на пристава мутные, больные глаза.—Представитель отживающаго полицейско-бюрократическаго режима! Намъ нужна закономѣрность...

Приставъ взялъ его руку, пощупалъ пульсъ и спросилъ:

— Какъ вы себя сейчасъ чувствуете?

— Мирнообновленцемъ!

Приставъ потыкалъ пальцемъ въ голову Иванова:

— Не готово еще... Не созрѣлъ! А вчера какъ вы себя чувствовали?

— Октябристомъ—вздохнулъ Ивановъ.—До обѣда—правымъ крыломъ, а послѣ обѣда лѣвымъ...

— Гм... плохо! Болѣзнь прогрессируетъ сильными скачками...

Жена упала тестю на грудь и заплакала.

— Я, собственно,—сказалъ Ивановъ,—стою за принудительное отчужденіе частновладѣльч...

— Позвольте!—удивился приставъ.—Да это кадетская программа...

Ивановъ съ протяжнымъ стономъ схватился за голову.

— Значитъ... я уже кадетъ!

— Все лѣвѣете?

— Лѣвѣю. Уходите! Уйдите лучше... А то я на васъ все смотрю и лѣвѣю.

Приставъ развелъ руками... Потомъ на цыпочкахъ вышелъ изъ комнаты.

Жена позвала горничную, швейцара и строго запретила имъ приносить газеты. Взяла у сына томикъ «Робинзона Крузо» съ раскрашенными картинками и понесла мужу.

— Вотъ... почитай. Можетъ, отойдетъ.

*

Когда она, черезъ часъ заглянула въ комнату мужа, то всплеснула руками и, громко закричавъ, бросилась къ нему.

Ивановъ, держась за ручки зимней оконной рамы, жадно прильнулъ глазами къ этой рамѣ и что-то шепталъ...

— Господи!—вскликнула несчастная женщина.—Я и забыла, что у насъ рамы газетами оклеены... Ну, успокойся, голубчикъ, успокойся! Не смотри на меня такими глазами... Ну, скажи, что ты тамъ прочелъ? Что тамъ такое?

— Объ исключеніи Колюбакина... Ха-ха-ха!—проревѣлъ Ивановъ, шатаясь, какъ пьяный.—Отречемся отъ стараго мі-і-і...

Въ комнату вошелъ тесть.

— Кончено!—прошепталъ онъ, благоговѣйно снимая шапку.—Бѣги за приставомъ...

*

Черезъ полчаса Ивановъ, блѣдный, странно вытянувшійся, лежалъ въ кровати со сложенными на груди руками. Около него сидѣлъ тесть и тихо читалъ подъ носъ эрфуртскую программу. Въ углу плакала жена, окруженная перепуганными, недоумѣвающими дѣтьми.

Въ комнату вошелъ приставъ.

Стараясь не стучать сапогами, онъ подошелъ къ постели Иванова, пощупалъ ему голову, вынулъ изъ его кармана пачку прокламацій, какой-то металлическій предметъ и, сокрушенно качнувъ головой, сказалъ:

— Готово! Доспѣлъ.

Посмотрѣлъ съ сожалѣніемъ на дѣтей, развелъ руками и сѣлъ писать проходное свидѣтельство до Вологодской губерніи.

КТО ЕЕ ПРОДАЛЪ...

I.

Не такъ давно «Русское Знамя» разоблачило кадетскую газету «Рѣчь»... «Русское Знамя» доказало, что вышеозначенная безпринципная газета открыто и нагло продаетъ Россію Финляндіи, получая за это отъ финляндцевъ большія деньги.

Совсѣмъ недавно безпощадный ослѣпительный прожекторъ «Русскаго Знамени» перешелъ съ газетъ на частныхъ лицъ, попалъ на меня, освѣтилъ всѣ мои дѣла и поступки, и обнаружилъ, что я, въ качествѣ еврействующаго журналиста, тоже подкупленъ и — продаю свою отчизну оптомъ и въ розницу, систематически ведя ее къ распаду и гибели.

Узнавъ, что маска съ меня сорвана, я сначала хотѣлъ было увернуться, скрыть свое участіе въ этомъ дѣлѣ, замаскировать какъ-нибудь тѣ факты, которые вопіюще громко кричатъ противъ меня, но—вѣдь все равно: рано или поздно все всплыветъ наружу и для меня это будетъ еще тяжелѣе, еще позорнѣе...

Лучше же я разскажу все самъ.

Добровольное признаніе—это все, что можетъ—если не спасти меня, то, хотя частью, облегчить мою вину...

Дѣло было такъ:

II.

Однажды служанка сообщила мнѣ, что меня хотятъ видѣть два господина по очень важному дѣлу.

— Кто же они такіе?—полюбопытствовалъ я.

— Будто иностранцы. Одинъ какъ будто изъ чухонцевъ, такой бѣлясый, а другой маленькій, косой, черный. Не иначе—японецъ.

Два господина вошли и, подозрительно оглядѣвъ комнату, поздоровались со мной.

— Чѣмъ могу служить?

— Я—прикомандированный къ японскому посольству маркизъ Оцупа.

— А, я,—сказалъ блондинъ, небрежно играя финскимъ ножемъ,—уполномоченный отъ финляндской революціонной партіи «Война». Моя фамилія Муляйненъ.

— Я васъ слушаю,—кивнулъ я головой.

Маркизъ толкнулъ своего сосѣда локтемъ, нагнулся ко мнѣ и, пронзительно глядя мнѣ въ глаза, прошепталъ:

— Скажите... Вы не согласились-ли бы продать намъ Россію?

Мой отецъ былъ купцомъ, и у меня на всю жизнь осталась отъ него наслѣдственная коммерческая жилка.

— Это смотря какъ...—прищурился я.—Продать можно. Отчего не продать?.. Только какая ваша цѣна будетъ?

— Цѣну мы дадимъ вамъ хорошую,—отвѣчалъ маркизъ Оцупа.—Не обидимъ. Только ужъ и вы не запрашивайте.

— Запрашивать я не буду,—хладнокровно пожалъ я плечами.—Но вѣдь нужно же понимать и то, что я вамъ продаю. Согласитесь сами, что это не мѣшокъ картофеля, а цѣлая громадная страна. И, притомъ,—нужно добавить горячо мною любимая.

— Ну, ужъ и страна!..—иронически усмѣхнулся Муляйненъ.

— Да-съ! Страна!—горячо вскричалъ я. — Побольше вашей, во всякомъ случаѣ... Свыше пятидесяти губерній,

двѣ столицы, рѣки какія! Желѣзныя дороги! Громадное народонаселеніе, занимающееся хлѣбопашествомъ! Пойдите-ка, поищите въ другомъ мѣстѣ.

— Такъ-то такъ,—обмѣнявшись взглядомъ съ Муляйненомъ, возразилъ японецъ,—да вѣдь страна-то раззорена... сплошное нищенство...

— Какъ хотите,—холодно проворчалъ я.—Не нравится —не берите.

— Нѣтъ, мы бы взяли, все таки... Намъ она нужна. Вы назовите вашу цѣну.

Я взялъ карандашъ, придвинулъ бумагу и сталъ долго и тщательно высчитывать. Потомъ поднялъ отъ бумаги голову и рѣшительно сказалъ:

— Десять милліоновъ.

Оба вскочили и въ одинъ голосъ воскликнули:

— Десять милліоновъ?!

— Да.

— За Россію?!

— Да.

— Десять милліоновъ рублей?!

— Да. Именно, рублей. Ни пфенниговъ, ни франковъ а рублей.

— Это сумасшедшая цѣна.

— Сами вы сумасшедшіе! — сердито закричалъ я. — Этакая страна за десять милліоновъ — это почти даромъ. За эти деньги вы имѣете чуть не десятокъ морей, уйму рѣкъ, пути сообщенія... Не забывайте, что за эту же цѣну вы получаете и Сибирь—эту громадную богатѣйшую страну!

Маркизъ Оцупа слушалъ меня, призадумавшись.

— Хотите пять милліоновъ?

— Пять милліоновъ?—разсмѣялся я.—Вы бы мнѣ еще пять рублей предложили! Впрочемъ, если хотите, я вамъ за пять рублей отдамъ другую Россію, только поплоше. Въ кавычкахъ.

— Нѣтъ,—покачалъ головой Муляйненъ. — Эту и за пять копѣекъ не надо. Вотъ что... хотите семь милліоновъ — ни копѣйки больше!

— Очень даже странно, что вы торгуетесь, — обидчиво поежился я.—Покупаютъ то, что самое дорогое для истиннаго патріота, да еще торгуются!

— Какъ угодно,—сказалъ Муляйненъ, вставая.—Пойдемъ, Оцупа.

— Куда же вы? — закричалъ я. — Постойте. Я вамъ, такъ и быть, милліонъ сброшу. Да и то не слѣдовало бы —ужъ очень страна-то хорошая. Я бы всегда на эту цѣну покупателя нашелъ... Но для перваго знакомства—извольте—милліонъ сброшу.

— Три сбросьте!

— Держите руку,—сказалъ я, хлопая по протянутой рукѣ.—Послѣднее слово: два сбрасываю! За восемь. Идетъ?

Японецъ придержалъ мою руку и сосредоточенно спросилъ:

— Съ Польшей и Кавказомъ?

— Съ Польшей и Кавказомъ!

— Покупаемъ.

Сердце мое отчего-то пребольно сжалось.

— Продано!—вскричалъ я, искусственнымъ оживленіемъ стараясь замаскировать тяжелое чувство.—Забирайте.

— Какъ... забирайте? — недоумѣвающе покосился на меня Оцупа.—Что значитъ, забирайте? Мы платимъ вамъ деньги, главнымъ образомъ, за то, чтобы вы своими фельетонами погубили Россію.

— Да для чего вамъ это нужно?—удивился я.

— Это ужъ не ваше дѣло. Нужно—и нужно. Такъ—погубите?

— Хорошо, погублю.

III.

На другой день, поздно вечеромъ къ моему дому подъѣхало нѣсколько подводъ, и ломовики, кряхтя, стали таскать въ квартиру тяжелые, биткомъ набитые мѣшки.

Служанка моя присматривала за ними, записывая количество привезенныхъ мѣшковъ съ золотомъ и изрѣдка

уличая ломовика въ томъ, что онъ потихоньку пытался засунуть въ карманъ сто или двѣсти тысячъ; а я сидѣлъ за письменнымъ столомъ и, быстро строча фельетонъ, добросовѣстно губилъ проданную мною родину...

Теперь—когда я окончилъ свою искреннюю тяжелую исповѣдь—у меня легче на сердцѣ. Пусть я безсердечный торгашъ, пусть я Іуда-предатель, продавшій свою родину... Но вѣдь—ха-ха!—восемь-то милліончиковъ—ха-ха!—которые у меня въ карманѣ—не шутка.

И теперь, въ ночной тиши, когда я просыпаюсь, терзаемый странными видѣніями—передо мной встаетъ и меня пугаетъ только одинъ страшный, кошмарный вопросъ:

— Не продешевилъ-ли я?!

РУССКАЯ ИСТОРІЯ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ МИН—ВУ НАР. ПРОСВѢЩЕНІЯ.

I.

Одинъ русскій студентъ погибъ отъ того, что любилъ ботанику.

Пошелъ онъ въ поле собирать растенія. Шелъ, пѣсенку напѣвалъ, цвѣточки рвалъ.

А съ другой стороны поля показалась толпа мужиковъ и бабъ изъ Нижней Гоголевки.

— Здравствуйте, милые поселяне,—сказалъ вѣжливый студентъ, снимая фуражку и раскланиваясь.

— Здравствуй, щучій сынъ, чтобъ тебѣ пусто было,— отвѣчали поселяне.—Ты чего?

— Благодарю васъ, ничего,—говорилъ имъ студентъ, наклоняясь и срывая какую-то травинку.

— Ты—чего?!!

— Какъ видите: гербаризаціей балуюсь.

— Ты—чего?!!?!

Ухо студента уловило, наконецъ, странныя нотки въ настойчивомъ вопросѣ мужиковъ.

Онъ посмотрѣлъ на нихъ и увидѣлъ горящіе испугомъ и злобой глаза, блѣдныя лица, грязные жилистые кулаки.

— Ты—чего?!!?!

— Да что вы, братцы... Если вамъ цвѣточковъ жалко,— я, пожалуй, отдамъ вамъ ваши цвѣточки...

И выдвинулся изъ среды мужиковъ мудрѣйшій среди нихъ старикъ, Петръ Савельевъ Неуважай-Корыто.

Былъ онъ старикъ бѣлый, какъ лунь, и глупый, какъ колода.

— Цвѣточки собираешь, паршивецъ, — прохрипѣлъ мудрѣйшій.—Брешетъ онъ, ребята! Холеру пущаетъ.

Авторитетъ стариковъ, бѣлыхъ, какъ лунь, и глупыхъ, какъ колода, всегда высоко стоялъ среди поселянъ...

— Правильно, Савельичъ!.. Хватай его, братцы... Заходи оттелева!

Студентъ завопилъ.

— Визгани, визгани еще, чертовъ сынъ! Можетъ, дьяволъ,—твой батя—и придетъ тебѣ на выручку. Обыскивай его, дядя Миняй! Нѣтъ ли порошку какого?

Порошокъ нашелся.

Хотя онъ былъ зубной, но такъ какъ чистка зубовъ у поселянъ села Гоголевки происходила всего разъ въ недѣлю у казенной винной лавки и то—самымъ примитивнымъ способомъ, то культурное завоеваніе, найденное у студента въ карманѣ, завернутымъ въ бумажку,—съ наглядностью удостовѣрило въ глазахъ поселянъ злокозненность студента.

— Вотъ онъ, порошокъ-то! Холерный... Какъ, ребята, располагаете: потопить парня, али такъ, помять?

Обѣ перспективы оказались настолько не заманчивыми для студента, что онъ сказалъ:

— Что вы, господа! Это простой зубной порошокъ. Онъ не вредный... Ну, хотите—я съѣмъ его?

— Брешешь! Не съѣшь.!

— Увѣряю васъ! Съѣмъ—и мнѣ ничего не будетъ.

— Все равно, погибать ему, братцы. Пусть слопаетъ!

Студентъ сѣлъ посрединѣ замкнутаго круга и принялся уписывать за обѣ щеки зубной порошокъ.

Болѣе сердобольныя бабы, глядя на это, плакали навзрыдъ и шептали про себя:

— Смерть-то какую, болѣзный, принимаетъ! Молоденькій такой... а безъ покаянія.

— Весь!—сказалъ студентъ, показывая пустой пакетикъ.

— Ѣшь и бумагу,—рѣшилъ Петръ Савельевъ, бѣлый, какъ лунь и глупый, какъ колода.

По газетнымъ извѣстіямъ насыщеніе студента остановилось на зубномъ порошкѣ, послѣ чего—его, якобы, отпустили.

А на самомъ дѣлѣ было не такъ: студентъ, морщась, проглотилъ пустой пакетикъ, послѣ чего его стали снова обыскивать: нашли записную книжку, зубочистку и флаконъ съ гуммиарабикомъ.

— Ѣшь! — приказалъ распорядитель неприхотливаго студенческаго обѣда, Неуважай-Корыто.

Студентъ хотѣлъ поблагодарить, указавши на то, что онъ сытъ, но когда увидѣлъ наклонившіяся къ нему рѣшительныя бородатыя лица, то безмолвно принялся за записную книжку. Покончивъ съ ней, раздробилъ крѣпкими молодыми зубами зубочистку, запилъ гуммиарабикомъ и торжествующе сказалъ:

— Видите, господа? Не правъ-ли я былъ, утверждая, что это совершенно безопасныя вещи?..

— Видимое дѣло,—сказалъ добродушный мужикъ по прозванію Коровій-Кирпичъ. — Занапрасну скубента изобидѣли.

— Темный вы народъ,—сказалъ студентъ, вздыхая.

Ему бы нужно было, ругнувши мужиковъ, раскланяться съ ними и удалиться, но студента погубило то, что онъ былъ интеллигентъ до мозга костей.

— Темный вы народъ!—повторилъ онъ,—Знаете ли вы, напримѣръ, что эпидемія холеры распространяется не отъ порошковъ, а отъ маленькихъ такихъ штучекъ, которыя бываютъ въ водѣ, на плодахъ и овощахъ—такъ называемыхъ вибріоновъ, столь маленькихъ, что на каплѣ воды ихъ гораздо больше, чѣмъ нѣсколько тысячъ.

— Толкуй!—недовѣрчиво возразилъ Петръ Савельевъ, но кое-кто сдѣлалъ видъ, что повѣрилъ.

Въ общемъ, настроеніе было настолько благожелательное, что студенту простили даже его утвержденіе, будто-бы молнія происходитъ отъ электричества, и что тучи есть слѣдствіе водяныхъ испареній, переносимыхъ вѣтромъ съ одного мѣста на другое.

Глухой ропотъ поднялся лишь послѣ совершенно неслыханнаго факта, что луна сама не свѣтитъ, а отражаетъ только солнечный свѣтъ.

Когда же студентъ осмѣлился нахально заявить, что земля круглая, и что она ходитъ вокругъ солнца, то толпа мужиковъ навалилась на студента и стала бить...

Били долго, а потомъ утопили въ рѣкѣ.

Почему газеты объ этомъ умолчали—неизвѣстно.

II.

Выгнанный за пьянство телеграфистъ Васька Свищъ долго слонялся по полустанку, ища какого-нибудь выхода изъ своего тяжелаго положенія.

И совершенно неожиданно выходъ былъ найденъ, въ видѣ измятой кокарды, оброненной между рельсами какимъ-то загулявшимъ офицеромъ.

— Дѣло!—сказалъ Васька Свищъ.

Приладилъ къ своей телеграфистской фуражкѣ офицерову кокарду, надѣлъ тужурку, нанялъ ямщика и, развалившись въ кибиткѣ, скомандовалъ:

— Пшелъ въ деревню Нижняя Гоголевка! Жив-ва!!. Тамъ заплатятъ.

Лихо звеня бубенцами, подлетѣла тройка къ старостиной избѣ.

Васька Свищъ молодцовато выскочилъ изъ кибитки и, ударивъ въ ухо изумленнаго его параднымъ видомъ прохожаго мужика, крикнулъ:

— Меррзавцы!! Запорю!! Начальство не уважаете?? Безпутничаете! Старосту сюда!!

Испуганный, перетревоженный выскочилъ староста.

— Чего изволишь, батюшка?

— «Батюшка»? Я тебѣ, ррракалія, покажу,—батюшка!! Генерала не видишь? Это кто тамъ въ телѣгѣ ѣдетъ?.. Ты кто? Шапку нужно снять или не надо? Какъ тебя?

— Ко...коровій-Кирпичъ.

Телеграфистъ нахмурился и ткнулъ кулакомъ въ зубы растерявшагося Коровьяго-Кирпича...

— Староста! Взять его! Впредь до разбора дѣла. Я покажу вамъ!!! Распустились тутъ? Староста, сбей мнѣ мужиковъ сейчасъ: бумагу прочитать.

Черезъ десять минутъ всѣ мужики Нижней Гоголевки собрались сѣрой испуганной, встревоженной тучей.

— Тихо! — крикнулъ Васька Свищъ, выступая впередъ.—Шапки долой! Бумага: вслѣдствіе отношенія государственной интендантской комиссіи санитарныхъ образцовъ съ приложеніемъ сургучной печати, по соглашенію съ эмеритурнымъ отдѣломъ публичной библіотеки—собрать со всѣхъ крестьянъ по два рубля десять копѣекъ троттуарнаго сбора, со внесеніемъ онаго въ Санктъ-Петербургскій мировой съѣздъ!.. Поняли, ребята? Виновные въ уклоненіи подвергаются заключенію въ крѣпость срокомъ до двухъ лѣтъ, съ замѣной штрафомъ до 500 руб. Поняли?!

— Поняли, ваше благородіе! — зашелестѣли мужицкія губы.

— Благоро-о-оодіе?.!—завопилъ телеграфистъ.—Мерр-завцы!!! Кокарды не знаете? Установленій казенной палаты на предметъ геральдики не читали?! Староста! Взять этого! И этого! Пусть посидятъ! Тебя какъ? Неуважай-Корыто? Взять!

Черезъ часъ староста съ поклономъ вошелъ въ избу, положилъ передъ телеграфистомъ деньги и сказалъ робко:

— Можетъ, оно... на счетъ бумаги... поглядѣть бы... Касательно печати...

— Оселъ!!!—рявкнулъ телеграфистъ, сунулъ въ карманъ деньги, брезгливо отшвырнулъ растеряннаго старосту съ дороги и, выйдя на улицу, вскочилъ въ кибитку.

— Я покажу вамъ, негодяи,—погрозилъ старостѣ телеграфистъ и скрылся въ облакѣ пыли.

Мудрѣйшій изъ мужиковъ Петръ Савельевъ Неуважай-Корыто, бѣлый, какъ лунь и глупый, какъ колода, подошелъ къ старостѣ и, почесавшись, сказалъ:

— Съ самого Петербурху. Чичасъ видно! Дешево отдѣлались, робята!

ЛЮДИ.

Иванъ Васильевичъ Сицилистовъ приподнялся на одномъ локтѣ и прислушался...

— Это къ намъ,—сказалъ онъ задремавшей уже женѣ. —Наконецъ-то!

— Пойди, открой имъ. Намокши на дождѣ, тоже не очень пріятно стоять на лѣстницѣ.

Сицилистовъ вскочилъ и, полуодѣтый, быстро зашагалъ въ переднюю.

Открывъ дверь, онъ выглянулъ на лѣстницу. Лицо его расплылось въ широкую, радостную улыбку.

— Ба, ба!! А я то—позавчера ждалъ, вчера... Радъ Очень радъ! Милости прошу къ нашему шалашу.

Вошедшій впереди всѣхъ жандармскій офицеръ зажмурился отъ свѣта. Лицо его выражало самое искреннее недоумѣніе.

— Пардонъ!.. Но вы, вѣроятно... не поняли. Мы къ вамъ съ обыскомъ!

Хозяинъ залился смѣхомъ такъ, что закашлялся.

— Оригиналъ... открылъ Америку! Вѣдь не буду же я думать, что вы пришли со мной въ преферансъ перекинуться.

Онъ весело захлопоталъ около пришедшихъ.

— Позвольте пальтецо... Вамъ трудно снять. Ишь, какъ оно намокло! Теперь я вамъ посвѣчу... Осторожнѣе: тутъ порогъ

Жандармскій офицеръ и приставъ недоумѣвающе переглянулись, и первый, потоптавшись, сказалъ нерѣшительно:

— Разрѣшите приступить. Вотъ предписаніе.

— Ни-ни-ни! И думать не могите! Изъ подъ дождя, съ измокшими ногами прямо за дѣло—этакъ не трудно и насморкъ схватить... А вотъ мы сейчасъ застрахуемся! А предписаніе ваше можете бабушкѣ подарить: неужели, порядочный человѣкъ не можетъ вѣрить порядочному человѣку безъ предписанія. Присядьте, господа! Виноватъ, ваше имя, отчество?

Офицеръ пожалъ плечами, отнеся этотъ жестъ къ улыбавшемуся уже въ усы приставу, и сказалъ, стараясь придать своимъ словамъ леденящій тонъ:

— Будучи оффиціально уполномоченъ для производства обыска...

Хозяинъ замахалъ на него руками...

— Знаю, знаю!! Ахъ ты, Господи... ну, неужели, обыскъ отъ васъ уйдетъ? Развѣ же я не понимаю! Самъ помогу! Но почему намъ чуждаться хорошихъ человѣческихъ отношеній?.. не правда ли... Никодимъ Ивановичъ, кажется!? да? хе-хе! Узналъ-съ, узналъ-съ!! И никогда не догадаетесь—откуда?! На донышкѣ фуражки вашей въ передней прочелъ!! Ха-ха-ха!! Такъ вотъ... Лизочка! (Это моя жена... Превосходнѣйшая женщина!.. Я васъ познакомлю). Лизочка, дай намъ чего-нибудь,—господамъ офицерамъ съ дождя погрѣться!.. Ни-ни! Откажетесь — безумно меня обидите!!

Изъ сосѣдней комнаты вышла прехорошенькая молодая женщина. Приводя мимоходомъ въ порядокъ пышные волосы, она улыбнулась и сказала, щуря заспанные еще глазки:

— Отказать мужчинѣ вы еще могли, но дамѣ — фи! Это будетъ не по джентльменски!

Мужъ представилъ:

— Моя жена Елизавета Григорьевна—Никодимъ Иванычъ! Господинъ приставъ... виноватъ, не имѣю чести...

Приставъ такъ растерялся при видѣ вышедшей красавицы, что вскочилъ и, щелкнувъ каблуками, преувеличенно громко отрекомендовался:

— Крутиловъ, Валеріанъ Петровичъ!

— Да что вы!? Очень рада. У меня сына одного Валей зовутъ. Лукерья!

Явившейся кухаркѣ она приказала:

— Проведи понятыхъ и городовыхъ пока на кухню! Разогрѣй пирогъ, достань колбасы, огурцовъ... Водки тамъ, кажется, есть съ полчетверти... Однимъ словомъ, займись ими... А я похлопочу насчетъ ихъ благородій!

Улыбнувшись смотрѣвшему на нее во всѣ глаза приставу, она выпорхнула.

Жандармскій офицеръ, ошеломленый, открылъ ротъ и началъ:

— Извините, но...

За дверью послышался шумъ, возня, дѣтскіе голоса и въ комнату ворвались два ликующихъ сорванца лѣтъ пяти-шести.

— Обыскъ, обыскъ! У насъ обыскъ!—подпѣвали они въ тактъ прыжкамъ,—такимъ тономъ, будто радовались принесенному пирожному.

Одинъ, топая босыми ноженками, подбѣжалъ къ офицеру и ухватилъ его за палецъ.

— Здравствуй! Покатай меня на ногѣ, такъ: гопъ, гопъ!

Отецъ сокрушенно покачалъ головой.

— Ахъ вы, экспропріаторы этакіе! Вы ужъ извините ихъ... Это ихъ въ Одессѣ у меня разбаловали. Обыски у меня бывали чуть не два раза въ недѣлю... ну, для нихъ и не было лучшаго удовольствія. Подружились со всѣми... Вѣрите—шеколадъ стали имъ носить, игрушки...

Видя, что мальчикъ тянется губками къ его рыжимъ длиннымъ усамъ, жандармскій офицеръ нагнулся и поцѣловалъ его.

Другой сидѣлъ верхомъ на колѣнѣ пристава, и, разсматривая погоны, дѣловымъ тономъ спрашивалъ:

— Сколько у тебя звѣздочекъ? А сабля—вынимается? Я въ Одессѣ самъ вынималъ—ей Богу!

Вошедшая съ подносомъ, на которомъ стояли разноцвѣтныя бутылки и закуски, мать искуственно-строго замѣтила:

— Сколько разъ я тебѣ говорила, что божиться — дурная привычка! Онъ надоѣдаетъ вамъ — спустите его на полъ.

— Ничего-съ... Помилуйте! Тебя какъ зовутъ, крыса, а?

— Митей. А тебя?

Приставъ разсмѣялся.

— Валей. Будемъ знакомы.

Мать, улыбаясь гостямъ, наливала въ рюмки коньякъ и, подвигая офицеру икру, говорила:

— Милости прошу. Согрѣйтесь! Намъ такъ совѣстно что изъ-за насъ вы обезпокоили себя въ эту дурную погоду...

— Валя! Дай мнѣ икры,—потребовалъ Митя, царапая пальцемъ пуговицу на сюртукѣ пристава.

Черезъ часъ жандармскій офицеръ, подперевъ кулакомъ щеку, курилъ предложенную ему хозяиномъ сигару и слушалъ.

— Разногласіе съ меньшевиками,—объяснялъ хозяинъ, —происходитъ у насъ, главнымъ образомъ, изъ-за тактическихъ вопросовъ... Затѣмъ, наше отношеніе къ террору...

Покачивая на рукахъ уснувшаго ребенка, и, стараясь не шумѣть, приставъ пытался сѣсть такъ, чтобъ спящаго не раздражалъ свѣтъ лампы.

Городовой Харламповъ муслилъ толстый палецъ и потомъ, хлопая картой по столу, говорилъ:

— А вотъ мы вашего короля прихлопнемъ! Теперича

— дворникъ—принцъ, а вы Лукерья Абрамовна—королевой будете. Вродѣ какъ бы англійская Викторія. Хе-хе!

Лукерья застѣнчиво улыбалась, наливая пиво въ пустые стаканы.

— Тоже вѣдь придумаетъ эдакое... Ужъ сказано про васъ—бюрократическій режимъ.

ПОЧЕСТИ.

Въ № 11981 «Новаго Времени»
Меньшиковъ написалъ тысячный фельтонъ.

Меньшиковъ проснулся рано утромъ.

Спустилъ съ кровати сухія съ синими жилами ноги, сунулъ ихъ въ туфли, вышитыя и поднесенныя ему въ свое время Маріей Горячковской, и — сейчасъ же подошелъ къ окну.

— Погодка, кажется, благопріятствуетъ, — пробормоталъ онъ, съ довольнымъ видомъ кивнувъ головой — я радъ, что погода не помѣшаетъ народнымъ массамъ веселиться въ радостный для нихъ день юбилея.

Одѣвшись, онъ зачерпнулъ изъ лампадки горстью масло и обильно смазалъ рѣдкіе, топорщившіеся волосы.

— Для ради юбилея,—прошепталъ онъ, ежась отъ струйки теплаго масла, поползшей по сухой согнутой спинѣ.

Черезъ полчаса швейцаръ суворинскаго дома открылъ на звонокъ дверь и увидѣлъ сидящаго, въ ожиданіи, на ступенькахъ лѣстницы Меньшикова.

— Ты чего, старичекъ, по парадным звонишься? — привѣтствовалъ его швейцаръ,—Шелъ бы со двора.

— День то какой нонѣ, Никитушка!

— Какой день? Обнаковенный.

— Никитушка! Да вѣдь можешь ты понять, тысячный фельетонъ сегодня идетъ!

— Такъ.

— Ну, Никитушка?

— Да ты что, ровно глухарь на току топчешься? Хочешь чего, что ли?

— Поздравь меня, Никитушка.

— Экій ты несообразный старичекъ... Съ чѣмъ же мнѣ тебя поздравлять?

— Никитушка!.. Тысячный фельетонъ. Сколько я за нихъ брани и поношенія принялъ...

— Ну, такъ что-же?

— Поздравь меня, Никитушка.

— Экъ вѣдь тебя растревожило. Ну, что ужъ съ тобой дѣлать: поздравляю.

— Спасибо, Никитушка! Я всегда прислушивался къ непосредственному голосу народа. Вотъ обожди, я тебѣ на водку дамъ... Куда же это я капиталы засунулъ? Вотъ! Десять копѣечекъ... Ты ужъ мнѣ, Никитушка, три копѣечки сдачи сдай. Семь копѣечекъ тебѣ, а три копѣечки мнѣ... Хе-хе, Никитушка...

— На! Эхъ ты, жила.

— Не благодари, Никитушка... Ты заслужилъ. Это вѣдь говорится такъ—на водку, а ты бы лучше на книжку ихъ въ сберегательную кассу снесъ... Ей Богу, право. Самъ то—всталъ?

— Всталъ. Иди ужъ. Ноги только вытри.

*

— Къ вамъ я, Алексѣй Сергѣичъ...

— Что еще? Говорилъ я, кажется, что не люблю, когда ты на домъ приходишь. Не хорошо,—увидать могутъ. Если нужно что, можешь въ редакціи поманить пальцемъ въ темный уголокъ—попросишь, что нужно.

— День-то какой нынче, Алексѣй Сергѣичъ!

— А что—дождь?

— Изволили читать сегодня? Тысячный фельетонъ у меня идетъ.

— Ну?

— Можно сказать—праздникъ духа.

— Да ты говори яснѣе: гривенникомъ больше хочешь за строчку по этому случаю?

— За это я вашимъ вѣчнымъ молитвенникомъ буду... А только—день-то какой!

— Да тебѣ-то что нужно?

— Поздравьте, Алексѣй Сергѣичъ!

— Удивляюсь... Ну, скажи — зачѣмъ тебѣ это понадобилось?

Меньшиковъ переступилъ съ ноги на ногу.

— Хочу, чтобы, какъ у другихъ... Тоже, если юбилей, то поздравляютъ.

— Глупости все выдумываешь! Иди себѣ съ Богомъ!

*

Придя въ редакцію, Меньшиковъ подошелъ къ столу Розанова и протянулъ ему руку.

— Здравствуйте, Василь Васильичъ!

Близорукій Розановъ привѣтливо улыбнулся, осмотрѣлъ протянутую руку и повелъ по ней взглядомъ до плеча Меньшикова. Съ плеча перешелъ на шею, но когда дошелъ до лица, то снова опустилъ взглядъ на бумагу и сталъ прилежно писать.

— Я говорю: здравствуйте, Василь Васильичъ!

— ...Бракъ не есть наслажденіе... — бормоталъ Розановъ, скрипя перомъ.—Бракъ есть долгъ передъ вѣчнымъ...

Отъ напряженнаго положенія протянутая рука Меньшикова стала затекать. Опустить ее сразу было неловко, и онъ сдѣлалъ видъ, что ощупываетъ карандашъ, лежавшій на подставкѣ.

— Странный карандашикъ... Такимъ карандашикомъ неудобно, я думаю, писать...

Меньшиковъ опустился на стулъ, рядомъ со столомъ Розанова, и беззаботно заговорилъ:

— А я сегодня тысячный фельетонъ написалъ. Ей Богу. Можете поздравить, Василь Васильичъ... Много на-

писалъ. Были большіе фельетоны и маленькіе были. Да-съ... Сегодня меня, впрочемъ, уже многіе поздравляли: швейцаръ Никита—этакій славный народный черноземъ! Алексѣй Сергѣичъ поздравляли...

— ...Всякое половое чувство должно быть радостнымъ и извѣчнымъ... — бормоталъ, начиная новую страницу, Розановъ.

— Я ужъ такъ и рѣшилъ, Василь Васильичъ: напишу тысячный фельетонъ о печати! Хе-хе! Изволили читать? Вы гдѣ, на дачѣ въ этомъ году живете? Впрочемъ, я думаю, что разговоръ со мной отвлекаетъ васъ? Ухожу, ухожу. Люблю, знаете, съ пріятелемъ въ бесѣдѣ старое вспомнить... До свиданья, Василій Васильичъ...

Меньшиковъ протянулъ опять руку, подержалъ ее минуты три, потомъ потрогалъ прессъ-папье и, сказавъ одобрительно:

— Славное прессъ-папье!—

*

Старческими шагами побрелъ къ кабинету А. Столыпина.

— Здравствуйте, Александръ Аркадьичъ!

Меньшикову очень хотѣлось, чтобы Столыпинъ, хотя бы по случаю юбилея, пожалъ ему руку. Но старый, усталый мозгъ не зналъ—какъ это сдѣлать?

Постоявъ минутъ десять у стола Столыпина, Меньшиковъ пустился на хитрость:

— А вы знаете—черезъ три минуты будетъ дождь...

— Вѣчно ты, братъ, чепуху выдумываешь, — проворчалъ Столыпинъ.

— Ей Богу. Хотите пари держать?

Простодушный Столыпинъ попался на эту удочку.

— Да вѣдь проиграешь, старая крыса?

Однако, руку протянулъ. Меньшиковъ съ наслажде-

ніемъ долго мялъ столыпинскую руку. Когда Столыпинъ вырвалъ ее, Меньшиковъ хихикнулъ и, довольный, сказалъ:

— Спасибо за то, что поздравили!

*

Потомъ Меньшиковъ ушелъ изъ редакціи и долго бродилъ по улицамъ, подслушивая, что говоритъ народъ о его юбилеѣ.

Никто ничего не говорилъ. Только въ трамваѣ Меньшиковъ увидѣлъ одного человѣка, читавшаго «Новое Время».

Подсѣлъ къ нему и, хлопнувъ по своей статьѣ, радостно засмѣялся.

— Что вы думаете объ этой штукѣ?

Читавшій сказалъ, что онъ думаетъ.

Меньшиковъ вышелъ изъ трамвая и долго шелъ безъ цѣли, бормоча про себя:

— Самъ ты старый болванъ! Туда же — въ критику пускается.

*

Вечеромъ сидѣлъ у кухарки на кухнѣ и разсказывалъ:

— Усталъ я за день отъ всего этого шума, поздравленій, почестей... Начиная отъ швейцаровъ—до Столыпина —всѣ, какъ одинъ человѣкъ. А Столыпинъ... чудакъ, право Схватилъ руку, трясетъ ее, трясетъ пожимаетъ—смѣхъ, да и только! Старикъ тоже—увидѣлъ меня, говоритъ: что нужно—проси! Отведи въ уголокъ и проси. Ей Богу, не вру! Хочешь, говоритъ, набавить—набавлю. Публика тоже... Въ трамваяхъ тоже... обсуждаютъ статью.

*

Ночью онъ долго плакалъ.

РОБИНЗОНЫ.

Когда корабль тонулъ, спаслись только двое:

Павелъ Нарымскій—интеллигентъ.

Провъ Ивановъ Акацієвъ—бывшій шпикъ.

Раздѣвшись до гола, оба спрыгнули съ тонувшаго корабля и быстро заработали руками, по направленію къ далекому берегу.

Провъ доплылъ первымъ. Онъ вылѣзъ на скалистый берегъ, подождалъ Нарымскаго и, когда тотъ, задыхаясь, сталъ вскарабкиваться по мокрымъ камнямъ,—строго спросилъ его:

— Вашъ паспортъ!

Голый Нарымскій развелъ мокрыми руками:

— Нѣту паспорта. Потонулъ.

Акацієвъ нахмурился.

— Въ такомъ случаѣ, я буду принужденъ...

Нарымскій ехидно улыбнулся.

— Ага... Некуда!

Провъ зачесалъ затылокъ, застоналъ отъ тоски и безсилія и потомъ, молча, голый и грустный, побрелъ въ глубь острова.

Понемногу Нарымскій сталъ устраиваться. Собралъ на берегу выброшенные бурей обломки и нѣкоторыя вещи съ корабля, и сталъ устраивать изъ обломковъ—домъ.

Провъ сумрачно слѣдилъ за нимъ, прячась за сосѣднимъ утесомъ и потирая голыя худыя руки. Увидѣвъ,

что Нарымскій уже возводитъ деревянныя стѣны, Акаціевъ, крадучись, приблизился къ нему и громко закричалъ:

— Ага! Попался! Вы это что дѣлаете?

Нарымскій улыбнулся.

— Предварилку строю.

— Нѣтъ, нѣтъ... Это вы домъ строите! Хорошо-съ!.. А вы строительный уставъ знаете?

— Ничего я не знаю.

— А разрѣшеніе строительной комиссіи въ разсужденіи пожара у васъ имѣется?

— Отстанете вы отъ меня?...

— Нѣтъ-съ, не отстану. Я вамъ запрещаю возводить эту постройку безъ разрѣшенія.

Нарымскій, уже не обращая на Прова вниманія, усмѣхнулся и сталъ прилаживать дверь.

Акаціевъ тяжко вздохнулъ, постоялъ и потомъ тихо поплелся вглубь острова.

Выстроивъ домъ, Нарымскій сталъ устраиваться въ немъ, какъ можно удобнѣе. На берегу онъ нашелъ ящикъ съ книгами, ружье и боченокъ солонины.

Однажды, когда Нарымскому надоѣла вѣчная солонина, онъ взялъ ружье и углубился въ дѣвственный лѣсъ, съ цѣлью настрѣлять дичи.

Все время сзади себя онъ чувствовалъ молчаливую, безшумно перебѣгавшую отъ дерева къ дереву фигуру, прячущуюся за толстыми стволами, но не обращалъ на это никакого вниманія. Увидѣвъ пробѣгавшую козу, приложился и выстрѣлилъ.

Изъ-за дерева выскочилъ Провъ, схватилъ Нарымскаго за руку и закричалъ:

— Ага! Попался... Вы имѣете разрѣшеніе на право ношенія оружія?

Обдирая убитую козу, Нарымскій досадливо пожалъ плечами.

— Чего вы пристаете? Занимались бы лучше своими дѣлами.

— Да я и занимаюсь своими дѣлами,—обиженно возразилъ Акаціевъ.—Потрудитесь сдать мнѣ оружіе подъ росписку на храненіе, впредь до разбора дѣла.

— Такъ я вамъ отдалъ! Ружье-то я нашелъ, а не вы!

— За находку вы имѣете право лишь на одну треть...—началъ было Провъ, но, почувствовавъ всю нелѣпость этихъ словъ, оборвалъ и сердито закончилъ:

— Вы еще не имѣете права охотиться!

— Почему это?

— Еще Петрова дня не было! Закону не знаете, что-ли?

— А у васъ календарь есть?—ехидно спросилъ Нарымскій.

Провъ подумалъ, переступилъ съ ноги на ногу и сурово сказалъ:

— Въ такомъ случаѣ, я арестую васъ за нарушеніе выстрѣлами тишины и спокойствія.

— Арестуйте! Вамъ придется дать мнѣ помѣщеніе, кормить, ухаживать за мной и водить на прогулки!

Акаціевъ заморгалъ глазами, передернулъ плечами и скрылся между деревьями.

Возвращался Нарымскій другой дорогой.

Переходя по сваленному бурей стволу дерева маленькую рѣчку, онъ увидѣлъ на другомъ берегу столбикъ съ какой-то надписью.

Приблизившись, прочелъ:

— Ѣзда по мосту шагомъ.

Пожавъ плечами, наклонился, чтобы утолить чистой, прозрачной водой жажду, и на прибрежномъ камнѣ прочелъ надпись:

— Не пейте сырой воды! За нарушеніе сего постановленія виновные подвергаются...

Заснувъ послѣ сытнаго ужина на своей теплой постели изъ сухихъ листьевъ, Нарымскій среди ночи услы-

шалъ вдругъ какой-то стукъ и, отворивъ дверь, увидѣлъ передъ собою мрачнаго и рѣшительнаго Прова Акаціева.

— Что вамъ угодно?

— Потрудитесь впустить меня для производства обыска. На основаніи агентурныхъ свѣдѣній...

— А предписаніе вы имѣете?—лукаво спросилъ Нарымскій.

Акаціевъ тяжело застоналъ, схватился за голову и съ крикомъ тоски и печали бросился вонъ изъ комнаты.

Часа черезъ два, передъ разсвѣтомъ, стучался въ окно и кричалъ:

— Имѣйте въ виду, что я видѣлъ у васъ книги. Если онѣ предосудительнаго содержанія и вы не заявили о храненіи ихъ начальству—виновные подвергаются...

Нарымскій сладко спалъ.

Однажды, купаясь въ тепломъ, дремавшемъ отъ зноя морѣ, Нарымскій отплылъ такъ далеко, что ослабѣлъ и сталъ тонуть.

Чувствуя въ ногахъ предательскія судороги, онъ собралъ послѣднія силы и инстинктивно закричалъ. Въ ту же минуту онъ увидѣлъ, какъ, вѣчно торчавшая за утесомъ и слѣдившая за Нарымскимъ, фигура поспѣшно выскочила и, бросившись въ море, быстро поплыла къ утопающему.

Нарымскій очнулся на песчаномъ берегу. Голова его лежала на колѣняхъ Прова Акаціева, который заботливой рукой растиралъ грудь и руки утопленника.

— Вы... живы?—съ тревогой спросилъ Провъ, наклоняясь къ нему.

— Живъ.—Теплое чувство благодарности и жалости шевельнулось въ душѣ Нарымскаго.—Скажите... Вотъ вы рисковали изъ-за меня жизнью... Спасли меня... Вѣроятно, я все-таки дорогъ вамъ, а?

Провъ Акаціевъ вздохнулъ, обвелъ ввалившимися

глазами безпредѣльный морской горизонтъ, охваченный пламенемъ краснаго заката,—и просто, безъ рисовки, отвѣтилъ:

— Конечно, дороги. По возвращеніи въ Россію вамъ придется заплатить около ста десяти тысячъ штрафовъ или сидѣть около полутораста лѣтъ.

И, помолчавъ, добавилъ искреннимъ тономъ:

— Дай вамъ Богъ здоровья, долголѣтія и богатства.

ВИЗИТЪ.

Октябристъ приблизился къ швейцару и, кланяясь, вѣжливо сказалъ:

— Здравствуйте, ваше благородіе! Христосъ Воскресе!

Польщенный щвейцаръ улыбнулся.

— Ну, какое тамъ благородіе: далеко мнѣ.

— Не скажете. Жена, дѣтки—здоровы?

— Сынишка кашляетъ.

— Что вы говорите! Это ужасно.

— Да... А жена уѣхала въ Вытегру.

— Что вы говорите!? Прекрасный городъ Вытегра. Я слышалъ, что ваша супруга предостойнѣйшая женщина... Сами ли вы въ добромъ здоровьи?

— Что это ты, братъ, чудной какой? Ужъ не Октябристъ ли?

Октябристъ стыдливо потупился и прошепталъ:

— Октябристъ.

— Ага! Такъ, такъ... Ты начальство почитай. А ужъ мы тебя не забудемъ... Хе-хе!

Швейцаръ дружески потрепалъ улыбающагося Октябриста по животу и спросилъ:

— Доложить?

— Да-съ, господинъ управляющій.

Черезъ минуту Октябристъ входилъ въ пріемную его превосходительства...

Маленькая злая собаченка, лежавшая на диванѣ, заворчала, бросилась на вошедшаго и укусила его за ногу.

Октябристъ улыбнулся и, прищелкивая пальцами, сталъ звать собаченку:

— Цыпъ-цыпъ-цыпъ!..

— Ахъ, извините пожалуйста! Она вамъ порвала брюки..

— Христосъ воскресе, ваше пр-во-съ. Ниче-го-съ... Онѣ только пошутили собачки ваши. Насчетъ же брюкъ, то въ разсужденіи вентиляціи это даже полезно...

— Но у васъ изъ ноги каплетъ кровь!

— По совѣсти говоря, ваше пр-во, я бы ихъ, собаченочку эту, еще благодарить долженъ-съ. Сложенія я, знаете, апоплексическаго, а онѣ мнѣ безплатное кровопусканіе сдѣлали. Хе-съ, хе-съ!..

Сѣли. Октябристъ посмотрѣлъ въ окно и сказалъ:

— Какая прекрасная погода!

— Что вы! Погода скверная...

— Вы знаете, ваше пр-во, я еще съ утра, когда всталъ, то говорю женѣ: «знаешь, Липочка, погода будетъ неважная». И, дѣйствительно, — погода оказалась скверная!

Октябристъ подумалъ немного и рѣшилъ сказать хозяину что-нибудь самое пріятное.

— Прекрасная у васъ собачка! Рублей сто стоитъ?

— Что вы! Жена ее за пять рублей щенкомъ купила. Ахъ, да! Не хотите ли вы закусить? Пожалуйте къ столу.

Проходя къ столу, Октябристъ задержался около висѣвшей на стѣнѣ картины и похвалилъ ее.

— Прекрасный морской видъ. Вообще, Рембрандтъ въ этомъ отношеніи не имѣетъ соперниковъ.

— Какой же это Рембрандтъ? Это Судковскій.

— Но, ваше пр-во, Рембрандтъ тоже былъ хорошимъ художникомъ. Хотя Судковскій, конечно...

Октябристъ потрогалъ рукой раму, погладилъ полотно и значительно сказалъ:

— Тысячъ пятнадцать!

— Триста рублей! Пожалуйте... Вамъ прикажете налить чего-нибудь?

— Ахъ, что вы! Въ ротъ не беру!.. Я такъ разсуж-

даю: развѣ можетъ человѣкъ, любящій родину, отравлять себя алкоголемъ?!

Но сейчасъ же, вспомнивъ о казенной продажѣ водки, гость сконфузился и покраснѣлъ...

— Конечно, тѣ, кто занимается физическимъ трудомъ должны ее пить, потому что, какъ это говорится: mens sana in Квисисана... Но напряженный умственный трудъ, ваше пр-во, требуетъ трезвости.

— А вотъ я, грѣшный человѣкъ, люблю выпить рюмку—другую.

— Совершенно правильно, ваше пр-во. Я еще читалъ гдѣ-то, что алкоголь въ небольшихъ дозахъ возбуждаетъ энергію и дѣятельность. А я, въ сущности, не пью изъ-за, извините, печени.

Вошелъ слуга и доложилъ, что хозяина вызываютъ къ телефону.

— Извините. Одну минуту.

Оставшись одинъ, Октябристъ поправилъ галстукъ и строго посмотрѣлъ на лежавшую у его ногъ собачку.

— У-у, дрянь этакая! Чтобъ ты лопнула!

Собаченка посмотрѣла на него равнодушнымъ взглядомъ.

— Только жаль, что визжать будешь... А то бы я тебѣ такого пинка далъ, что ты къ стѣнѣ отлетишь. Пошла вонъ!! Черти тебя задери...

Онъ наклонился и сильно дернулъ собаченку за ухо.

— Гррр...—громко зарычала она.

— Ну, ну... Собаценоцка! Цто ты, цто ты? Ну, кто насъ, обидѣлъ, кто... Мы нервненькія, правда?

Октябристъ прислушался, дрожащей рукой налилъ себѣ рюмку рябиновой и, боязливо поглядѣвъ на собаку, выпилъ. Потомъ взялъ рукой кусокъ семги и поспѣшно засунулъ ее въ ротъ, торопясь прожевать.

— А вотъ и я. Позвольте предложить вамъ чего-нибудь скушать.

Гость сдѣлалъ видъ, что закашлялся, вынулъ носовой платокъ и выплюнулъ въ него семгу.

— Въ сущности, я, ваше пр-во, сытъ. Уже завтракалъ-съ.

— Въ такомъ случаѣ, кофе? Ликеру? Ну, ликеру-то вы со мной выпьете... Легонькаго. Абрикотину.

— Не смѣю отказаться.

Гость потянулся за налитой рюмкой. Собаченка отъ его движенія вздрогнула и звонко залаяла. Вздрогнулъ и гость.

— Ахъ, Боже ты мой, что я надѣлалъ!!

Тоненькая струйка абрикотина поползла по бѣлоснѣжной скатерти.

— Ваше пр-во! Честное слово, это ваша собачка... Онѣ залаяли...

— Ну, пустяки. Сейчасъ вытрутъ.

— Ваше пр-во! Я самъ присыплю солью. Тогда пятна не будетъ.

Гость дрожащей рукой схватилъ баночку съ горчицей и сталъ трясти ее на пятно.

— Виноватъ, но вѣдь это горчица.

— Ваше пр-во!.. Ей Богу, нечаянно. Позвольте, я ножичкомъ соскоблю горчицу.

— Да не безпокойтесь. Вонъ вы ножемъ и разрѣзали скатерть. Видите, какой вы!..

— Ваше..! Видитъ Богъ, не хотѣлъ я этого... Вы и въ Думѣ знаете меня, я никогда—чтобы что-нибудь... Можете даже Остенъ-Сакена спросить...

Въ смущеніи и растерянности Октябристъ замололъ такую дрянь, что даже его пр-во сконфузился.

— Вы, можетъ быть, нездоровы? Тогда не смѣю удерживать...

— Прощ...щайте, ваше пре...пре... Воистину воскресе... Прощайте, собачка... Ввввв...

Октябристъ не помнилъ, какъ добрался домой. Его трясла лихорадка и жена уложила его спать.

Онъ метался въ кровати, бредилъ, и въ бреду ему чудилась страшная картина: ехидная собаченка, послѣ его

ухода, поманила лапой хозяина, и когда тотъ нагнулся къ ней, потихоньку сообщила:

— А этотъ то... что былъ у тебя... Когда ты вышелъ къ телефону—онъ выпилъ рюмку водки и спряталъ въ карманъ кусокъ семги. Своими глазами видѣла.

— Хорошо...—сурово сказалъ хозяинъ. — Если такъ, то завтра же разгонимъ Думу...

БѢДСТВІЕ.

Неожиданный неурожай тек. года поставилъ въ большое затрудненіе—какъ м-во путей сообщенія, такъ и сельскихъ хозяевъ, принужденныхъ продавать хлѣбъ почти даромъ.

«Торгово-Промышл. Газета».

I.

Передъ директоромъ департамента стоялъ чиновникъ и смущенно докладывалъ:

— Мы получили самыя вѣрныя свѣдѣнія... Сомнѣній больше нѣтъ никакихъ! Такъ и лѣзутъ изъ земли.

— Что жъ это они такъ... Не доглядѣли, что-ли?

— Да что-жъ тутъ доглядывать, ваше пр-во. Дѣло Божье!

— Конечно, Божье... Но вѣдь и пословица говоритъ: на Бога надѣйся, а самъ не плошай. А вы говорите—лѣзутъ!? Что же лѣзетъ больше?

— Многое лѣзетъ, ваше пр-во... Рожь, пшеница...

— Но я не понимаю... Теперь, когда агрономическая культура сдѣлала такіе шаги, неужели, нельзя принять какія-нибудь мѣры?

— Какія мѣры, ваше пр-во?

— Чтобъ они не лѣзли, эти самыя пшеницы, ржи и прочее.

— Тутъ ужъ ничего не подѣлаешь. Разъ полѣзло изъ земли—съ нимъ не справишься. Зерно маленькое-ма-

ленькое, а силища въ немъ громадная! Нѣтъ, ужъ видно судьба такая, чтобы быть урожаю!

— Ну, а мужики что?

— Да что жъ мужики—плачутъ. Сколько лѣтъ уже, говорятъ, не было этихъ самыхъ урожаевъ, а тутъ—разгнѣвался Господь—послалъ.

Директоръ осмотрѣлъ уныло свои ногти и вздохнулъ.

— Мужиковъ жаль!

— Да-съ. Сюрпризецъ! Вотъ ужъ правду говорятъ: многострадальный русскій народъ.

— Э?

— Многострадальный, говорю. И они многострадальные, и мы... Намъ то еще хуже, ваше пр-во! Какъ начнутъ это вагоны требовать, пробки разныя устраивать, въ газетахъ насъ ругать—чистѣйшей воды драма.

— А, можетъ... еще и недородъ будетъ?

— Нѣтъ нималѣйшей надежды. Я наводилъ справки. Въ одинъ голосъ всѣ—урожай!

— Опять эта кутерьма пойдетъ: безплатныя столовыя, общеземскія организаціи на мѣстахъ, пострадавшихъ отъ урожая, крестьянское раззореніе. Эхъ, ты, русскій народъ!

Въ голосѣ директора послышались лирическія нотки.

— Эхъ, ты, русскій народъ! Кто тебя выдумалъ, какъ говоритъ незабвенный Гоголь... До того ты теменъ и дикъ, что отъ простого урожая отвертѣться не можешь.

— Трудно отвертѣться, ваше пр-во. Лѣзетъ!

— Кто лѣзетъ?

— Все, что въ землѣ есть. Повѣрите—въ нѣкоторыхъ мѣстахъ опасаются, что и фрукты могутъ дать урожай!!

— Что вы говорите! Эхъ, хорошо говорилъ покойный Гоголь: урожай, кто тебя выдумалъ?

II.

Мужикъ Савельевъ стоялъ у межи своего поля и ругался:

— Ишь ты! Ишь ты, подлая! Такъ и претъ! У лю-

дей, какъ у людей—или градомъ побьетъ, или скотъ вытопчетъ, а у насъ—хучь ты ее самъ лаптемъ приколачивай!

— Что ты, кумъ, ворчишь?—спросилъ, подойдя къ Савельеву, мужикъ Парфенъ Парфеновъ.

— Да что, братъ дядя, рожь у меня изъ земли лѣзетъ. И не доглядишь, какъ урожай будетъ.

— Ну?—сказалъ Парфенъ Парфеновъ.—Влопаешься ты, кумъ!

— И то! Сколько лѣтъ по хорошему было: и о прошломъ годѣ—недородъ, и о позапрошломъ—недородъ, а тутъ—нако-ся! Урожай. Пойтить въ кусочки потомъ и больше никакихъ апельциновъ!

— А во, братъ, тучка оттеда идетъ Помочитъ, можетъ,—на корню она, подлая, подгніетъ. Все лучше, чѣмъ потомъ по двугривенному за пудъ расторговаться.

Глаза Савелія Савельева загорѣлись надеждой.

— Гдѣ? Гдѣ туча?..

— Во. Гляди, можетъ, градомъ осыплется.

— Вашими бы устами, Парфенъ Лукичъ,—сказалъ повеселѣвшій Савельевъ,—да медъ пить!

Задравъ рыжія бороды кверху, долго стояли кумовья и слѣдили за ползущей тучей.

III.

Газета «Голосъ Мудрости» писала въ передовой статьѣ:

— Мы давно призывали общество къ болѣе тѣсному единенію и борьбѣ со страшнымъ бичемъ русскаго крестьянина — урожаемъ! Что мы видимъ: въ нормальное, спокойное время, когда рядъ недородовъ усыпляетъ общественное вниманіе, всѣ забываютъ, что коварный врагъ не спитъ и въ это же самое время, можетъ быть, продираетъ ростками землю, чтобы выбиться наружу зловѣщими длинными колосьями, словно рядомъ бичей, угрожающихъ нашему сельскому хозяйству. А потомъ ахаютъ и охаютъ, безпомощно мечась передъ призракомъ бѣдствія:

— Ахъ, урожай! Охъ, урожай!..

И нищаетъ сельское хозяйство и забиваются желѣзныя дороги пробками, тормозя нормальное развитіе отечественной промышленности. Сельскіе хозяева! Помните:

— Врагъ не дремлетъ!

IV.

По улицѣ большого города шелъ прохожій.

Истомленные оборванные люди, держа на рукахъ двухъ ребятъ, подошли къ нему и зашептали голодными голосами:

— Господинъ! Помогите пострадавшимъ отъ урожая!

— Неужели вы пострадавшіе? Можетъ, вы только симулируете пострадавшихъ отъ урожая? — спросилъ сердобольный прохожій.

— Дѣ тамъ! Хворменный былъ урожай!

— И много у васъ уродилось?

— Самъ-двадцать!

— Несчастные!—ахнулъ прохожій.—На-те вамъ три рубля. Можетъ, поправитесь.

. . . .

. . . .

МУЧЕНИКЪ НАУКИ.

Провинціальные губернаторы предписали мѣстной полиціи слѣдить за внѣшкольнымъ поведеніемъ учащихся.

Когда околодочный входилъ въ комнату, шашка его зацѣпилась за ручку двери.

Отцѣпить старались: онъ самъ, Мишка, Мишкинъ отецъ и горничная. Всѣ были смущены, и околодочный больше всѣхъ.

Онъ конфузливо потеръ красныя большія руки, для чего то надулъ щеки и, съ дѣланной развязностью, сказалъ:

— Ну, какъ сынокъ вашъ?

— Ничего, здоровъ, благодарю васъ. Мишка! Оставь носъ—по рукамъ получишь.

Постояли всѣ, помолчали.

— Погодка то, нынче, а?

— Да.

Околодочный подошелъ къ стѣнѣ и съ нескрываемымъ интересомъ сталъ разсматривать картину, изображавшую «Бабушкины сказки».

— Вы бы присѣли!

— Благодарю васъ. Прекрасная картина!

— Да.

Околодочный сѣлъ и опять потеръ руки.

— Ну, какъ дѣла, молодой человѣкъ?

Царапая ногтемъ спинку кресла, Мишка застѣнчиво отвѣтилъ:

— Благодарю васъ. Ничего.

Околодочный подергалъ головой, вскочилъ съ кресла и опять подошелъ къ картинѣ.

— Маслянными красками?

— Нѣтъ премія къ «Нивѣ».

— Ага! Такъ, такъ. Хорошій журнальчикъ.

— Да.

— Престранная вещь у насъ вчера въ участкѣ случилась: привели какого то пьянаго, а онъ по русски ни слова!

— Поди-жъ ты! Иностранецъ, значитъ,—догадалась мать.—Мишка! По рукамъ получишь!

— Вы, молодой человѣкъ, тово... маменьку слушайтесь. Онѣ васъ кормятъ.

Мишка въ паническомъ ужасѣ посмотрѣлъ на околодочнаго и прошелестѣлъ:

— Я... слушаюсь.

— Эти картины, вообще, вещь превосходная. Заплатилъ семь рублей въ годъ—и Салтыкова тебѣ какого-нибудь дадутъ двѣнадцать книжекъ, и украшеніе для гостиной.

— Да.

— Въ этомъ году какое приложеніе даютъ?

— Не знаю. Мы теперь перестали выписывать.

Околодочный всталъ и потрогалъ рукой картину.

— Совершеннѣйшія маслянныя краски. Даже удивительно!

Онъ вытеръ холодный потъ со лба и застегнулъ верхнюю пуговицу мундира.

Сѣлъ и снова ее отстегнулъ.

— Вы, можетъ быть, посмотрѣли бы, какъ мальчикъ занимается?

Околодочный даже икнулъ отъ радости.

— Да, да! Это очень интересно.

— Пойдемте въ его комнату!

Всѣ встали и пошли черезъ темный корридоръ.

Идя впереди, околодочный попалъ въ самый конецъ корридора и, когда открылъ преграждавшую ему дальнѣйшій путь дверь, то сейчасъ же отшатнулся и быстро ее захлопнулъ.

— Не сюда! Здѣсь не хорошо,—предупредилъ отецъ, а Мишка сзади тихонько хихикнулъ.

Вошли въ небольшую комнату Мишки и сѣли. Мать сѣла на кровать съ такимъ разсчетомъ, чтобы можно было ногой незамѣтно пододвинуть вглубь какую-то вещь, которая, помѣстившись на виду, могла своимъ видомъ шокировать благовоспитанный глазъ.

Околодочный обвелъ глазами комнату и съ тайнымъ ужасомъ замѣтилъ, что стѣны были безъ картинъ, совершенно голыя.

Онъ обратилъ свое вниманіе на столъ, закапанный чернилами. Взялъ истерзанный атласъ и сталъ его внимательно перелистывать.

— Америка... А ну, молодой человѣкъ, покажите, гдѣ здѣсь городъ... Трансвааль, что-ли?

Мишка придвинулся къ столу и увѣренно сказалъ:

— Трансвааль на три страницы дальше: въ Африкѣ.

Околодочный насильственно улыбнулся и неумѣло подмигнулъ.

— Ишь ты! Васъ не поймаешь... Я-то зналъ, а вотъ хотѣлъ васъ подвести.

И совралъ. Рѣшилъ, на всякій случай, запомнить.

— А исторію вы знаете?

— Древнюю, или новую?

— Ну да, поновѣе что-нибудь... Какъ звали, напримѣръ, того царя, у котораго изъ живота дерево выросло?

— Это не у него, а у его мамы. Снилось ей. Его звали Киръ.

— Вотъ, вотъ. А то, представьте,—обратился онъ къ отцу,—былъ еще такой чудакъ: взялъ и высѣкъ плетьми море. Какъ вамъ это понравится?

— Да, вообще... Комичные эти греки были.

Околодочный передвинулъ чернильницу и спросилъ Мишку съ неожиданною строгостью:

— А Берлинъ гдѣ?

— Въ Германіи.

— Молодецъ! Ловко угадалъ. Ну, ты учись тутъ, слушайся родителей, а я пойду.

Всѣ сразу повеселѣли.

Отецъ пожалъ уходившему руку, а мать привѣтливо спросила:

— Чаю не хотите?

— Нѣтъ-съ, не пью, то есть уже пилъ. Всего лучшаго.

Стоя на улицѣ, околодочный долго вытиралъ платкомъ лобъ и щеки и злобно озирался.

Потомъ, увидя проходившаго мороженщика, набросился на него.

— Моррроженное продаешь, рракалія?! Кричишь, мерзавецъ?! За нарушеніе тишины, знаешь...

И закусивъ бѣлыми зубами губу, онъ ударилъ мороженщика въ ухо.

СПЕРМИНЪ.

Это была самая скучная, тоскливая сессія Думы.

Вначалѣ еще попадались нѣкоторые неугомонные читатели газетъ, которые послѣ долгаго сладкаго зѣвка оборачивались къ сосѣду по мѣсту въ трамваѣ и спрашивали:

— Ну, какъ Дума?

А потомъ и эти закоренѣлые политики какъ-то вывелись...

Голоднымъ, оборваннымъ газетчикамъ приходилось долго и упорно бѣжать за прохожимъ, заскакивая впередъ, растопыривая руки и съ мольбой въ голосѣ крича:

— Интересная газета!! Бурное засѣданіе Государственной Думы!!..

— Врешь ты все, братъ,—брезгливо говорилъ прохожій.—Ну, какое тамъ еще бурное?..

— Купите, ваше сіятельство!

— Знаемъ мы эти штуки!..

Отодвинувъ рукой ослабѣвшаго отъ голода, истомленнаго нуждой газетчика, прохожій шагалъ дальше, а газетчикъ въ слѣпой, предсмертной тоскѣ метался по улицѣ, подкатывался подъ извозчиковъ и хрипло, стеная, кричалъ:

— Интересная газета! На Малой Охтѣ чухонка любовника топоромъ зарубила!! Купите, сдѣлай милость!

И жалко ихъ было, и досадно.

*

Неожиданно среди общаго сна и скуки, какъ ударъ грома, грянулъ небывалый скандалъ въ Думѣ.

Скандалъ былъ дикій, нелѣпый, ни на чемъ не основанный,—но все ожило, зашевелилось, заговорило, какъ будто вспрыснутое живительнымъ лѣтнимъ дождикомъ.

Негодованію газетъ не было предѣла.

— Послѣ долгой спячки и пережевыванія никому не нужной вермишели—Дума, наконецъ, проснулась довольно своеобразно и самобытно: правый депутатъ Карнаухій закатилъ такой скандалъ, подобнаго которому еще не бывало... Встрѣченный во время произнесенія своей возмутительной рѣчи съ трибуны общимъ шиканьемъ и протестами,—Карнаухій выругался непечатными словами, снялъ съ ноги сапогъ и запустилъ имъ въ предсѣдательствующаго... Когда къ нему бросились депутаты, онъ выругалъ всѣхъ хамами и дохлыми верблюдами, и потомъ, схвативъ стулъ, разбилъ голову депутату Рыбешкину. Когда же, наконецъ, прекратятся эти возмутительныя безчинства черносотенной своры?! Исключеніе наглаго хулигана всего на пять засѣданій должно подлить лишь масла въ огонь, т. к. ободритъ другихъ и подвинетъ на подобныя же безчинства! Самая лучшая мѣра воздѣйствія на подобныхъ господъ—судъ и лишеніе депутатскаго званія!

Газетчики уже не бѣгали, стеная, за прохожими. Голодное выраженіе сверкавшихъ глазъ смѣнилось сытымъ, благодушнымъ...

*

Издателю большой ежедневной газеты Хваткину доложили, что къ нему явился депутатъ Карнаухій и требуетъ личнаго съ нимъ свиданія.

— Какой Карнаухій? Что ему надо?—поморщился издатель.—Ну, чортъ съ нимъ, проси.

Разсыльный ушелъ. Дверь скрипнула и въ кабинетъ, озираясь, тихо вошелъ депутатъ Карнаухій.

Онъ подошелъ къ столу, придвинувъ себѣ стулъ,

сѣлъ лицомъ къ лицу съ издателемъ и, прищурившись, молча, сталъ смотрѣть въ издателево лицо.

Издатель подперъ голову руками, облокотился на столъ и тоже долго, будто любуясь, смотрѣлъ въ красное, широкое лицо своего гостя.

— Ха-ха-ха!—раскатился издатель неожиданнымъ хохотомъ...

— Хо-хо-хо!—затрясся всѣмъ своимъ грузнымъ тѣломъ Карнаухій.

— Хи-хи-хи!

— Го-го-го!

— Хе!

— Гы!

— Да и ловкачъ же ты, Карнаухій!

Сквозь душившій его хохотъ, Карнаухій скромно заявилъ:

— Чего жъ ловкачъ... Какъ условлено, такъ и сдѣлано. Доне муа того келькъ-шозу, который въ той желѣзной щикатулкѣ лежитъ!

Издатель улыбнулся

— Какъ условлено?

— А то жъ!

Издатель всталъ, открылъ шкапчикъ, вынулъ нѣсколько кредитокъ и, осмотрѣвшись, сунулъ ихъ въ руку Карнаухому.

— Эге! Да тутъ четвертной не хватаетъ!

— А ты министрамъ кулакъ показывалъ, какъ я просилъ? Нѣтъ? То-то и оно, братъ. Ежели бы показалъ, такъ я, тово... Я честный—получай полностью! А разъ не показалъ—согласись самъ, братъ Карнаухій...

— Да ихъ никого и не было въ ложѣ.

— Ну что-жъ дѣлать—значитъ, мое такое счастье!

Карнаухій крякнулъ, покачалъ укоризненно головой, сунулъ деньги въ карманъ и взялся за шапку.

— Постой, братъ,—остановилъ его издатель, потирая лобъ.—Ты вѣдь, тово... Исключенъ на пять засѣданій? Это хорошо, братъ... Такъ и нужно. Пока ты забудешься. А

тамъ я бъ тебѣ еще работку далъ. Скажи... Не могъ бы ты какого-нибудь октябриста на дуэль вызвать?

— Такъ я его лучше просто отдую,—добродушно сказалъ Карнаухій.

— Ну, вотъ... Придумалъ тоже! Дуэль—это дѣло благородное, а то—чортъ знаетъ что—драка.

Карнаухій пощелкалъ пальцами, почесалъ темя и согласился:

— Что жъ, можно и дуэль. На дуэль своя цѣна будетъ. Сами знаете...

— Не обижу. Только ты какой-нибудь благовидный предлогъ придумай... Подойди, напримѣръ, къ нему и привяжись: «ты чего мнѣ вчера на пиджакъ плюнулъ? Дрянь ты октябристская!» Можешь толкнуть его даже.

— А ежели онъ не обидится?

— Ну, какъ не обидится. Обидится. А потомъ значитъ, ты сдѣлай такъ...

*

Долго въ кабинетѣ слышался шопотъ издателя и гудящій басъ Карнаухаго.

Провожая его, издатель сдѣлалъ страшное лицо и сказалъ:

— Только ради Создателя—чтобы ни редакторъ, ни сотрудники ничего не знали... Они меня съѣдятъ.

— Эге!

Когда Карнаухій вышелъ на улицу, къ нему подскочилъ веселый, сытый газетчикъ и крикнулъ:

— Грандіозный скандалъ! Исключеніе депутата Карнаухова на пять засѣданій!!

Карнаухій улыбнулся и добродушно проворчалъ:

— Тоже кормитесь, черти?!

ОКТЯБРИСТЪ ЧИКАЛКИНЪ.

Къ октябристу Чикалкину явился околодочный надзиратель и объявилъ, что предполагавшееся имъ, Чикалкинымъ, собраніе въ городѣ Битюгѣ, съ цѣлью сообщенія избирателямъ результатовъ о дѣятельности его, Чикалкина, въ Думѣ—не можетъ быть разрѣшено.

— Почему?—спросилъ изумленный Чикалкинъ.

— Потому. Неразрѣшенныя собранія воспрещаются!

— Такъ вы бы и разрѣшили!

Околодочный снисходительно усмѣхнулся.

— Какъ же это можно: разрѣшить неразрѣшенное собраніе. Это противозаконно.

— Но вѣдь, если вы разрѣшите, оно уже перестанетъ быть неразрѣшеннымъ,—сказалъ, подумавши немного, Чикалкинъ.

— Такъ-то оно такъ,—отвѣтилъ околодочный, еще разъ усмѣхнувшись безтолковости Чикалкина.—Да какъ же его разрѣшить, если оно пока что—неразрѣшенное? посудите сами.

— Хорошо,—сказалъ зловѣще спокойнымъ тономъ Чикалкинъ.—Мы внесемъ объ этомъ въ Думѣ запросъ.

— Распишитесь, что приняли къ свѣдѣнію,—хладнокровно кивнулъ головой околодочный.

*

Когда октябристъ Чикалкинъ остался одинъ, онъ долго, взволнованный и возмущенный до глубины души, шагалъ по комнатѣ...

— Вы у меня узнаете, какъ не разрѣшать! Ладно!! Запросъ надо формулировать такъ: Извѣстно-ли... и тому подобное, что администрація города Битюга своими незакономѣр...

Чикалкинъ вздохнулъ и потеръ бритую щеку.

— Гм. Рѣзковато. За версту кадетомъ несетъ... Можетъ такъ: Извѣстно-ли и тому подобное, что ошибочныя дѣйствія администр... А что такое ошибочныя? Ошибка— не вина. Тотъ не ошибается, кто ничего не дѣлаетъ. Да что-жъ я въ самомъ дѣлѣ, дуракъ... Запросъ! Запросъ! Не буду же я одинъ его вносить. А фракція—вдругъ скажетъ: несвоевременно! Ну, конечно, скажетъ,.. Такія штуки всегда несвоевременны. Запросъ! Эхъ, Чикалка! Тебѣ, братъ, нужно, просто министру пожаловаться, а ты... Право! Напишу министру этакое оффиціальное письмецо...

*

Октябристъ Чикалкинъ сѣлъ за столъ.

— Ваше высокопревосходительство! Симъ довожу до вашего свѣдѣнія, что произволъ властей...

Перо Чикалкина застыло въ воздухѣ. Въ столовой гулко пробило два часа.

— ...что произволъ властей...

Въ столовой гулко пробило половину третьяго.

— ...что произволъ властей, которыя...

Рука онѣмѣла. Въ столовой гулко пробило пять.

— ...что произволъ властей, которые...

Стало смеркаться.

— Которыя... произволъ, котор...

И вдругъ Чикалкину ударило въ голову:

— А что, если...

Онъ схватилъ начатое письмо и изорвалъ его въ клочья.

— Положимъ... Не можетъ быть!... А вдругъ!

Октябристъ Чикалкинъ долго ходилъ по комнатѣ и, наконецъ, всплеснувъ руками, сказалъ:

— Ну, конечно! Просто нужно поѣхать къ исправнику и спросить о причинѣ неразрѣшенія. Въ крайнемъ случаѣ—припугнуть.

*

Чикалкинъ одѣлся и вышелъ на улицу.

— Извозчикъ! Къ исправнику! Знаешь?

— Господи!—съ суевѣрнымъ ужасомъ сказалъ извозчикъ,—да какъ-же не знать-то! Еще позавчерась оны меня обстраховали за ѣзду. Такого, можно сказать, человѣка, да не знать! Скажутъ такое.

— Что же онъ—строгій?—спросилъ Чикалкинъ, усаживаясь въ пролетку.

— Онъ-то? Страсть. Онъ, ваше высокоблагородіе, будемъ прямо говорить—строгій человѣкъ. И—и! Порохъ! Чиновникъ мнѣ одинъ анадысь сказывалъ... Ему—слово, а онъ сейчасъ ножками тупъ-тупъ, да голосомъ: въ Сибирь, говоритъ, васъ всѣхъ!! Начальство не уважаете!!

— Что-жъ онъ—всѣхъ такъ?—дрогнувшимъ голосомъ спросилъ Чикалкинъ.

— Да ужъ такіе господа... Строгіе. Если что—не помилуютъ.

Октябристъ Чикалкинъ помолчалъ.

— Ты меня куда везешь-то?—неожиданно спросилъ онъ извозчика.

— Дыкъ сказывали—къ господину исправнику...

— Дыкъ сказывали!—передразнилъ его Чикалкинъ.— А ты слушай ухомъ, а не брюхомъ. Кто тебѣ сказывалъ? Я тебѣ, дураку, говорю—вези меня въ полицейское управленіе, а ты къ самому исправнику!.. Мало штрафуютъ васъ, чертей. Заворачивай!

*

— Да, братъ,—заговорилъ Чикалкинъ, немного успокоившись.—Въ полицейское управленіе мнѣ надо. Хе-хе! Чудаки эти извозчики... ему говоришь туда, а онъ тебя везетъ сюда. Такъ-то, братъ. А мнѣ въ полицейское упра-

вленіе и надо-то было. Собраніе, вишь ты, мнѣ не разрѣшили. Да какже! Я имъ такое неразрѣшеніе покажу! Сейчасъ же проберу ихъ хорошенько, выясню, какъ и что. Попляшутъ они у меня! Это ужъ такая у насъ полиція— ей бы только придраться. Уже... пріѣхали?.. Что такъ скоро?

— Старался, какъ лучше.

— Могу я видѣть пристава?—спросилъ Чикалкинъ, входя.—То есть... господина пристава... можно видѣть?

— Пожалуйте.

— Что нужно?—поднялся навстрѣчу Чикалкину грузный человѣкъ съ сердитымъ лицомъ и длинными рыжими усами.

— Я хотѣлъ бы этого... спросить васъ... Могу-ли я здѣсь получить значокъ для моей собачки на предметъ уплаты городского налога?

— Э, чертъ! — отрывисто вскричалъ приставъ. — Шляются тутъ по пустякамъ! Въ городской управѣ нужно получать, а не здѣсь. Герасимовъ, дубина стоеросовая! Проводи.

НЕВОЗМОЖНОЕ.

Учитель исторіи Максимъ Ивановичъ Тачкинъ сидѣлъ, склонивъ голову къ журналу и тихо зловѣще перелистывалъ его.

— Вызовемъ мы... ну, хотя бы... Синюхина Николая!

Синюхинъ Николай поблѣднѣлъ, потупилъ голову, приблизился къ каѳедрѣ и открылъ судорожно искривленный ротъ.

— Ну-съ?—поощрилъ его Тачкинъ.

— Я урока не знаю...—смотря въ окно, испуганно заявилъ Синюхинъ.

— Да?—наружно удивился Тачкинъ.—Почему? Не можешь ли ты мнѣ объяснить?...

Синюхину Николаю нужно бы было объяснить, что система «отъ сихъ до сихъ» и «повторить то, что было задано въ прошлую среду»—настолько сухая система, что она никакъ не могла заинтересовать Синюхина. Могъ бы Синюхинъ сказать и то, что онъ пытался нѣсколько разъ вчитаться въ книгу, нѣсколько разъ начиналъ «отъ сихъ», но сухіе, не будившіе пылкаго воображенія, факты, путались въ головѣ, разсыпались и своей ненужной громоздкостью мѣшали Синюхину добраться «до сихъ», до этихъ милыхъ, манящихъ каждаго прилежнаго, зубрящаго ученика своимъ уютомъ и грядущей свободой—«сихъ».

Синюхинъ не хотѣлъ откровенничать съ учителемъ.

— У меня голова болѣла... мама захворала... въ аптеку бѣгалъ...

— Ой-ой-ой,—засмѣялся Тачкинъ.—Какъ много! А поставлю-ка я тебѣ, Синюхинъ Николай, единницу. А?

Онъ посмотрѣлъ внимательно въ лицо ученику Синюхину и, замѣтивъ на немъ довольно опредѣленное, лишенное двусмысленности, выраженіе—отвернулся и задумался....

— Воображаю, какъ онъ сейчасъ ненавидитъ меня. Воображаю, что-бы онъ сдѣлалъ со мной, если бы я былъ на его мѣстѣ, а онъ—на моемъ. . . . .
. . . .

Держа подъ мышкой журналъ, въ классъ вошелъ ученикъ Николай Синюхинъ и, вспрыгнувъ на каѳедру, обвелъ внимательнымъ взоромъ учителей, сидѣвшихъ, съ блѣдными, испуганными лицами, на ученическихъ партахъ.

Ученикъ Николай Синюхинъ опустился на стулъ, развернулъ журналъ и, помедливъ одну зловѣщую минуту, оглядѣлъ рядъ сидящихъ лицъ, въ вицмундирахъ съ блестящими пуговицами...

— Ну-съ,—сказалъ онъ.—Кого же мы вызовемъ?.. —Развѣ Ихментьева Василія...?

Учитель географіи Василій Павловичъ Ихментьевъ съежился, обдернулъ вицмундиръ и робко приблизился къ каѳедрѣ.

— Ихментьевъ Василій?—спросилъ ученикъ Синюхинъ, оглядывая учителя.—Гм... Долженъ сказать вамъ, Ихментьевъ Василій, что ваше поведеніе и успѣхи меня не радуютъ!

— Почему же?—оторопѣвъ, спросилъ учитель.—Почему же, Николай Степанычъ? Кажется, я стараюсь...

— Да?—иронически улыбнулся Синюхинъ.—Стараетесь? Я бы этого не сказалъ... Видите ли, г. Ихментьевъ... Я человѣкъ не мелочный и не придерусь къ вамъ изъ-за того, что у васъ вонъ, сейчасъ оторвана одна пуговица вицмундира и рукавъ измазанъ мѣломъ... Это пустякъ, къ наукѣ не имѣющій отношенія, и мнѣ до сихъ поръ стыдно за то время, когда за подобные пустяки виновные наказывались уменьшеніемъ отмѣтки въ поведеніи. Нѣтъ! Не

то я хочу сказать, Ихментьевъ Василій... А позвольте спросить васъ... Какъ вы преподаете?! Какъ вамъ не стыдно? Вѣдь вы получаете деньги не за то, чтобы дуться по ночамъ въ винтъ, пить водку и потомъ являться на уроки въ такомъ настроеніи, при которомъ никакая географія вамъ и въ голову нейдетъ...

— Я не буду...—тихо пролепеталъ учитель.—Это... не я... Я не виноватъ... Это Тачкинъ Максимъ приглашалъ меня къ себѣ на винтъ... Я и не хотѣлъ... а это онъ все.

Синюхинъ сердито хлопнулъ своей крохотной ладонью по каѳедрѣ.

— Имѣйте въ виду, господинъ Ихментьевъ, что и шпіонства, предательства и доносовъ на вашихъ товарищей не допущу! Я не буду этого поощрять, какъ поощряли это въ свое время вы. Стыдно-съ! Ступайте на свое мѣсто и поразмыслите-ка хорошенько о вашемъ поступкѣ. Тачкинъ Максимъ!

— Здѣсь!—робко сказалъ Максимъ Иванычъ.

— Я знаю, что здѣсь. Пойдите-ка ближе... Вотъ такъ. Сейчасъ одинъ изъ вашихъ недостойныхъ товарищей насплетничалъ на васъ, будто-бы вы подбивали его играть въ карты. Можетъ быть, это и было такъ, но оно, въ сущности, меня не касается. Я не хочу мѣшаться въ вашу частную жизнь и вводить для этого какой-то нелѣпый внѣшкольный надзоръ за учителями — я стою выше этого! Но долженъ вамъ заявить, что ваше отношеніе къ дѣлу—ниже всякой критики!

— Почему же, Николай Степанычъ, — опустилъ голову учитель Тачкинъ. — Кажется, уроки я посѣщаю аккуратно.

— Да чортъ-ли мнѣ въ этой вашей аккуратности!— нервно вскричалъ Синюхинъ Николай.—Я говорю объ общемъ отношеніи къ дѣлу. Ваша сухость, вашъ формализмъ убиваютъ у учениковъ всякій интересъ къ наукѣ. Стыдитесь! У васъ такой интересный, увлекательный предметъ —что вы изъ него сдѣлали? Исторія народовъ преподается вами, какъ какое-то росписаніе поѣздовъ. А почему? По-

тому, что вы не учитель, а сапожникъ! Ни дѣла вашего вы не любите, ни учениковъ. И, будьте увѣрены—они народъ чуткій и платятъ вамъ тѣмъ же... Ну, скажите... что вы задали классу на завтра?

— Отъ сихъ—до сихъ,—прошепталъ Тачкинъ.

— Да, я знаю, что отъ сихъ до сихъ! А что именно?

— Я не... помню...

Лицо Синюхина Николая сдѣлалось суровымъ, нахмуреннымъ. Онъ сердито вскочилъ, сталъ на цыпочки, дотянулся до уха учителя и, нагнувъ его голову, потащилъ за ухо въ уголъ.

— Безобразіе!—кричалъ онъ. — Люди въ футлярахъ! Формалисты! Сухари! Себя засушили и другихъ сушите! Вотъ станьте-ка здѣсь въ углу на колѣни—можетъ быть, это отрезвитъ немного вашу пустую голову... А завтра пришлите вашихъ родителей—я поговорю съ ними!

Стоя на колѣняхъ и ткнувъ голову въ уголъ, учитель исторіи Максимъ Ивановичъ Тачкинъ горько плакалъ...

— Если единица,—думалъ онъ про себя,—застрѣлюсь!

. . . .

. . . .

Тачкинъ улыбнулся себѣ въ усы, поднялъ отъ журнала голову и сказалъ, обращаясь къ угнетенному единицей, растерянному Синюхину Николаю:

— Такъ-то, братъ Синюхинъ. Поставилъ я тебѣ единицу. А если мое поведеніе тебѣ почему либо не нравится —можешь и ты мнѣ поставить гдѣ-нибудь единицу.

Классъ засмѣялся удачной шуткѣ.

— Учитель поднялъ голову и устало сказалъ:

— Молчать! На слѣдующій урокъ—повторите то, что было задано въ прошлую среду.

Гдѣ-то ликующе прозвонилъ звонокъ...

ЗВѢРИНЕЦЪ.

— Къ вамъ можно?—повторилъ я черезъ запертую дверь.

— Кто такой?—послышался изнутри сердитый старческій голосъ.

— Это я, Михаилъ Осиповичъ—-пустите. Я вамъ ничего дурного не сдѣлаю.

Дверь, защелкнутая на цѣпь, пріотворилась, и на меня глянуло испуганное, злое лицо Меньшикова.

— Да вѣдь вы, небось, драться пришли?—недовѣрчиво прохрипѣлъ онъ.

— Чего же мнѣ драться... У меня и палки нѣтъ.

— А вы, можетъ, руками... а?

— Нѣтъ, руками я васъ не буду... Право, пустите. Я такъ, поболтать пришелъ.

Послѣ долгаго колебанія Меньшиковъ снялъ цѣпь и впустилъ меня.

— Здравствуйте, коли пришли. Не забываете старика—хе-хе...

— Гдѣ васъ забыть!

Онъ провелъ меня въ большую холодную гостиную съ застоявшимся запахомъ деревяннаго масла, старой пыли и какой-то мяты...

Мы сѣли и долго молчали.

— Альбомикъ не желаете ли посмотрѣть?—придвинулъ онъ мнѣ книгу въ кожаномъ переплетѣ съ оторванными застежками

Я развернулъ альбомъ и наткнулся на портретъ какого-то унылаго человѣка.

— Кто это?

— Большой негодяй! Устраивалъ сходки разныя... Да-шалишь—сообщилъ я кому слѣдуетъ... засадили его.

— Гм... А этотъ?

— Морской чиновникъ? Воръ и растратчикъ. Я въ одной статьѣ такое про него написалъ, что вверхъ тормашками со службы полетѣлъ.

— Это вотъ, кажется, очень симпатичное лицо...

— Какое! Бомбистъ, совершеннѣйшій бомбистъ! Школьнымъ учителемъ былъ. Онъ, правда, бомбъ еще не металъ, но могъ бы метать. Ужасно казался мнѣ подозрительнымъ! Въ Якутской области теперь.

— А этотъ?

— Этотъ? Просто мерзавецъ. Вотъ тутъ еще есть—жидъ, зарѣзавшій отца, поджигатель, два растлителя малолѣтнихъ... а эти—такъ себѣ, просто негодяи.

Онъ закрылъ альбомъ и, прищурившись, ласково сказалъ:

— Можетъ, вы свою карточку дадите, а? Я бы вставилъ ее въ альбомчикъ.

— Гм... послѣ развѣ, когда-нибудь.

Онъ сидѣлъ, со сложенными на животѣ руками, молча, съ любопытствомъ поглядывая на меня.

Потомъ всталъ, оправилъ лампадку, и, вытирая замаслившіеся руки объ волосы, спросилъ скрипучимъ голосомъ:

— Небось, бомбы все бросаете?

— Нѣтъ, не бросаю. Чего же мнѣ ихъ бросать...

— Нынче всѣ бросаютъ.

Узнавши, что я бомбъ не бросаю, онъ повеселѣлъ и, скорчивъ лицо въ подобіе улыбки, хлопнулъ меня по колѣну:

— Такъ ужъ и быть!.. Показать развѣ вамъ мой звѣринецъ?!

Я удивился.

— Звѣринецъ? Развѣ вы такъ любите животныхъ?

— Хе-хе... У меня особый звѣринецъ... Совершенно особенный!

Взявши связку ключей, онъ подмигнулъ мнѣ и повелъ черезъ рядъ пустынныхъ холодныхъ комнатъ, съ тѣмъ же запахомъ.

— Вотъ мой звѣринецъ,—сказалъ онъ, скаля беззубый ротъ въ подобіе привѣтливой улыбки и открывая ключемъ послѣднюю дверь.

Въ небольшой комнатѣ сидѣли за столомъ и играли въ «шестьдесятъ шесть» трое мужчинъ и одна женщина.

— Ну, какъ вы тутъ, ребята?—сказалъ Меньшиковъ, подозрительно осматривая всѣхъ и похлопывая по ногѣ откуда-то взявшимся арапникомъ.

— «Раскаявшійся рабочій»! «Раскаявшійся рабочій»!! Ты опять пьянъ, мерзавецъ?!—закричалъ онъ вдругъ, вглядываясь въ лицо человѣка съ краснымъ носомъ и слезящимися глазами.—Ты чего смотрѣла, «Дама изъ общества»? А ты, «Освѣдомленное лицо съ Кавказа»,—шампуръ тебѣ въ глотку?! Дармоѣды! Всѣхъ выгоню!!

Кавказецъ въ истасканномъ бешметѣ всталъ и, почесавъ грязной рукой за ухомъ, хладнокровно сказалъ:

— Зычѣмъ кырчать? Ему водкамъ давалъ «Мужичекъ изъ деревни».

«Дама изъ общества» строила мнѣ уже глазки и, подойдя бочкомъ, спросила:

— Парле ву франсе?

— Пошла, пошла, старая грѣшница,—закричалъ на нее Меньшиковъ, грозя арапникомъ.

Потомъ, видя, что я съ удивленіемъ смотрю на всю эту сцену, онъ мнѣ объяснилъ:

— Это, видите ли, звѣринецъ. Для статей держу этихъ дармоѣдовъ... Вдохновляютъ меня. Тутъ они не всѣ... Нѣкоторыхъ гулять я отпустилъ. Здѣсь вы видите «Мужичка изъ деревни», «Раскаявшагося рабочаго», «Освѣдомленное лицо съ Кавказа» и «Даму изъ общества».

— Она въ самомъ дѣлѣ изъ общества?—спросилъ я, поглядывая на ея толстое накрашенное лицо.

— Да, я ее взялъ изъ общества спасенія отъ разврата падшихъ женщинъ. Домъ она какой-то на Лиговкѣ содержала. А это вотъ—«Мужичекъ изъ деревни». Пьяница, каналья, и, какъ напьется, колотитъ «Даму изъ общества».

— А «Освѣдомленное лицо съ Кавказа»?

— У Макаева шашлыкъ жарилъ. Я его къ себѣ сманилъ. Правильный парень. Тараска! Что нужно жидамъ дѣлать?

— Рѣзатъ!—завизжало «Освѣдомленное лицо».

— Видите!... Ты куда, мерзавецъ!! Отдай имъ бумажникъ!

Онъ хватилъ арапникомъ по рукѣ «Раскаявшагося рабочаго» и, отнявъ у него появившійся откуда-то мой бумажникъ, возвратилъ его мнѣ.

— Вы съ нимъ поосторожнѣе. Что ни увидитъ, негодяй, все сопрётъ. Часы цѣлы ли?

«Дама изъ общества» тайкомъ ущипнула меня за руку, а «Освѣдомленное лицо съ Кавказа», замѣтивъ это, скрипнуло зубами и положило руку на рукоять кинжала.

— Пойдемте!—сказалъ я.

Меньшиковъ подмигнулъ мнѣ и сказалъ:

— Романъ тутъ у нихъ... Но «дама», кажется, флиртируетъ, кромѣ того, съ «мужичкомъ изъ деревни». Впрочемъ, пойдемте. Воздухъ у нихъ тутъ... дѣйствительно!

Мы вышли.

Я сталъ прощаться.

Провожая меня, Меньшиковъ лукаво подмигнулъ и сказалъ:

— А вѣдь, давеча, соврали-то, а? Хе-хе... Бомбочки то, вѣдь, бросаете? Ну, сознайтесь!

Боясь сознаться, я поспѣшно вышелъ.

ПУТАНИЦА.

Радостный трезвонъ праздничныхъ колоколовъ—самая предательская вещь... Я не зналъ ни одного самаго закоренѣлаго злодѣя, который устоялъ бы противъ радостнаго перезвона праздничныхъ колоколовъ... Были случаи, когда такого закоренѣлаго злодѣя пытали, мучили, желая вырвать у него хотя-бы словечко правды о его преступленіи —онъ молчалъ, будто воды въ ротъ набравши... Но стоило только радостно и празднично зазвонить надъ его ухомъ, какъ онъ вспоминалъ свою молодость, каялся, плакалъ и, разсказавши всю подноготную, обѣщался вести новую жизнь.

Иногда его даже и за языкъ никто не тянулъ—признаваться. Но стоило только потянуть за языкъ колокола—преступникъ безъ промедленія вспоминалъ свою молодость и каялся во всемъ, разливаясь въ три ручья.

Таково ужъ странное свойство праздничнаго перезвона.

*

Старый провокаторъ, носившій партійное прозвище—Волкъ,—сидѣлъ въ своей большой неуютной комнатѣ и тревожно прислушивался къ радостному перезвону праздничныхъ колоколовъ.

Онъ вспоминалъ свою молодость, мать, ведущую его, маленькаго, чистенькаго, въ церковь, и этотъ перезвонъ —мучительно радостный и ожидательно-праздничный.

И когда онъ подумалъ о своемъ теперешнемъ пове-

деніи, о своемъ паденіи въ пропасть предательства—сердце его сжалось и на глазахъ выступили слезы...

А колокола радостно гудѣли:

— Бомъ-бомъ! Бомъ-бомъ!

— Нѣтъ! — простоналъ провокаторъ. — Больше я не могу!.. Сердце мое разрывается отъ раскаянія!.. Довольно грѣшить! Пойду и признаюсь во всемъ—пусть дѣлаютъ со мной, что хотятъ. Никогда не поздно раскаяться въ своихъ грѣхахъ...

Онъ одѣлся и вышелъ изъ дому.

*

Идя по улицѣ, Волкъ бормоталъ себѣ подъ носъ:

— Пойду прямо въ полицію и разскажу все на чистоту: какъ я выдавалъ революціонерамъ ея тайны и какъ я, однажды стянулъ со стола полковника предписаніе объ обыскѣ у своего знакомаго эсъ-эра. Все выложу! Пусть сажаетъ въ тюрьму, пусть дѣлаетъ со мной, что хочетъ!..

— Бомъ-бомъ! Бомъ-бомъ!—радовались колокола.

По мѣрѣ приближенія къ дому полковника, шаги Волка все замедлялись и движенія дѣлались нерѣшительнѣе и нерѣшительнѣе.

Новое чувство зажигалось въ груди стараго Волка.

— Куда я иду?—думалъ онъ.—Развѣ мнѣ сюда нужно идти каяться? Кому я дѣлалъ тяжкій вредъ? Кого продавалъ? Товарищей! А они мнѣ довѣряли... Ха-ха! Туда и иди, старый Волкъ! Передъ ними и кайся!

Взоръ его просвѣтлѣлъ.

Онъ рѣшительно повернулся и зашагалъ въ обратную сторону, по направленію конспиративной квартиры товарища Кирилла.

— Приду и прямо скажу: такъ и такъ братцы! Грѣшникъ я великій, за деньги продавалъ васъ—простите меня, или сдѣлайте со мной, что хотите.

Онъ всхлипнулъ и вытеръ глаза носовымъ платкомъ.

Ему самому было жаль себя. Вдали показались окна квартиры товарища Кирилла.

— Приду и скажу,—бормоталъ Волкъ.—Обманывалъ я васъ!.. И полицію обманывалъ, и васъ обманывалъ. Полицію даже больше.

Онъ замедлилъ шагъ, остановился и задумался.

— Гм... Вѣдь, если я полицію больше обманывалъ, я передъ нею и долженъ каяться... Ей я и долженъ признаться, что велъ двойную игру. Она не виновата въ томъ, что она полиція,—она исполняетъ свои обязанности. Бѣдненькій полковникъ... Сидитъ теперь дома и думаетъ: «Вотъ придетъ Волкъ, парочку свѣдѣній принесетъ». А я-то!

— Бомъ-бомъ! Бомъ-бомъ! — разливались колокола.

Волчьи глаза увлажнились слезами.

Онъ рѣшительно повернулъ и пошелъ назадъ.

— ...Сидитъ онъ и думаетъ: «придетъ Волкъ, принесетъ парочку свѣдѣній». Хорошо у него, уютно. Лампа горитъ, на стѣнахъ картинки... Тепло. Это не то, что тѣ, которые недавно влопались. Сидятъ по камерамъ и скрипятъ зубами. Поддедюлилъ васъ Волкъ!

Онъ вздохнулъ.

— А вѣдь имъ теперь, поди, холодно, голодно, въ камерахъ каменные полы. Они мнѣ довѣряли, думали — свой, а я... Эхъ, Волкъ! Глубока твоя вина передъ ними и нѣтъ ей черты предѣла.

— Бомъ-бомъ!—ревѣли колокола.—Покайся, Волкъ! —Бомъ-бомъ!

Схватившись за голову, застоналъ несчастный и побѣжалъ къ товарищу Кириллу.

— Все скажу! Руки ихъ буду цѣловать, слезой изойду. Гдѣ моя молодость? Гдѣ моя честность?

*

Къ Кириллу Волкъ не зашелъ.

Долго стоялъ онъ на улицѣ, раздираемый сомнѣніями и обуреваемый самыми противоположными чувствами. Ему смертельно хотѣлось покаяться, никогда такъ, какъ теперь,

не жаждалъ онъ очищенія, умиротворенія мятущейся души своей, и долго стоялъ такъ Волкъ на распутьи:

— Куда идти?

И не зналъ.

Мимо него быстро прошелъ человѣкъ, лицо котораго показалось Волку знакомымъ. Отложивъ на минуту раскаяніе, Волкъ подумалъ:

— Гдѣ я видѣлъ этого человѣка? Да, вспомнилъ! Это Мотя. Я его частенько встрѣчалъ въ полиціи!

Въ Волкѣ проснулись профессіональныя привычки.

— Куда это онъ идетъ? Ба! Да вѣдь это подъѣздъ товарища Кирилла!..

Неужели....

Волкъ догналъ Мотю и положилъ ему руку на плечо. Мотя обернулся, сконфузился и растерянно сказалъ:

— А, Волкъ! Съ праздникомъ васъ.

Но сейчасъ же онъ оправился, и его пронзительные глаза устремились на Волка.

— Вы... тоже сюда?

— Да,—сказалъ Волкъ, а про себя подумалъ:—Не думаетъ ли онъ на меня донести, червякъ поганый! Хорошъ бы я былъ передъ Кирилломъ.

Онъ переступилъ съ ноги на ногу и сказалъ:

— Видите ли, Мотя... Мнѣ почему-то хочется быть съ вами откровеннымъ: я, въ сущности, партійный работникъ, а въ полицію хожу такъ себѣ... для пользы дѣла!

— Вотъ и прекрасно!—обрадовался Мотя.—Тогда и я буду откровененъ: вѣдь я, признаться, продѣлываю то же самое!

Но въ глазахъ Моти Волкъ замѣтилъ странно-блеснувшій огонекъ, который слишкомъ поспѣшно былъ потушенъ опустившимися вѣками.

— Эге!—подумалъ Волкъ и, разсмѣявшись, дружески хлопнулъ Мотю по плечу.

— Къ черту уловки и хитрости! Я вижу—вы парень ой-ой! какой. Вѣдь я насчетъ партійности-то подшутилъ

надъ вами. Ну, какой я, къ черту, партійный работникъ, когда на-дняхъ типографію провалилъ.

— Ха-ха! — закатился хохотомъ Мотя. — То-то! Сообразили.

Но смѣхъ его показался Волку фальшивымъ, а глаза опять блеснули и погасли.

— Господи!—подумалъ, растерявшись Волкъ.—Ничего я не разберу. Зачѣмъ бы ему являться къ Кириллу, если онъ гласно работаетъ на отдѣленіе? Съ другой стороны... Гм...

Мотя раздумывалъ тоже.

Такъ они долго стояли, въ недоумѣніи разсматривая другъ друга.

— Пойди-ка, влѣзь въ его душу, — думалъ растревоженный Волкъ.—Ну, времячко!

— Чертъ его знаетъ, чѣмъ онъ, въ сущности, дышетъ, —досадливо размышлялъ Мотя.—Ну, времена!

Постоявъ такъ съ минуту, оба дружески улыбнулись другъ другу, пожали руки и разошлись—Мотя наверхъ, по лѣстницѣ, а Волкъ на улицу.

Выйдя на воздухъ, Волкъ вздохнулъ и прислушался: колокола перестали звонить.

— Ага!—облегченно подумалъ Волкъ.—То-то и оно. А то—каяться!

Не размышляя больше, зашагалъ онъ къ полковнику и, вызвавъ его, сообщилъ, что Мотя очень подозрителенъ, что онъ шатается по конспиративнымъ квартирамъ, и что за нимъ надо наблюсти.

А Мотя въ это время сидѣлъ въ квартирѣ Кирилла и говорилъ, опасливо озираясь:

— Подозрителенъ вашъ Волкъ... Шатается къ полковнику и, вообще, не мѣшало бы за нимъ наблюсти!..

II.

ОКОЛО ИСКУССТВА.

ТРУХА.

Это было самое веселое, оживленное мѣсто предпраздничнаго рынка... Лавченка, маленькая, полутемная была биткомъ набита покупателями, а на улицѣ у входныхъ дверей стоялъ бойкій, крикливый мальчишка и зазывалъ еще новую публику:

— Пожалуйте!—кричалъ онъ, раскрывая ротъ такъ, что углы губъ касались концовъ его громадныхъ ушей.— Эй! Къ намъ пожалуйте! Очень даже прекрасныя привидѣнія, покойники, дѣвочки на всякій ростъ, безпріютныя собачки-съ! Громадный выборъ занесенныхъ снѣгомъ странниковъ, волки-съ. Только у насъ настоящіе волки! Эй!

А въ лавченкѣ крику было еще больше.

Приказчикъ, держа въ правой рукѣ за шиворотъ что-то длинное, одѣтое въ бѣлый саванъ, съ дѣланнымъ изумленіемъ кричалъ:

— Это-съ, по вашему, не привидѣніе?! А что же это тогда, по вашему, такое, если не привидѣніе? Который годъ торгуемъ—никогда не было, чтобъ сумлѣвались! Вы, вѣроятно, ваша милость, не видѣли никогда настоящаго привидѣнія, потому такое и говорите!

— Да оно... не страшное!—робко возражалъ покупатель и косился на фигуру, безпомощно болтавшуюся въ мужественной рукѣ приказчика.

— Это не страшное?—изумлялся приказчикъ.—Да какія-жъ тогда страшныя бываютъ?! Обратите вниманіе на ихъ личико: мертвецкая блѣдность и глаза, какъ свѣчки.

Вотъ эту кнопку только нажать... А голосъ! Извольте прислушаться!

Приказчикъ нажалъ рукой спину привидѣнія. Оно заскрипѣло и, захлопавъ ртомъ, проревѣло:

— Ищи документы, раскрывающіе тайну твоего рожденія—на чердакѣ, въ двойной крышкѣ стараго сундука!

Ротъ захлопнулся, глаза потухли и фигура безжизненно повисла въ приказчичьихъ рукахъ.

Покупатель призадумался.

— Ничего... Слова хорошія. Изъ нихъ можно что-нибудь сдѣлать... Гм... Тайна рожденія... Заверните!

— Браку не надо-ли?—спросилъ приказчикъ, заворачивая покупку.

— А что у васъ за бракъ?

— Чиновникъ одинъ. Раскаивался въ ночь подъ Рождество, что выгналъ больную жену съ ребенкомъ. А они какъ разъ и пришли въ эту ночь, подъ видомъ нищихъ.

— Ну?

— Ну, вотъ. А мальчишка нашъ лавочный, что оретъ сейчасъ у дверей, чтобъ ему пусто было—вынулъ чиновника изъ коробки, да и отвертѣлъ ему голову. Согласитесь—не можетъ же жена возвращаться къ безголовому чиновнику. Цѣлый наборъ испортилъ, негодяй. Возьмите! Дешево бы отдалъ...

— Да куда-жъ онъ мнѣ?..

— Ну, можно что-нибудь такое... Жена могла бы держать корчму, пользующуюся дурной репутаціей, а мужъ, тоскуетъ по ней и пріѣзжаетъ въ рождественскую ночь, желая сдѣлать сюрпризъ. Его не узнаютъ и убиваютъ. И только послѣ, по отрѣзанной головѣ, съ которой ей дали поиграть—дочка узнаетъ черты своего любимаго папы. Прекрасный сюжетъ!

— Пожалуй!—сказалъ покупатель, раздумывая.—Я въ провинцію пошлю, куда-нибудь. Тамъ это любятъ. Только вы и голову не забудьте положить.

— Помилуйте-съ—все здѣсь, въ коробкѣ. Прикажете сверху вьюги положить? Копѣекъ на тридцать.

— Развѣ у васъ теперь вьюга отдѣльно продается?—удивился покупатель.

— Да-съ. Лучше комбинируется. Можно чиновника—и вьюгу, заблудившагося мальчика и—вьюгу. Почти что она вездѣ идетъ.

— Тогда посыпьте чиновнику на двугривенный. Да мнѣ отдѣльно дайте немножко. Можно просто стихотвореніе въ прозѣ о вьюгѣ сдѣлать. Благодарю васъ.

*

Въ лавку вошла дама въ очкахъ.

— Здравствуйте! Позвольте мнѣ одного замерзающаго мальчика. Поменьше только и похуже одѣтаго.

— Не держимъ-съ,—вздохнулъ приказчикъ.—Погоды нынче, какъ на зло, теплыя, а товаръ скоропортящійся.

Дама растерянно посмотрѣла на приказчика.

— Тогда, можетъ быть, найдется дѣвочка на улицѣ, прильнувшая къ оконному стеклу, за которымъ елка?

— Продали-съ. Была одна прильнувшая дѣвочка, и ту для дѣтскаго журнала взяли. Много не держимъ,—потому изъ моды выходитъ. Изъ новенькаго чего не пожелаете-ли: палачъ, вѣшающій родного племянника, экспропріаторы, нападающіе въ рождественскую ночь на усадьбу, раскаявшійся губернаторъ. Много теперь идетъ.

— Что-нибудь съ волками нѣтъ-ли?—спросила дама.

— Пожалуйте-съ: охотникъ въ лѣсу и волки, испугавшіеся праздничнаго колокола; прохожій и волки; заброшенная усадьба и волки; тройка лошадей и волки. Прикажете завернуть?

— Дайте съ заброшенной усадьбой. А старые преданные слуги у васъ не продаются отдѣльно? Я бы взяла одного.

— Сдѣлайте одолженіе. Только я бы, мадамъ, посовѣтовалъ вамъ лучше слугу съ тройкой взять. А волковъ отберете отдѣльно. Усадьба тоже у меня случайная оста-

лась,—отъ экспропріаторовъ. Одинъ покупатель экспропріаторовъ забралъ, а усадьбу, на которую нападаютъ, оставилъ. Совсѣмъ бы задаромъ.

*

Высокій, представительный беллетристъ, обладатель извѣстнаго имени и цѣлой тучи забранныхъ всюду авансовъ, стоялъ у прилавка и безнадежно оглядывалъ наваленныхъ въ безпорядкѣ привидѣній, волковъ и экспропріаторовъ, которыхъ сразу можно было узнать по звѣрскимъ, размалеваннымъ краснымъ лицамъ и громаднымъ пистолетамъ заткнутымъ за поясъ.

-- Все у васъ, почтеннѣйшій,--грустно говорилъ беллетристъ,—одно и то же... Тѣ же волки, раскаявшіеся старики, обсыпанные вьюгой, и разныя бездомныя женщины.

Приказчикъ развелъ руками и сказалъ извиняющимся тономъ:

— Трудновато для васъ подобрать. Такъ, мелюзга какая—все беретъ. Съ руками рвутъ. Изъ провинціи какой пріѣдетъ, такъ онъ и привидѣніе возьметъ и прохожаго старика. Усадьбу съ экспропріаторами увидитъ, и ту возьметъ. Волковъ ему предложишь—и волками не побрезгуетъ. И волковъ-то дашь ему старыхъ, облѣзлыхъ, съ одышкой. А ужъ до вьюги какъ доберется,—дорвется до дешевки,—такъ всю покупку запорошитъ, что и не разберешь—гдѣ усадьба, гдѣ волкъ! Простой народъ. Вамъ, конечно, этого не предложишь.

— Изъ новенькаго нѣтъ-ли чего?

— Особенно — нѣтъ. Рождество подъ тропиками, унесенные льдиной въ святую ночь, палачъ, вѣшающій племянника. Предложить вамъ развѣ рождество на дирижаблѣ?

— Фу, какая пошлятина!—поморщился беллетристъ.— Нельзя ли что-нибудь изъ очень стараго? Такого стараго— что уже основательно надоѣло и забыто. Можно стилизацію сдѣлать.

— Спущусь въ погребъ, пороюсь,—вздохнулъ уста-

лый приказчикъ.—Тамъ такое есть, что сорокъ лѣтъ не ворошили.

Черезъ десять минутъ приказчикъ вылѣзъ съ запыленной, облѣзлой коробкой и бросилъ ее на прилавокъ.

— Не подойдетъ-ли? Самая старинная вещь. Антикъ-съ.

— Что это такое?—брезгливо поморщился беллетристъ, оглядывая коробку.

— Дѣвица въ заброшенной банѣ, гадающая на суженаго, который въ безвѣстной отлучкѣ. Вотъ-съ--свѣчи, два зеркала, дѣвица... Это гробъ, который отражается. Дѣлается это просто, вотъ такъ: сюда —зеркала, тутъ свѣчи... дѣвицу садимъ на эту скамеечку. Теперь стоитъ только выдвинуть изъ зеркала этотъ гробъ--трахъ! Дѣвица падаетъ. Ее находятъ въ обморокѣ утромъ, на слѣдующій день. Потомъ горячка, почтальонъ, письмо, извѣщающее о смерти жениха. Старина-матушка! Возьмите!

Въ глазахъ писателя читалось колебаніе...

Въ лавку вошелъ высокій, худой гимназистъ съ красными, какъ гусиныя лапы, руками и густо разсыпанными по лицу веснушками. Глаза его смущенно бѣгали по непривычной обстановкѣ, а самъ онъ робко жался къ дверямъ и говорилъ страшнымъ сиплымъ, искусственнымъ басомъ.

— Нѣтъ-ли у васъ чего для рождественскаго разсказа? Чтобъ недорогое.

— Митька!—крикнулъ приказчикъ мальчику.—Покажи имъ бездомную собачку.

— Нѣтъ-ли... странника замерзающаго?—робко спросилъ гимназистъ, умоляюще смотря на приказчика.

— Нѣтъ,—сухо отвѣчалъ приказчикъ.—Берите или бездомную собачку, которая ходитъ подъ Рождество по улицамъ, или—елочку, которую срубили для дѣтей и которая тоскуетъ по родному лѣсу.

Митька повелъ гимнизиста въ уголъ и сталъ открывать передъ его носомъ маленькія коробочки.

— Вотъ бездомная собачка. Видите—подавишь ее—она визжитъ! А это тоскующая елочка.

— А прильнувшей дѣвочки нѣтъ?—шопотомъ спросилъ гимназистъ.

— Вышли. Да берите собачку—чего тамъ! Можно агромадный разсказище написать. Вьюги дамъ на три копѣйки.

Мальчишка завернулъ гимназисту бездомную собачку, отщипнулъ отъ куска клочекъ вьюги, грязный, уже начавшій подтаивать, и сказалъ:

— Этой штукой передъ употребленіемъ посыплете собачку. Сохранять въ холодномъ мѣстѣ. До свиданья-съ.

Беллетристъ, слѣдившій съ улыбкой за этой сценой, вдругъ засмѣялся и сказалъ приказчику:

— Знаете? Я куплю у васъ эту собачку и этотъ кусочекъ вьюги, но только—вмѣстѣ съ гимназистомъ.

— Для чего вамъ?—изумился приказчикъ.

— Да я изъ этого прекрасную вещь сдѣлаю: «Первый рождественскій разсказъ». Гимназистъ—сочиняющій свою первую вещь—это прелестно!

— Да какъ же я собачку... съ гимназистомъ продамъ?—спросилъ приказчикъ.

— Да что-жъ такое! заверните ихъ вмѣстѣ и вынесете на извозчика. Подумаешь—церемониться съ гимназистомъ!.. Никто и не узнаетъ.

— Слушаю-съ!..

*

Въ лавку ввалилась хохочущая компанія.

Одинъ изъ компаніи наступилъ беллетристу на ногу, поставилъ лежащее на прилавкѣ привидѣніе, вверхъ ногами, къ великому веселью товарищей, и крикнулъ:

— Эй! старичокъ! Покажи намъ свою дребедень!

— Это не дребедень,—обиженно возразилъ приказчикъ,—а прекрасные сюжеты для рождественскихъ разсказовъ. Прошу не держать привидѣнія внизъ головой.

— Кто это такіе?—спросилъ беллетристъ шопотомъ.

— Юмористы. Пустѣйшая и безпардоннѣйшая публика. Придутъ, перевернутъ все, осмѣютъ и почти ничего

не купятъ. Прежде юмористъ хорошій былъ... Солидный. Придетъ — дай ты ему пьянаго визитера, перепутавшаго знакомые дома, или чиновника, который не получаетъ ожидаемаго ордена, или загулявшаго купца. Основательный былъ юмористъ. А теперь разсобачились. Эй, господинъ, господинъ! Нельзя такъ дѣлать... Что же вы въ одну коробку суете и пожаръ усадьбы и замерзшаго странника и дѣтскую елку...

Компанія забавлялась тѣмъ, что посадила призрака верхомъ на замерзающаго странника и заставила ихъ плясать передъ елкой, взявшись за руки со страшными экспропріаторами и худыми рождественскими волками.

Потомъ свалили все это въ кучу и, найдя коробку вьюги, стали съ хохотомъ бросать ее горстями другъ другу въ лицо . . . .

. . . .

Я вошелъ въ лавку, обвелъ всѣхъ присутствующихъ взглядомъ и сказалъ приказчику:

— Пришелъ къ вамъ за сюжетомъ...

— Сдѣлайте милость!—вѣжливо изогнулся онъ.—Что прикажете: палача, вѣшающаго племянника, вьюгу съ волками, пожаръ усадьбы, призрака...

— Старый дуралей! — обиженно закричалъ я.—Неужели ты не понимаешь, что мнѣ этого мало!?. Я беру все сразу: усадьбу, экспропріаторовъ, вьюгу, беллетриста, племянника, палача, гимназиста, твоихъ мальчишекъ, самого тебя, всю твою безтолковую рухлядь, и я прошу завернуть мнѣ это въ бумагу, чтобы я могъ унести домой— съ однимъ единственнымъ желаніемъ и цѣлью—сжечь весь этотъ вздоръ, эту глупую труху разъ навсегда!.. Къ черту рождественскіе разсказы!!.

АПОЛЛОНЪ.

Однажды, въ витринѣ книжнаго магазина, я увидѣлъ книгу... По наружному виду она походила на солидный, серьезный каталогъ технической конторы, что меня и соблазнило, такъ какъ я очень интересуюсь новинками въ области техники.

А когда мнѣ ее показали ближе, я увидѣлъ, что это не каталогъ, а литературный ежемѣсячный журналъ.

— Какъ же онъ... называется?—растерянно спросилъ я.

— Да вѣдь заглавіе-то на обложкѣ!

Я внимательно всмотрѣлся въ заглавіе, перевернулъ книгу бокомъ, потомъ внизъ головой и, заинтересованный, сказалъ:

— Не знаю! Можетъ быть, вы будете такъ любезны посвятить меня въ заглавіе, если, конечно, оно вамъ извѣстно?.. Со своей стороны, могу дать вамъ слово, что если то, что вы мнѣ сообщите — секретъ, — я буду свято хранить его.

— Здѣсь нѣтъ секрета,—сказалъ приказчикъ.—Журналъ называется «Аполлонъ», а если буквы греческія, то это ничего... Слѣдующій номеръ вамъ дастся гораздо легче, третій еще легче, а дальше все пойдетъ, какъ по маслу.

— Почему же журналъ называется «Аполлонъ», а на рисункѣ—изображена пронзенная стрѣлами ящерица?..

Приказчикъ призадумался.

— Аполлонъ — богъ красоты и свѣта, а ящерица — символъ чего-то скользкаго, противнаго... Вотъ она, очевидно, и пронзена богомъ свѣта.

Мнѣ понравилась эта замысловатость.

Когда я издамъ книгу своихъ разсказовъ подъ названіемъ «Скрежетъ», то на обложкѣ попрошу нарисовать барышню, входящую въ зданіе зубоврачебныхъ курсовъ...

Заинтересованный диковиннымъ «Аполлономъ»,—я купилъ журналъ и ушелъ.

❋

Первая статья, которую я началъ читать—Иннокентія Анненскаго—называлась «О современномъ лиризмѣ».

Первая фраза была такая:

— «Жасминовые тирсы нашихъ первыхъ мэнадъ примахались быстро»...

Мнѣ, отчасти, до боли сдѣлалось жаль нашъ безтолковый русскій народъ, а, отчасти, было досадно: ничего нельзя поручить русскому человѣку... Дали ему въ руки жасминовый тирсъ, а онъ обрадовался, и ну—махать имъ, пока примахалъ этотъ инструментъ окончательно.

Фраза, случайно выхваченная мною изъ середины «лиризма», тоже не развеселила меня.

— Въ русской поэзіи носятся частицы теософическаго кокса, этого буржуазнѣйшаго изъ Антисмертиновъ...

Это было до боли обидно.

Я такъ разстроился, что дальше даже не могъ читать статьи «О современномъ лиризмѣ»...

❋

Непріятное чувство сгладила другая статья: «Въ ожиданіи гимна Аполлону».

Я человѣкъ очень жизнерадостный, и веселье бьетъ во мнѣ ключемъ, такъ что мнѣ совершенно по вкусу пришлось предложеніе автора:

— «Такъ какъ танецъ—есть прекраснѣйшее явленіе въ жизни, то нужно сплетаться всѣмъ людямъ въ хороводы и танцовать. Люди должны сдѣлаться прекрасными непрестанно во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, и танецъ будетъ закономъ жизни».

Послѣдующія слова автора относительно зажженія алтарей, учрежденія обѣтныхъ шествій и плясовъ—привели меня въ рѣшительный восторгъ.

— Дѣйствительно!—подумалъ я.—Какъ мы живемъ... Ни тебѣ удовольствія, ни тебѣ веселья. Всѣ ползаютъ на землѣ, какъ умирающіе черви, уныніе сковываетъ костенѣющіе члены... Нѣтъ, рѣшительно, обѣтныя шествія и плясы—вотъ то, что выведетъ насъ на новую дорогу.

Дальше авторъ говорилъ:

— Не случайно происходитъ за послѣдніе годы повышеніе интереса къ танцу...

— Вотъ оно!—подумалъ я.—Начинается!..

У меня захватило дыханіе отъ предвкушенія близкаго веселья, и я долженъ былъ сдѣлать усиліе, чтобы заставить себя перейти къ слѣдующей статьѣ:

— «О театрѣ».

*

Авторъ статьи о театрѣ видѣлъ единственное спасеніе и возрожденіе театра въ томъ, чтобы публика участвовала въ дѣйствіи наравнѣ съ актерами.

Идея мнѣ понравилась, но многое показалось неяснымъ: будетъ-ли публика на жалованіи у дирекціи театра или актеры будутъ уравнены съ публикой въ правахъ тѣмъ, что имъ придется пріобрѣтать въ кассѣ билеты «на право игры»... И какъ отнесутся актеры къ той лѣнивой, инертной части публики, которая предпочтетъ участію въ игрѣ—простое глазѣніе на все происходящее...

Впрочемъ, я вполнѣ согласенъ съ авторомъ, что важна идея, а детали можно разработатъ послѣ.

*

Вечеромъ я поѣхалъ къ однимъ знакомымъ и засталъ у нихъ гостей.

Всѣ сидѣли въ гостиной небольшими группами и вели разговоръ о бюрократическомъ засильи, указывая на примѣры Англіи и Америки.

— Господа!—предложилъ я,—не лучше-ли намъ спле-

стись въ радостный хороводъ и понестись въ обѣтномъ плясѣ къ Діонису?!

Мое предложеніе вызвало недоумѣніе.

— То-есть?..

— Въ нашей повседневности есть плясовой ритмъ. Сплетенный хороводъ долженъ нестись даже въ будничной жизни, перейдя съ подмостковъ въ жизнь... Позвольте вашу руку, madame!.. Вотъ такъ... Господа! Ну, зачѣмъ быть такими унылыми?.. Возьмите вашу сосѣдку за руку. Что вы смотрите на меня такъ недоумѣвающе? Готово? Ну, теперь можете нестись въ радостномъ хороводѣ. Господа... Нельзя же такъ!.

Гости растерянно опустили сплетенныя по моему указанію руки и робко усѣлись на свои мѣста.

— Почему вамъ взбрела въ голову такая идея—танцовать?—сухо спросилъ хозяинъ дома.—Когда будетъ танцовальный вечеръ, такъ молодежь и потанцуетъ. А людямъ солиднымъ ни съ того, ни съ сего выкидывать козла —согласитесь сами..

Желая смягчить неловкую паузу, хозяйка сказала:

— А поэта Бунина въ академики выбрали... Слышали?

Я пожалъ плечами.

— Ахъ, ужъ эта русская поэзія! Въ ней носятся частицы и теософическаго кокса, этого буржуазнѣйшаго изъ Антисмертиновъ...

Хозяйка поблѣднѣла.

А хозяинъ взялъ меня подъ руку, отвелъ въ сторону и сурово шепнулъ:

— Надѣюсь, послѣ всего вами сказаннаго — вы сами поймете, что бывать вамъ у насъ неудобно...

Я укоризненно покачалъ головой и похлопалъ его по плечу:

— То-то и оно! Быстро примахались жасминовые тирсы первыхъ нашихъ менадъ. Вамъ только поручи какое-нибудь дѣло... Благодарю васъ, не безпокойтесь... Я самъ спущусь! Тутъ всего нѣсколько ступенекъ...

*

По улицѣ я шагалъ съ тяжелымъ чувствомъ.

— Вотъ и устраивай съ такимъ народомъ обѣтные плясы, вотъ и води хороводы! Дай ему жасминовый тирсъ, такъ онъ его не только примахаетъ, да еще, въ извозчичій кнутъ обративъ, тебя же имъ и оттузитъ!.. Діонисы!

Огорченный, я зашелъ въ театръ.

На сценѣ стоялъ, сжавъ кулаки, городничій, а передъ нимъ на колѣняхъ купцы.

— Такъ—жаловаться?!—гремѣлъ городничій.

Я рѣшилъ попытаться провести въ жизнь такъ понравившуюся мнѣ идею сліянія публики со сценой.

— ...Жаловаться? Архиплуты, протобестіи...

Я всталъ съ мѣста и, изобразивъ на лицѣ возмущеніе, со своей стороны, продолжалъ:

— ...Надувалы морскіе! Да знаете-ли вы, семь чертей и одна вѣдьма вамъ въ зубы, что...

Оказалось, что идея участія публики въ актерской игрѣ еще не вошла въ жизнь...

Когда околодочный надзиратель, сидя въ конторѣ театра, писалъ протоколъ, онъ поднялъ на меня глаза и спросилъ:

— Что побудило васъ вмѣшаться въ дѣйствіе пьесы?..

Я попытался оправдаться:

— Тирсы ужъ очень примахались, господинъ околодочный...

— Знаемъ мы васъ,—скептически сказалъ околодочный.—Напьются, а потомъ—тирсы!.. . . . .
. . . .

АМЕРИКАНЦЫ.

Издатель журнала «Сѣверное сіяніе», Роздеришинъ, и секретарь, Бильбокѣевъ, составляли объявленіе о подпискѣ на будущій годъ.

— Съ чего начинать-то?—спросилъ, беря въ руку перо, Бильбокѣевъ.

— Ну... какъ, обыкновенно, начинается...

— Обыкновенно, начинаютъ такъ,—сказалъ опытный Бильбокѣевъ. — «Не прибѣгая къ широковѣщательнымъ рекламамъ»...

— Это хорошо. Солидно. Только... постойте, дорогой... Что это мы хотимъ сейчасъ составить?

— Широковѣщательную рекламу.

— Ну, вотъ. А пишемъ—«не прибѣгая»... Неудобно.

Бильбокѣевъ подумалъ.

— Существуетъ еще одно хорошее вступленіе для такого рода объявленій: «не щадя затратъ, нашъ журналъ»...

— Прекрасно! — восхищенно воскликнулъ Роздеришинъ.—Именно—«не щадя затратъ»... Такъ и начните.

Бильбокѣевъ написалъ «не щадя затратъ» и выжидательно посмотрѣлъ на издателя.

— Ну-съ?

— Что?—спросилъ издатель.

— Вотъ я написалъ — «не щадя затратъ», — а что же дальше?

— Да это и хорошо. Чего же еще?

— Видите-ли... я написалъ придаточное предложеніе. Какъ вамъ, вѣроятно, извѣстно—придаточное предложеніе

само по себѣ, безъ главнаго—существовать не можетъ... Гдѣ же главное предложеніе?

— Чивой-то я не понимаю,— сказалъ Роздеришинъ, растерянно смотря на секретаря.

— Ахъ ты, Господи! Вотъ мы написали: «не щадя затратъ»... Ну, а что же дальше?! Нужно такъ писать: «не щадя затратъ,—мы сдѣлаемъ то-то и то-то». Ну, вотъ вы и скажите, на что мы обѣщаемъ не щадить затратъ? Что это такое—то-то и то-то?

Издатель вздохнулъ.

— Вотъ оно что! Дальше можно бы написать, что, молъ, «идя навстрѣчу интересамъ многоуважаемыхъ господъ подписчиковъ»...

Секретарь приписалъ нѣсколько словъ и прочелъ вслухъ:

— «Не щадя затратъ и идя навстрѣчу интересамъ многоуважаемыхъ господъ подписчиковъ»...

Онъ остановился.

— Ну-съ? А гдѣ же главное предложеніе?

— Неужели главнаго еще нѣтъ? — удивился Роздеришинъ.

— Конечно! Вотъ мы не щадимъ затратъ, идемъ на встрѣчу. А на что не щадимъ, куда идемъ?

— Гм...—задумался издатель и даже вытянулъ губы трубочкой. — Дѣйствительно. «Идя навстрѣчу интересамъ многоуважаемыхъ господъ подписчиковъ»... А вѣдь они, черти полосатые, развѣ понимаютъ—каково издателю? Гм... Что бы имъ такое дальше ввернуть? Развѣ, насчетъ окраинъ?..

— Какихъ окраинъ?

— Что, молъ, журналъ будетъ удѣлять большое вниманіе насущнымъ интересамъ окраинъ... Нѣкоторые объявляютъ такъ.

— Никаноръ Палычъ! Да вѣдь это газета можетъ удѣлять! Какіе у насъ могутъ быть интересы окраинъ? На первой страницѣ какая-нибудь «дѣвочка съ яблокомъ», потомъ романъ «Разными дорогами», опять — «дѣвочка съ кошкой», она же, поздравляющая съ днемъ рожденія ба-

бушку, «флорентинская цвѣточница», смѣсь, и въ концѣ та же проклятая дѣвченка съ собакой, подъ названіемъ «Два друга». И такъ—каждый номеръ. Гдѣ-жъ тутъ окраины? Нужно одно изъ двухъ—или насчетъ самого журнала размазать побольше—или насчетъ премій!

— Что-жъ насчетъ журнала... Даемъ мы, какъ обыкновенно: 52 номера роскошно иллюстрированнаго журнала, съ произведеніями лучшихъ мастеровъ слова на веленевой бумагѣ...

— Это мы и въ прошломъ году писали и въ позапрошломъ... Нужно что-нибудь насчетъ реформъ. Вродѣ, что: 1910 годъ будетъ годомъ нашихъ реформъ!

— Да какія же реформы?.. Разсыльнаго Мотыку я давно собираюсь турнуть, взять на его мѣсто—потолковѣе...

— Ну, что вы такое говорите, Никаноръ Палычъ! Въ другихъ журналахъ, какъ у людей... Вонъ «Зарницы» какъ написали: мы, говорятъ, не щадя затратъ, будемъ печатать нѣкоторые рисунки по способу «дрей фарбенъ друкъ!».

Роздеришинъ съ суевѣрнымъ ужасомъ посмотрѣлъ на секретаря.

— Господи! Что же это?..

— Трехцвѣтная печать! А у насъ все однимъ цвѣтомъ жаримъ... Эйнъ фарбенъ друкъ!

— Голубчикъ!—сказалъ издатель. — А вы такъ и напишете... Что, молъ, мы съ будущаго года будемъ рисунки печатать эйнъ фарбенъ друкомъ.

Бильбокѣевъ разсмѣялся.

— Не щадя затратъ?

– Не щадя. Можно тутъ же написать: «идя навстрѣчу». А?

— Нѣтъ, Никаноръ Палычъ—не отвертитесь!.. Придется вамъ на преміи налечь. Что вы предполагали дать?

— У меня тутъ отмѣчено: «Альбомъ красавицъ на мѣловой бумагѣ—пріятное развлеченіе домашняго очага, полное собраніе сочиненій знаменитаго писателя сороковыхъ годовъ и книжка портретовъ членовъ Государственной Думы»...

Бильбокѣевъ задумчиво качнулъ головой.

— Недурно. Красавицъ штукъ десять можно дать. Надо въ клише порыться. Члены Думы только дорого обойдутся... Фотографіи покупать, клише дѣлать...

— Поѣхали! Можетъ, еще и въ три краски печатать? Пороемся въ старыхъ клише и довольно.

— Да у насъ никакихъ клише членовъ Думы и нѣтъ!..

— И не надо. Мало-ли у насъ есть клише, вообще. «Свенъ Techинъ, путешественникъ по Тибету», «знаменитый ученый Пастеръ», «англійскій министръ колоній», «убійца президента Карно»—всѣхъ можно пустить въ дѣло Только по бородамъ подобрать.

— Какъ... по бородамъ?

— Да, такъ. У кого изъ членовъ Думы борода—ставить клише съ бородой, у кого усы—съ усами. А что не похожи будутъ—пустяки. Подумаютъ—нечаянно перепутали. Съѣдятъ.

— Развѣ что такъ!—сказалъ Бильбокѣевъ.—А что это за знаменитый писатель сороковыхъ годовъ, съ полнымъ собраніемъ сочиненій? У васъ тамъ фамилія не указана.

— Да и самъ не знаю. Купилъ на складѣ по случаю —тысячъ двадцать томовъ какой-то чепуховины, а чьи—такъ и не посмотрѣлъ. Вы ужъ его тамъ распишете сами.

— Постойте! Мы такъ и продолжимъ... Значитъ: «не щадя затратъ и идя на встрѣчу интересамъ публики, редакція рѣшила дать рядъ премій, стоющихъ въ отдѣльной продажѣ 27 рублей 55 копѣекъ. 1) «Альбомъ красавицъ». Это изящное изданіе явится лучшимъ украшеніемъ домашняго очага и своими граціозными формами будетъ веселить глазъ всѣхъ любителей женской красоты—лучшаго, чѣмъ украсила вселенную мать-природа. Передъ подписчикомъ пройдетъ рядъ лучшихъ красавицъ, стоющихъ въ отдѣльной продажѣ 8 рублей. 2) Полное собраніе сочиненій знаменитаго мастера слова сороковыхъ годовъ (не забудьте потомъ фамилію вставить), произведенія котораго до сихъ поръ перечитываются и заучиваются наизустъ. Имя это стоитъ въ плеядѣ наравнѣ съ такими мастерами слова, какъ

Пушкинъ, Бѣлинскій и незабвенный русскій сатирикъ Н. В. Гоголь, сквозь слезы смѣявшійся надъ дореформенной Русью и заклеймившій своимъ талантливымъ перомъ взяточничество и отечественную косность. 3) Всѣ подписчики, внесшіе деньги до перваго января, получатъ роскошное изданіе «Наши депутаты». Передъ читателемъ пройдетъ здѣсь рядъ «лучшихъ людей страны», призванныхъ залѣчить раны и уврачевать нашу матушку Россію. Всякій можетъ запечатлѣть въ сердцѣ дорогія черты, внеся деньги до перваго января (на годъ 6 руб., полгода 3 руб. 50 коп.)

Бильбокѣевъ перевелъ духъ.

— Хорошо?

— Здорово. О Гоголѣ мѣтко сказано. Именно что— не щадя затратъ! Спасибо.

Роздеришинъ пожалъ Бильбокѣеву руку, а тотъ ухмыльнулся и сказалъ:

— Все-таки, я думаю сверху написать: «не прибѣгая къ широковѣщательнымъ рекламамъ»... А?

ПОДМОСТКИ.

Я сидѣлъ въ четвертомъ ряду креселъ и вслушивался въ слова, которыя произносилъ на сценѣ человѣкъ съ небольшой русой бородой и мягкимъ взглядомъ добрыхъ, ласковыхъ глазъ.

— Зачѣмъ такая ненависть? Зачѣмъ возмущеніе? Они тоже, можетъ быть, хорошіе люди, но слѣпые, сами не понимающіе, что они дѣлаютъ... Понять ихъ надо, а не ненавидѣть!

Другой артистъ, загримированный суровымъ, обличающимъ человѣкомъ, нахмурилъ брови и непреклонно сказалъ:

— Да, но какъ тяжело видѣть всюду раболѣпство, тупость и косность! У благороднаго человѣка сердце разрывается отъ этого.

Героиня, полулежа на кушеткѣ, грустно возражала: -

— Господа, воздухъ такъ чистъ и птички такъ звонко поютъ... Въ небѣ сіяетъ солнце и тихій вѣтерокъ порхаетъ съ цвѣточка на цвѣточекъ... Зачѣмъ спорить?..

Обличающій человѣкъ закрылъ лицо руками и, сквозь рыданія, простоналъ:

— Божжже мой! Божжжже мой!.. Какъ тяжело жить!

Человѣкъ, загримированный всепрощающимъ, тихо положилъ руки на плечо тому, который говорилъ «Божже мой!»

— Ирина,—прошепталъ онъ, обращаясь къ героинѣ,— у этого человѣка большая душа!

На моихъ глазахъ выступили слезы.

Я, вообще, очень чувствителенъ и не могу видѣть равнодушно даже, если на моихъ глазахъ рѣжутъ человѣка.

Я смахнулъ слезу и почувствовалъ, что эти люди своей талантливой игрой дѣлаютъ меня хорошимъ, чистымъ человѣкомъ. Мнѣ страстно захотѣлось пойти въ антрактѣ въ уборную къ тому актеру, который всѣхъ прощалъ, и къ тому, который страдалъ, и къ грустной героинѣ—и поблагодарить ихъ за тѣ чувства, которыя они разбудили въ моей душѣ.

И я пошелъ къ нимъ въ первомъ же антрактѣ.

Вотъ какимъ образомъ познакомился я съ интереснымъ міромъ дѣятелей подмостокъ...

*

-- Можно пройти въ уборную Эрастова?

— А вы не сапожникъ?

— Лично я не могу объ этомъ судить,—нерѣшительно отвѣтилъ я.—Хотя нѣкоторые критики находили недостатки въ моихъ разсказахъ, но не до такой степени, чтобы...

— Пожалуйте!

Я шагнулъ въ дверь и очутился передъ человѣкомъ, загримированнымъ всепрощающимъ.

— Вашъ поклонникъ!—отрекомендовался я.—Пришелъ познакомиться лично.

Онъ былъ растроганъ.

— Очень радъ... садитесь!

— Спасибо,—сказалъ я, оглядывая уборную.—Какъ интересна жизнь артиста, неправда-ли?.. Всѣ вы такіе душевные, ласковые, талантливые...

Эрастовъ снисходительно усмѣхнулся.

— Ну, ужъ и талантливые... Далеко не всѣ талантливы!

— Не скромничайте,—возразилъ я, садясь.

— Конечно... Развѣ этотъ старый башмакъ имѣетъ хоть какую-нибудь искру? Ни малѣйшей!

— Какой старый башмакъ?—вздрогнулъ я.

— Фіалкинъ-Грохотовъ! Тотъ, который такъ подло игралъ роль героя.

— Вы находите, что онъ не справился съ ролью? Зачѣмъ же тогда режиссеръ поручилъ ему эту роль?

Эрастовъ всплеснулъ руками.

— Дитя! Вы ничего не знаете? Да вѣдь режиссеръ живетъ съ его женой! А самъ онъ пользуется щедротами купчихи Поливаловой, которая—родственница буфетчика Илькина, имѣющаго на антрепренера векселей на сорокъ тысячъ.

Я былъ ошеломленъ.

— Какой негодяй! И съ такимъ человѣкомъ должны играть вы и эта милая, симпатичная Лучезарская!..

— Героиня? Да ей то что... Она сама живетъ съ суфлеромъ только потому, что тотъ приходится двоюроднымъ братомъ рецензенту Кулдыбину. У нея, впрочемъ, есть мужъ и дочь лѣтъ двѣнадцати. Но она своими побоями скоро вгонитъ дѣвченку въ гробъ—я въ этомъ увѣренъ. Впрочемъ, она не прочь продать дѣвченку комику Зубчаткину только потому, что у того есть нѣкоторыя связи въ Н-омъ театрѣ, куда она мечтаетъ пробраться...

— Неужели, она такая?

— Да, знаете... Готова съ каждымъ первымъ попавшимся. Покажите ей десять рублей—побѣжитъ. Ей комическая старуха Мяткина-Строева давно уже руки не подаетъ!

— Смотрите-ка! Комическая старуха, а какая благородная брезгливость,—изумился я.

— Она не потому. Просто у Мяткиной-Строевой былъ любовникъ на выходахъ—Клеопатровъ, котораго она содержала, а Лучезарская насплетничала, что онъ въ бутафорской шлемъ укралъ—его и уволили среди сезона. Вы меня извините, сейчасъ мой выходъ минутъ на пять, если хотите—подождите... Я вернусь, еще поболтаемъ. Ужасно, знаете, мнѣ съ моими взглядами жить среди этой грязи и сплетенъ. Я сейчасъ!

Онъ ушелъ. Я остался одинъ.

*

Дверь скрипнула, и въ уборную вошелъ Фіалкинъ-Грохотовъ, весело что-то насвистывая.

— Васьки нѣтъ?—спросилъ онъ благодушно.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я, вѣжливо раскланиваясь.—Очень радъ съ вами познакомиться—вы прекрасно играли!

Лицо его сдѣлалось грустнымъ.

— Я могъ бы прекрасно играть, но не здѣсь. Я могъ-бы играть, но съ этимъ... Эрастовымъ! Знаете-ли вы, что этотъ человѣкъ въ діалогѣ невозможенъ? Онъ перехватываетъ реплики, не даетъ досказывать, комкаетъ ваши слова и своими дурацкими гримасами отвлекаетъ вниманіе публики отъ говорящаго.

— Неужели, онъ такой?—удивился я.

— Онъ? Это бы еще ничего, если бы онъ въ частной жизни былъ порядочнымъ человѣкомъ. Но вѣдь его вѣчныя исторіи съ несовершеннолѣтними гимназистками, эта подозрительно-счастливая игра въ карты и безцеремонность въ займахъ—вотъ что тяжело и ужасно. Кстати, онъ у васъ еще взаймы не просилъ?

— Нѣтъ. А что?

— Попроситъ. Больше десяти рублей не одолжайте—все равно, не отдастъ. Я вамъ скажу—онъ, да Лучезарская...

Въ двери послышался стукъ.

— Можно?—спросила Лучезарская, входя въ уборную.—Ахъ, извините! Очень рада познакомиться!

— Ну, что, голуба?—привѣтливо сказалъ Фіалкинъ-Грохотовъ, смотря на нее.—Что онъ тамъ?..

— Ужасъ, что такое!—страдальчески отвѣтила Лучезарская, поднимая руки кверху.—Это такой кошмаръ... Все время путаетъ слова, переигрываетъ, то шепчетъ, какъ простуженный, то оретъ. Я съ нимъ совершенно измоталась!

— Бѣдная вы моя,—ласково и грустно посмотрѣлъ на нее Фіалкинъ-Грохотовъ.—Каково вамъ-то?

— Мнѣ-то ничего... У меня сегодня съ нимъ почти нѣтъ игры, а вотъ вы... Я думаю,—вамъ, съ вашей школой,

съ игрой, сердцемъ и нервами, послѣ большой столичной сцены... тяжело? О, какъ мнѣ все это понятно! Вамъ сейчасъ выходить, милый... Идите!

Онъ вышелъ, а Лучезарская нахмурила брови и, наклонившись ко мнѣ, озабоченно прошептала:

— Что вамъ говорилъ сейчасъ этотъ кретинъ?

— Онъ? Такъ кое-что... Свѣтскій разговоръ!

— Это страшный сплетникъ и лгунъ... Мы его всѣ боимся, какъ огня. Онъ способенъ, напримѣръ, выйти сейчасъ и разсказать, что засталъ васъ обшаривающимъ карманы висящаго пиджака Эрастова.

— Неужели?—испугался я.

— Алкоголикъ и морфинистъ. Мы очень будемъ рады, если его засадятъ въ тюрьму.

— Неужели? За что?

— Шантажировалъ какую-то богатую барыню. Теперь все раскрылось. Я очень буду рада,—потому что играть съ нимъ—чистое мученіе! Когда онъ, да эта горилла—Эрастовъ на сценѣ, то ни въ чемъ не можешь быть увѣреннымъ. Все провалятъ!

— Почему же режиссеръ даетъ имъ такія отвѣтственныя роли?

— Очень просто! Эрастовъ живетъ съ женой режиссера, а тому только этого и надо, потому что ему не мѣшаютъ тогда наслаждаться счастіемъ съ этой распутницей Каширской-Мелиной, которая жила въ прошломъ году съ Зубчаткинымъ.

Она грустно улыбнулась и вздохнула:

— Васъ, вѣроятно, ужасаетъ наше театральное болото? Меня оно ужасаетъ еще больше, но... что дѣлать! Я слишкомъ люблю сцену!..

Въ уборную влетѣлъ Эрастовъ и, скрежеща зубами, сказалъ:

— Душечка, Марья Павловна, посмотрите, что сдѣлала эта скотина съ началомъ второго дѣйствія! Что онъ тамъ натворилъ...

— Я это и раньше говорила,—пожала плечами Лучезар-

ская.—Эта роль—главная въ пьесѣ и, поэтому, по справедливости, должна была принадлежать вамъ! Впрочемъ... Вы вѣдь знаете режиссера!

⁂

Слѣдующій актъ я опять смотрѣлъ.

Лучезарская стояла около окна, вся залитая луннымъ свѣтомъ, и говорила, положивъ голову на плечо Фіалкина-Грохотова:

— Я не могу понять того чувства, которое овладѣваетъ мною въ вашемъ присутствіи: сердце ширится, растетъ... Что это такое, Кайсаровъ?

— Милая... чудная! Я хотѣлъ бы, чтобы судорога счастья быть любимымъ вами сразу захватила мое сердце, и я упалъ бы къ вашимъ ногамъ бездыханнымъ съ послѣднимъ словомъ на устахъ: люблю!

Около меня кто-то вынулъ платокъ, задѣвъ меня локтемъ, и, растроганный, вытеръ глаза.

— Чего вы толкаетесь,—грубо проворчалъ я.—Болтаютъ тутъ руками—сами не знаютъ чего!..

ПРОКЛЯТІЕ.

Однажды Леонидъ Андреевъ затосковалъ.

Сначала его забавляли неизвѣстные молодые люди, пріѣзжавшіе къ нему по два и по три раза въ день, — а потомъ надоѣли.

Каждый изъ нихъ, явившись къ Андрееву, уводилъ писателя въ уголъ и, судорожно вцѣпившись въ пуговицу его бархатной тужурки, подавленнымъ шопотомъ спрашивалъ:

— Что вы скажете о мессинскомъ землетрясеніи?

И онъ смотрѣлъ на Андреева такими испытующими глазами, что тому дѣлалось ясно: неизвѣстный молодой человѣкъ подозрѣваетъ его въ организаціи и устройствѣ этого бѣдствія.

— А что?—тоже подавленнымъ шопотомъ спрашивалъ испуганный Андреевъ.—Я въ то время былъ у себя на дачѣ... и, клянусь вамъ...

— Нѣтъ, я хочу знать, какъ вы находите это землетрясеніе?

— Оно... ужасно... непріятно,—неувѣренно отвѣчалъ Андреевъ.

— Да? Очень вамъ признателенъ. Я такъ и напишу: Леонидъ Андреевъ въ дружеской бесѣдѣ высказалъ свой ужасъ и возмущеніе передъ загадочными силами природы, которыя... Очень вамъ благодаренъ! Бѣгу.

И онъ убѣгалъ, уступая мѣсто другому молодому человѣку, такому же симпатичному и юркому.

Второй молодой человѣкъ тоже цѣплялся за Андре-

ева, какъ утопающій за соломинку, и, съ истерическимъ любопытствомъ, спрашивалъ:

— Какое ваше мнѣніе о Толстомъ?

— О Толстомъ? Великій старикъ, сдѣлавшій...

— Благодарю васъ. Очень радъ былъ съ вами побесѣдовать! Я такъ и напишу: Недавно Андреевъ въ тѣсномъ семейномъ кругу высказалъ не лишенное оригинальности мнѣніе о Толстомъ. Толстой,—сказалъ писатель,—хотя и великъ, но его старость и сопутствующія этой порѣ жизни немощи лишаютъ его возможности дать вещи, подобныя незабвеннымъ прежнимъ: «Аннѣ Карамазовой» и «Братьямъ Каренинымъ». Мерси. Лечу.

Третій молодой человѣкъ, стоявшій въ затылокъ за вторымъ, ловкимъ движеніемъ ноги отбрасывалъ второго, уже насытившагося, въ сторону и спрашивалъ Андреева въ упоръ:

— О Метерлинкѣ! Что скажете?

— Метерл...

— Благодарю васъ! Я такъ и сообщу нашимъ читателямъ! Я очень радъ, что ваше мнѣніе совпадаетъ съ моимъ. Лечу. Привѣтъ супругѣ.

Постепенно все это пріѣлось Андрееву.

— Ахъ, какъ бы я хотѣлъ развеселиться! — говорилъ онъ.

— Господи!—удивлялась жена.—Что же можетъ быть легче! Въ передней есть еще три молодыхъ человѣка. Позвать? Можетъ, они тебя развеселятъ...

*

Однажды Андрееву пришла въ голову лукавая мысль: потихоньку, инкогнито, уѣхать въ Москву и тамъ повеселиться во всю.

Онъ остригъ волосы, надѣлъ черныя очки и, взявши чемоданчикъ, поѣхалъ въ Москву.

Умылся въ номерѣ гостиницы, радостно ухмыльнулся и, довольный собой, зашагалъ на Тверскую.

Навстрѣчу ему шли двѣ московскихъ барышни.

— Вотъ Андреевъ,—сказала одна.

— Леонидъ,—добавила вторая.

Онѣ остановились и повернули за писателемъ, смотря на него съ изумленіемъ и страхомъ.

— Идетъ по улицѣ...—прошептала одна съ остолбенѣлымъ лицомъ.

Другая всплеснула руками:

— Смотри, смотри! Въ калошахъ... Андреевъ въ калошахъ!

— Что вамъ угодно, барышни?—со вздохомъ спросилъ Андреевъ.

— Ай-ай-ай!—взвизгнули обѣ.—Разговариваетъ!

И, обезумѣвши отъ ужаса, бросились въ разсыпную.

На Тверскую Андреевъ не пошелъ. Накупилъ газетъ и, печальный, побрелъ въ свой номеръ.

Въ первой газетѣ, которую онъ развернулъ, было написано:

— «Передаютъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, что Леонидъ Андреевъ находится въ настоящее время въ Антверпенѣ. Писателю городъ очень понравился. Цѣлыми днями его видятъ гуляющимъ по набережной и въ гавани».

— А надо будетъ, въ самомъ дѣлѣ, когда-нибудь, — подумалъ Андреевъ,—проѣхаться въ Антверпенъ. Вѣроятно, любопытный городъ.

Отложилъ первую газету и взялъ другую.

— «На-дняхъ въ дружеской бесѣдѣ Леонидъ Андреевъ,—сообщалось во второй газетѣ,—восхищался нѣмецкимъ поэтомъ Бирбаумомъ. Онъ считаетъ его однимъ изъ лучшихъ представителей нѣмецкой поэзіи».

— Бирбаумъ...—прошепталъ Андреевъ,—странная фамилія. Надо будетъ почитать что-нибудь Бирбаума...

Всталъ и, потянувшись, взглянулъ на часы.

— Ужасно однообразныя газеты нынче... Восемь часовъ... Пойду-ка я куда-нибудь въ театръ повеселиться.

Вышелъ, сѣлъ на извозчика и сказалъ:

— Вези меня, братецъ, въ какой-нибудь театръ. Смерть, хочется повеселиться. Хе-хе. .

— Въ Художественный?—спросилъ извозчикъ.

— Можно и въ Художественный. Впрочемъ, нѣтъ, братъ. Тамъ идетъ моя «Анатема». Вези куда-нибудь въ другое мѣсто. Къ Коршу, что-ли.

Пріѣхавъ въ Коршевскій театръ, Андреевъ купилъ билетъ и на цыпочкахъ вошелъ въ зрительный залъ.

На сценѣ стоялъ актеръ въ студенческомъ мундирѣ, страстно взывая къ актрисѣ:

— Оль-Оль! Я люблю тебя! Посмотри на эти Воробьевы горы...

— «Дни нашей жизни»,—разочарованно прошепталъ Андреевъ.—Экая незадача!

Непріятная горечь накоплялась въ груди и комкомъ подкатывала къ горлу.

Онъ всталъ, вышелъ на улицу и сѣлъ на другого извозчика.

— Вези меня, голубчикъ, въ какой-нибудь театръ кромѣ Художественнаго и Солодовниковскаго.

— Пожалуйте!

Подойдя къ кассѣ третьяго театра, Андреевъ взялъ билетъ и спросилъ кассиршу:

— А что сегодня идетъ?

— «Анфиса», Леонида Андреева. Очень хорошая вещь.

Андреевъ скомкалъ билетъ и со стономъ выбѣжалъ на улицу.

— Есть еще одинъ театръ,—сказалъ онъ самъ себѣ,—но у меня и пьеса еще одна есть: «Жизнь человѣка». Я увѣренъ, что наткнусь именнно на нее. И еще одинъ есть театръ. Но туда не стоитъ и показываться: тамъ, я знаю,—«Черныя маски».

Во взорѣ его свѣтилось отчаянье.

Громадный равнодушный городъ катилъ передъ нимъ тысячныя людскія волны, громадный городъ заключалъ въ себѣ массу развлеченій, но—всѣ они были не для него.

— Для всѣхъ, кромѣ него! Ха-ха!

Чѣмъ дальше, тѣмъ все больше и больше ему хотѣ-

лось повеселиться... Взглядъ его упалъ на гигантскую огненную вывѣску:

— «Синематографъ «Moderne».

— Пойду я хоть въ синематографъ,—подумалъ несчастный, и уныло побрелъ въ иллюминованный подъѣздъ.

Черезъ минуту публика въ ужасѣ шарахнулась отъ какого-то невысокаго чернаго человѣка, который со страдальческимъ воемъ, расталкивая всѣхъ, бросился къ выходу.

Въ синематографѣ демонстрировали сенсаціонную картину: «Леонидъ Андреевъ у себя на дачѣ. Только самое короткое время! Леонидъ Андреевъ на моторной лодкѣ. Рѣдкое зрѣлище! Леонидъ Андреевъ и Оскаръ Норвежскій за чаемъ! Леонидъ Андреевъ говоритъ въ граммофонъ. Невозможное стало возможнымъ! Спѣшите смотрѣть!».

На лицѣ Андреева застыла мертвенная скука; въ глазахъ виднѣлось страданіе. Онъ махнулъ рукой и пошелъ на вокзалъ написать женѣ письмо,—что завтра выѣзжаетъ обратно.

— Открыточку?—спросила его продавщица въ вокзальномъ кіоскѣ.—Вотъ, пожалуйста... Не желаете ли: Леонидъ Андреевъ, послѣдній выпускъ.

Андреевъ, шатаясь, отошелъ отъ кіоска, опустился на колѣни и, воздѣвъ руки кверху, заплакалъ:

— Господи! За что ты меня проклялъ?!

ПЕРНАТОЕ.

I.

До сихъ поръ мнѣ почти совсѣмъ не приходилось думать о жизни африканскихъ дикарей... Занятый своими дѣлами, я совершенно забылъ объ ихъ существованіи и имѣю основаніе утверждать, что ихъ отношеніе ко мнѣ носило такой же характеръ—полнѣйшаго равнодушія.

Въ своей жизни я написалъ цѣлый рядъ фельетоновъ и статей: юмористическихъ, сатирическихъ, ядовитыхъ, полныхъ сарказма и негодованія, но едва-ли хотя одно мое произведеніе вызвало на устахъ африканскаго дикаря улыбку или заставило его искренно негодовать вмѣстѣ со мною по поводу все ухудшающейся жизни на нашей безтолковой планетѣ.

Такъ мы жили: я—самъ по себѣ, а дикари, подъ палящими лучами африканскаго солнца,—сами по себѣ.

Но однажды, когда я сидѣлъ въ редакціи, освѣщенной электрическимъ свѣтомъ, имѣя передъ собой телефонъ, сзади—шкапъ, биткомъ набитый геніальными твореніями, а сбоку послѣднія телеграммы, сообщавшія мнѣ о различныхъ событіяхъ въ самыхъ послѣднихъ закоулкахъ земного шара,—мнѣ до боли сдѣлалось жаль несчастныхъ, невѣжественныхъ дикарей, лишенныхъ не только телефона и шкапа, набитаго книгами, но даже простой, дешевой, копѣечной вечерней газеты!

— Вотъ,—сказалъ я самъ себѣ,—ты сидишь здѣсь, залитый электрическимъ свѣтомъ, сильный, всезнающій культурный человѣкъ, а въ это же самое время гдѣ-нибудь

у истоковъ Нила жалкій, тупой дикарь, раздираемый когтями свирѣпаго льва, молча страдаетъ и отъ когтей, и отъ отсутствія вечерней газеты, и отъ своей собственной тупости и невѣжества...

Сердце мое болѣзненно сжалось, и къ горлу подкатилъ тяжелый комъ.

Для журналиста—у меня на рѣдкость добрая, отзывчивая душа и широкое, способное на героизмъ и самопожертвованіе сердце.

Цѣлую недѣлю у меня не выходила изъ головы судьба африканскихъ дикарей, а еще черезъ недѣлю—я рѣшилъ поѣхать къ нимъ, неся съ собой знаніе, просвѣщеніе и истинныя культурныя начинанія, могущія поднять дикаря до меня, всезнающаго, разносторонняго газетнаго работника.

Издатель сначала удивился моему рѣшенію, потомъ огорчился, потомъ выразилъ опасеніе — не страдаю-ли я тихимъ помѣшательствомъ, а потомъ выдалъ мнѣ авансъ, написалъ въ своей газетѣ, что «редакція, не щадя затратъ, рѣшила послать собственнаго спеціальнаго корреспондента въ центральную Африку»... и я уѣхалъ...

II.

Утомившись, послѣ длиннаго дневного перехода подъ свирѣпыми лучами центральнаго африканскаго солнца, я, вмѣстѣ со своими проводниками, остановился на ночлегъ въ тропическомъ лѣсу, сплошь состоявшемъ изъ ліанъ, змѣй и голодныхъ назойливыхъ львовъ.

Не прошло и часу безпокойнаго, тяжелаго сна, какъ я услышалъ крики, бѣготню, возню и, очнувшись, увидѣлъ себя схваченнымъ дюжими черными руками нѣсколькихъ неизвѣстныхъ мнѣ людей, очевидно, тѣхъ самыхъ, которые такъ страдали отъ отсутствія вечернихъ газетъ.

Не теряя присутствія духа, я, съ помощью знаковъ, обратился къ нимъ со слѣдующей рѣчью:

— Милостивые дикари! Я, конечно, понимаю, что весь вашъ жизненный укладъ и дѣдовскія традиціи, те-

ряющіяся во тьмѣ прошлыхъ вѣковъ, повелѣваютъ вамъ сейчасъ же безъ остатка съѣсть меня, запивъ чистою, ключевой водой. Но я имѣю мужество сказать, что это будетъ самымъ идіотскимъ поступкомъ вашей безграмотной жизни! Вы убьете курицу, могущую нести золотыя яйца, уничтожите жемчужину, которая будетъ самымъ лучшимъ украшеніемъ короны вашего короля. Изъ исторіи мы знаемъ одинъ примѣръ такой безсмысленной расточительности — когда царица Клеопатра распустила въ уксусѣ жемчужину и проглотила эту отвратительную смѣсь, но вѣдь это было сдѣлано глупой, истеричной женщиной, а вы—разсудительные, неглупые дикари, съ честными, открытыми лицами!..

Извѣстно, что человѣка можно поймать на самую грубую лесть. Дикари, польщенные моими послѣдними словами и обезкураженные указаніемъ на, печальной памяти, примѣръ Клеопатры—заговорили что-то на своемъ чернокожемъ языкѣ, а потомъ одинъ спросилъ меня знаками:

— Если бы мы пренебрегли своими священными традиціями и оставили тебя несъѣденнымъ, что бы ты могъ предложить намъ взамѣнъ этого акта исключительнаго милосердія?

— Мнѣ гораздо легче указать вамъ,—гордо отвѣчалъ я,—чего я не могу предложить! Я научу васъ всему: ваши вигвамы зальются свѣтомъ электричества! Книгопечатаніе подниметъ вашъ умственный уровень, принципы культурной дипломатіи расширятъ ваши границы, а огнестрѣльное оружіе защититъ васъ отъ нападеній хищныхъ звѣрей.

Восторженный крикъ исторгся изъ нѣсколькихъ десятковъ грудей, и обезумѣвшіе отъ радости дикари потащили меня къ королю, куда-то вглубь дѣвственнаго африканскаго лѣса...

III.

Гордо, полный сознанія собственнаго достоинства, стоялъ я передъ чернокожимъ королемъ.

— Неужели, ты, одинъ человѣкъ, можешь все знать? — изумленно допрашивалъ меня простодушный дикарь.

— Я журналистъ!—отвѣчалъ я знаками.—Журналисты должны все знать. Наша дѣятельность требуетъ исключительной разностороности.

— Что ты считаешь самымъ главнымъ въ жизни человѣческой?—спросилъ меня король.

— Печатное слово.

— Можешь ты научить насъ этому?

— Господи!—удивился я.—Ничего нѣтъ легче.

— Какъ-же это дѣлается?

— Какъ?

Всѣ окружающіе притаили дыханіе. Самъ король подался впередъ, олицетворяя собой воплощенное вниманіе.

— Дѣлается это просто: приходитъ мнѣ въ голову какая-нибудь мысль... Я сажусь за столъ и излагаю ее на бумагѣ. Затѣмъ, зову мальчишку...

— Мальчишки у насъ есть. Сколько угодно,—вставилъ король.

— ...Зову мальчишку и отсылаю въ типографію. Тамъ набираютъ, печатаютъ и потомъ это разсылается по всему свѣту!

Глаза короля заблестали восторгомъ.

— Что нужно для того, чтобы устроить типографію? Изъ чего она дѣлается?

Я подумалъ.

— Изъ... желѣза.

— Желѣзо у насъ есть! Эй! кто тамъ... Дать этому блѣднолицому желѣза, сколько ему понадобится. Пусть десятъ самыхъ расторопныхъ моихъ подданныхъ помогають ему.

— Видите-ли...—нерѣшительно сказалъ я. Типографскія машины бываютъ нѣсколькихъ родовъ: самая сложная—ротаціонная, для газетъ, потомъ бываютъ плоскія, иллюстраціонныя... Самая простая, такъ называемая, американка...

IV.

У моихъ ногъ лежала груда разнаго желѣза. Меня окружили десять откомандированныхъ мнѣ на помощь дикарей, и всѣ они съ рабской готовностью смотрѣли въ мои глаза, ожидая перваго жеста, чтобы начать работу.

Я поднялъ кусокъ желѣза и повертѣлъ его въ рукахъ. Мнѣ часто приходилось видѣть типографскія машины, но въ нихъ было нацѣплено столько разныхъ колесъ, рычаговъ и винтиковъ, что я сейчасъ былъ въ полнѣйшемъ недоумѣніи—съ чего мнѣ начать.

— Прежде всего,—промямлилъ я,—мы должны бросить ретроспективный взглядъ и прослѣдить дѣло книгопечатанія со времени его возникновенія. Одинъ бѣдный человѣкъ, по имени Гуттенбергъ, родившійся въ тысяча... (я пожалѣлъ, что со мной не было энциклопедическаго словаря) да... родившійся нѣсколько вѣковъ тому назадъ, придумалъ, вмѣсто рукописныхъ буквъ, вырѣзанныя изъ дерева. Сначала онѣ вырѣзывались на цѣлой доскѣ, а потомъ Гуттенбергъ сталъ дѣлать ихъ подвижными...

Я запнулся и, безнадежно опустивъ голову, умолкъ.

Толпа дикарей съ жаднымъ довѣрчивымъ любопытствомъ окружала меня, ловила каждое мое слово, каждый жестъ, какъ величайшее откровеніе...

— Да... вотъ, такимъ образомъ, и было изобрѣтено Гуттенбергомъ книгопечатаніе... Впрочемъ, господа, прежде чѣмъ начинать устраивать типографію, мы должны заняться бумагой. Знаете-ли вы, какъ дѣлается бумага?

— Мы о ней и не слыхивали,—заявилъ король.

— Неужели?!—вскичалъ я, съ сожалѣніемъ оглядѣвъ дикарей.—Вѣдь это такой пустякъ! Долженъ вамъ сказать, что бумага изготовляется изъ тряпокъ, тряпки изъ отслужившей свой срокъ одежды, одежда изъ матеріи, а матерія изъ льна, который—суть растеніе!

Я побѣдоносно взглянулъ на ошеломленныхъ дикарей.

Король робко спросилъ:

— Не можешь-ли ты, о, чужестранецъ, указать мнѣ, какое изъ растенiй—суть ленъ?

Я обвелъ глазами поросшую травой поляну, но, такъ какъ, не выѣзжая всю жизнь изъ города, никогда не видѣлъ живого льна,—то благоразумно отвѣтилъ:

— Бумагу можно дѣлать также изъ древесныхъ волоконъ! Американцы приготовляютъ такъ называемую древесную бумагу. Долженъ вамъ сказать, что Америка со времени открытiя ея Колумбомъ сдѣлала большiя завоеванiя въ техникѣ... Громадные мосты титанической работы, тресты, захватившiе въ свою власть всю промышленность...

— Нѣтъ, нѣтъ, — перебилъ меня король. — Ты разскажи, какъ дѣлается бумага изъ дерева?

— Какъ?—да очень просто: электричествомъ!

На лицахъ дикарей было написано истерическое любопытство.

— Что же это такое электричество?—спросилъ король. —Можешь ты его сдѣлать?

— Каждый мальчишка въ европейской школѣ проходитъ физику,—презрительно возразилъ я.—Въ жизни культурнаго человѣка электричество играетъ первенствующую роль: по освѣщеннымъ электричествомъ улицамъ то и дѣло мчатся биткомъ набитые трамваи, на верхнiе этажи высочайшихъ домовъ человѣкъ попадаетъ въ одну минуту съ помощью электрическаго лифта, гигантскiе синематографы запечатлѣваютъ всѣ событiя, и человѣчество двадцатаго вѣка трiумфально катитъ къ далекому будущему среди электрическихъ молнiй, освѣщенное голубымъ свѣт...

— Нѣтъ, ты не говори намъ такъ,—нетерпѣливо перебилъ меня король.—Ты разскажи лучше, ну... какъ устроить синематографъ!?

— Простите,—съ достоинствомъ возразилъ я.—Но я журналистъ, и всякую свою мысль привыкъ облекать въ законченную, округленную форму. А синематографъ устраивается съ помощью электричества.

— Да какъ-же онъ устраивается?!!

— Онъ? Прежде всего, я долженъ ...гм... объяснить вамъ, что такое электричество... Это таинственная, неизслѣдованная еще какъ слѣдуетъ сила природы, той природы, которая въ своемъ вѣчномъ многообразіи...

— Какъ мы можемъ получить электричество?—нервно вскричалъ король.—Съ чего начать? Ты намъ это разскажи!

— Электричество? Существуетъ, видите ли, два рода электричества... Положительное и отрицательное... Такъ называемыя катушки Румкорфа, состоящія изъ...

За нѣсколько лѣтъ моей писательской работы мнѣ ни разу не приходилось касаться электричества, и все мое отношеніе къ данному предмету ограничивалось тѣмъ, что я однажды заплатилъ монтеру за починку звонковъ 4 рубля.

— Такъ называемый магнитный полюсъ, — пролепеталъ я,—который является слѣдствіемъ... Гм... Въ простѣйшемъ своемъ родѣ электричество въ природѣ можно вызвать съ помощью элементарнѣйшихъ опытовъ... Напримѣръ: вы берете гребенку и проводите ею по волосамъ... Характеристическій трескъ, который вы слышите, и есть электричество, разряжающееся....

— Онъ все вретъ,—послышался сбоку голосъ.—Онъ, рѣшительно, ничего не знаетъ. Давайте его съѣдимъ!

— Я ничего не знаю?!—съ негодованіемъ воскликнулъ я.—Сами вы врете! Я все знаю! Я могу посвятить васъ въ создавшуюся политическую коньюнктуру Европы, могу освѣтить съ самой оригинальной точки зрѣнія творчество Ибсена, разскажу вамъ о возвращеніи къ культу Греціи, о танцахъ будущаго, о крушеніи индивидуализма, о козняхъ Австріи...

Меня связали и потащили куда-то...

А я говорилъ:

— Аэропланы—суть аппараты тяжелѣе воздуха. Различаются—монопланы, бипланы и, такъ называемые, геликоптеры.

— А какъ они дѣлаются?—съ любопытствомъ спросилъ тащившій меня дикарь.

Подробно я этого не зналъ и потому, помолчавъ, сказалъ:

— Скоро человѣкъ завоюетъ воздухъ, и эти большія бѣлыя птицы будутъ рѣять въ безоблачномъ небѣ, которое притихнетъ, будто изумленное дерзостью во все проникающаго человѣческаго генія...

— Онъ будетъ очень вкусенъ,—похвалилъ меня одинъ дикарь, ощупывая голову.

— Онъ понравился мнѣ съ перваго взгляда, — сказалъ другой.

Я слишкомъ культурный человѣкъ, чтобы меня могла тронуть эта грубая лесть...

Я промолчалъ и, брошенный на траву, сталъ терпѣливо ожидать, когда меня зарѣжутъ.

— Заявить имъ развѣ, — подумалъ я, — что я знаю, какъ дѣлаются ружья? Я нѣсколько разъ возмущался въ печати безчеловѣчіемъ пули думъ-думъ, негодовалъ по поводу осталости Россіи въ дѣлѣ вооруженія артиллеріи дальнобойными орудіями, но какъ все это дѣлается—пусть меня повѣсятъ—не знаю...

ЕЩЕ ВОСПОМИНАНІЯ О ЧЕХОВѢ.

Сей трудъ авторъ благоговѣйно посвящаетъ Н. Ежову... какъ автору остроумнаго труда о Чеховѣ, напечатаннаго въ «Историческомъ Вѣстникѣ».

I.

Однажды мы съ Антономъ Павловичемъ сидѣли въ его саду и тихо бесѣдовали.

— Васъ спрашиваютъ... Можно васъ видѣть?—доложилъ старый слуга.

Непосредственно за этими словами изъ-за спины слуги раздался веселый голосъ:

— Чего тамъ спрашиваютъ?! Хо-хо! Смерть не люблю этихъ китайскихъ церемоній! Доложи, да пріими, да еще, пожалуй, визитныя карточки потребуешь—терпѣть не могу цирлихъ-манирлихъ. Здравствуй, Антоша!

Антонъ Павловичъ привсталъ и недоумѣвающе посмотрѣлъ на веселаго господина въ лихо надѣтомъ на бекрень котелкѣ, съ жизнерадостными, но немного мутными глазами, и съ манерами, красиво развязными и размашистыми...

— Простите...—недоумѣвая сказалъ Антонъ Павловичъ.

— Не узнаешь, шельмецъ?! Славой... какъ это говорится... обуянъ? Загордился? Хо-хо! Смерть не люблю, когда эдакое вотъ... двуногое—носъ задираетъ!!!

— Не будете-ли добры,—мягко сказалъ Чеховъ, юмо-

ристически взглянувъ на меня,—назвать себя, чтобы я могъ вспомнить. Съ годами, знаете... память слабѣетъ.

— Хо-хо! Какъ это говорится: Изабелла—ослабѣла! А ты, братъ, измѣнился, похудѣлъ. Ну, что твоя чахотка? Небось, кровью харкаешь уже?

— Будьте добры,—вмѣшался я, выступая впередъ,—сказать, кто вы такой, потому что Антонъ Павловичъ васъ не можетъ узнать.

— А! И вы здѣсь... господинъ хорошій! Какъ поживаете? Небось, тоже пишете? Много развелось теперь пишущей братіи... и всякій о себѣ мнитъ, что геній. Правильно, Антоша? Помнишь, какъ я тебя въ былое время называлъ: Антошка-картошка? Да, братъ, было времячко...

Веселый господинъ сѣлъ на мое мѣсто и, задумчиво сбивая суковатой палкой головки цвѣтовъ на куртинахъ, продолжалъ:

— Вотъ видишь, Антоша... ты меня забылъ, а я тебя помню. Забылъ Колю, шельмецъ!? А вѣдь въ одной газетѣ работали. Я о кораблекрушеніяхъ разныхъ, о бѣшеныхъ собакахъ писалъ, а ты разсказы мастачилъ. Хо-хо! Ловкачъ ты, братъ! Носъ у тебя есть. Потому и выдвинулся, что носъ есть. Умѣешь по вѣтру... А я тоже, братъ... сталъ уже разныя фельетонныя фигли-мигли разводить. Читалъ, небось, какъ я на-дняхъ отцовъ города за городскіе скверы продернулъ? Ванька Арепьевъ часто говорилъ: бойкое у тебя, Коля, перо... Охъ, бойкое! Помнишь Ваньку Арепьева?

Чеховъ наморщилъ лобъ.

— Что-то не помню... Фельетончика вашего о скверахъ, къ сожалѣнію, тоже не читалъ.

Веселый господинъ протяжно свистнулъ.

— Да ты что, Антоша... Въ самомъ дѣлѣ, въ знаменитости продираешься? За литературой не слѣдишь, бывшихъ друзей не признаешь... Оттого и видъ у тебя такой... туберкулезный! А я, братъ, тебѣ одну штукенцію притащилъ. Замѣчательная повѣсть. Самъ и писалъ, милый

Антуанъ, собственными руками. Прочти и скажи свое вѣщее слово. Можетъ, въ «Русское Богатство» пристроишь.

Антонъ Павловичъ со вздохомъ взялъ пожелтѣвшую, растрепанную, видавшую виды рукопись и развернулъ ее.

— Она у васъ... гм... не обработана.

— Какъ не обработана? Врешь, братъ, до послѣдней запятой обработана!

— Да вотъ тутъ... первая же фраза: «къ высокому гроту подъѣхалъ мужчина, который зіялъ темнымъ загадочнымъ отверстіемъ... Кто зіялъ?

— Конечно, гротъ. Всякій по смыслу догадается. А я уже вижу, братъ, что ты подкапываешься. Нехорошо, Антоша... Неискренно! Конечно, съ такимъ отношеніемъ къ товарищу—никакое «Русское Богатство» не напечатаетъ. Ну, Богъ съ тобой! У меня есть къ тебѣ другая дружеская просьба... дай мнѣ пятьсотъ рублей!

— Какъ—пятьсотъ рублей?

— Взаймы. Послѣ сосчитаемся.

— Да у меня такой суммы, право, нѣтъ...

— Полно врать-то! Небось въ годъ зарабатываешь въ пять разъ больше. Ну, нѣтъ пятисотъ, дай триста. Я тебѣ оставлю мою рукопись... За нее всякій издатель дастъ въ десять разъ больше!

— Увѣряю васъ... У меня при себѣ рублей тридцать-сорокъ есть. И на тѣ я долженъ жить всю недѣлю. Впрочемъ, половину—могу.

— Эхъ, Антоша! Засушила тебя слава! Мелокъ ты сталъ: товарищамъ завидуешь, въ денежныхъ отношеніяхъ потерялъ широту русской души... Жмешься, братъ! А вѣдь все равно—кашляешь, кашляешь, да и помрешь скоро... Кому свои милліоны оставишь?

Веселый господинъ похлопалъ меня по плечу, какъ бы призывая въ свидѣтели своего утвержденія, покачалъ головой и, обиженный, исчезъ такъ же неожиданно, какъ явился.

Больше мы съ нимъ не встрѣчались...

II.

Когда въ печати появились воспоминанія Куприна, Бунина и Горькаго — о Чеховѣ, веселый господинъ рѣшилъ, что настала его очередь.

— Чтожъ... — подумалъ онъ... — Недаромъ Ванька Арепьевъ частенько говорилъ, что у меня бойкое перо. Попробуемъ!

Веселый господинъ отодвинулъ начатый фельетонъ о непозволительномъ отношеніи отцовъ города къ водопроводному вопросу и началъ:

ВОСПОМИНАНІЯ О ЧЕХОВѢ.

Долженъ сказать, что Чехова я зналъ очень близко... Начинали мы съ нимъ въ одной газетѣ и я, по-пріятельски, даже называлъ его Антошей.

— Эхъ, ты,—говорю,—Антошка-картошка!

Зная его близко, долженъ сказать, что дружественная критика окружила его совершенно незаслуженнымъ ореоломъ и какимъ-то идолопоклонническимъ отношеніемъ...

Мало кому извѣстно, что слухи о добротѣ и деликатности Антона Петровича были сильно преувеличены. Наоборотъ, покойный писатель къ своимъ бывшимъ товарищамъ по работѣ относился съ невыносимымъ пренебреженіемъ, еле узнавалъ ихъ при встрѣчѣ.

Кромѣ того, угасшій писатель былъ скупенекъ и часто, позванивая въ карманѣ сторублевками, отказывалъ въ займѣ даже своимъ близкимъ нуждающимся друзьямъ.

Отличительной чертой незабвеннаго покойника была грубость, доходящая порой до наглости... Такъ, напримѣръ, пишущій эти строки былъ свидѣтелемъ того, какъ Антонъ Павловичъ раскритиковалъ прекрасную повѣсть маститаго писателя, который находился тутъ же. Нужно ли говорить, что эта грубая критика была совершенно несправедлива, являясь результатомъ болѣзненной зависти къ болѣе талантливымъ коллегамъ чахоточнаго писателя...

Покойный, конечно, понималъ, что его нудныя, тягучія измышленія, лишенныя элементарнаго знанія жизни, сразу тускнѣли и терялись рядомъ съ прекрасными, полными жизненной правды произведеніями маститаго автора. «Чего же спятъ наши отцы города, не обращая вниманія на позорное состояніе городской канализаціи».

Къ числу отрицательныхъ свойствъ дорогого всѣмъ покойника нужно отнести также его извѣстную близкимъ—приверженность къ алкоголю и полнѣйшее неумѣнье отличать свое отъ чужого. (Пишущій эти строки хорошо помнитъ, какъ незабвенный писатель обмѣнялъ свои старыя калоши на его новыя и спряталъ однажды, якобы по разсѣянности, вмѣсто носового платка—совсѣмъ новенькую салфетку).

Въ будущемъ, авторъ настояшихъ воспоминаній о Чеховѣ постарается глубже и полнѣе очертить физическую и моральную физіономію писателя, такъ безвременно угасшаго (настолько безвременно, что онъ забылъ возвратить автору этихъ воспоминаній серебрянный портсигаръ и три рубля денегъ, похищенныхъ тайкомъ знаменитымъ пѣвцомъ русскихъ сумерокъ)...

КРАЙНІЯ ТЕЧЕНІЯ.

Сотрудникъ московск. журнала «Вѣсы», декадентъ Эллисъ, уличенъ въ похищеніи листовъ и порчѣ книгъ въ публичной библіотекѣ. (Газетн. хроника).

I.

— И вамъ не стыдно?—укоризненно спрашивалъ судья, смотря на стоявшаго передъ нимъ Декадента, — ну, скажите: пара ли она вамъ?

— Она изъ хорошей семьи, — отвѣтилъ, моргая глазами, Декадентъ.—Отецъ ея былъ предводителемъ стада, и потомъ жилъ нѣсколько лѣтъ на городской конюшнѣ, а мать получила на выставкѣ медаль.

— Да, но вѣдь она же—коза!

— Коза, господинъ судья.

— Такъ какъ же вы такъ?! А?..

— Я не изъ разсчета, господинъ судья. Я по любви.

— Что же вы нашли въ ней хорошаго? Коза—козой и останется. Вотъ вы говорите, что хотите узаконить вашу любовь бракомъ. Намѣреніе въ своемъ первоисточникѣ — почтенное. Не спорю. Но подумали ли вы о тѣхъ тяжелыхъ осложненіяхъ и инцидентахъ, которые должны возникнуть потомъ? Вы изъ хорошей семьи, у васъ есть престарѣлые родные... Того ли ожидали ваши папа и мама, когда растили васъ и качали на колѣнахъ, маленькаго, съ кудрявой головкой, о такой ли партіи для своего первенца думала ваша уважаемая матушка? Ужъ не говоря о томъ, что вашъ бракъ, какъ противный каноническимъ прави-

ламъ, будетъ только гражданскимъ, подумали ли вы о томъ, что будетъ, если ваши родственники, ваши друзья захотятъ познакомиться съ вашей... супругой? Сможете ли вы ввести ее въ порядочное общество равноправнымъ членомъ и не заставитъ ли она своимъ безтактнымъ поведеніемъ краснѣть васъ, съ первыхъ же шаговъ ея свѣтской жизни? Я понимаю, конечно, вы скажете: я молодъ, я ее перевоспитаю, съ милымъ рай въ шалашѣ, ну... и прочее тамъ... Хорошо-съ! А о старости... О старости своей подумали ли вы, молодой человѣкъ?! Кто вамъ—хворенькому, сѣденькому, слабенькому подастъ напиться?! Кто поправитъ вамъ подушку и дастъ въ чайной ложечкѣ лѣкарство? Коза? Коза пригрѣетъ васъ, приголубитъ, утѣшитъ и облегчитъ въ жизненныхъ неудачахъ и передрягахъ?

На глазахъ престарѣлаго судьи стояли слезы.

Декадентъ плакалъ навзрыдъ.

— Что же мнѣ дѣлать, господинъ судья? Теперь я и самъ вижу, что она мнѣ не пара.

— Гоните ее отъ себя!

— Она будетъ очень страдать, — прошепталъ Декадентъ, сморкаясь въ носовой платокъ.—Мы такъ любили другъ друга...

— Вы должны ее возненавидѣть!

— Спасибо, господинъ судья. Возненавижу. А тутъ еще у моего пріятеля была собака... Очень красивая. Ее звали—Леди. Если бы...

— Нельзя, — твердо сказалъ судья. — Тоже нельзя. Гнать и ненавидѣть!

— Тутъ еще кошку на-дняхъ я одну видѣлъ,—признался Декадентъ.—Препикантное созданіе!..

— Ни-ни! Гоните отъ себя всякіе соблазны... Поселите въ своемъ сердцѣ вмѣсто любви—ненависть.

— Поселю, господинъ судья,—обѣщалъ растроганный Декадентъ.

II.

— И вамъ не стыдно?—укоризненно спрашивалъ судья, смотря на стоявшаго передъ нимъ Декадента.—Ну, скажите, развѣ для воспитаннаго молодого человѣка подходящее занятіе—давить кошекъ веревками и травить собаками?

— А мы потомъ этихъ собакъ кипяткомъ обливали,— попытался оправдаться Декадентъ.

— Тоже нехорошо. Нѣтъ въ васъ мѣры. То вы хотите козу осчастливить предложеніемъ руки и сердца, то собаку кипяткомъ шпарите. Вѣдь собака вамъ ничего дурного не сдѣлала?

Декадентъ подумалъ.

— Ничего.

— Такъ зачѣмъ же вы ее кипяткомъ обливаете?

— Да, теперь я и самъ вижу, господинъ судья, что это было лишнее.

— Вотъ видите. А зачѣмъ кошекъ давить? Существо она чистенькое, никому вреда не приноситъ, а, наоборотъ, въ хозяйствѣ полезное — мышей ловитъ — за что же ее убивать?

— На-дняхъ у тети моей, — оживился Декадентъ, — во какую мышь поймала!

— То-то и оно. И тетенька ваша, навѣрное, ее любитъ, молочкомъ за это, печенкой кормитъ. А вы взяли ее, да веревкой удавили! Покличетъ ваша тетушка свою Машку: Машенька, Машенька, гдѣ ты? Анъ, нѣтъ Машеньки... На веревкѣ удавлена... Померла! Не нужно ей уже ни молочка, ни печеночки...

Старый судья прослезился.

Декадентъ тоже плакалъ.

— Не буду больше, господинъ судья.

— То-то и оно. Вы бы лучше книжки читали, чѣмъ животныхъ мучить...

— Буду книжки читать, господинъ судья, — пообѣщалъ Декадентъ.

III.

— И вамъ не стыдно?—укоризненно спрашивалъ старый судья, смотря на стоявшаго передъ нимъ Декадента. —Что дурного сдѣлали вамъ книжки въ Публичной библіотекѣ, что вы изъ нихъ выдирали страницы?

— Я полюбилъ чтеніе, господинъ судья.

— Такъ зачѣмъ же страницы выдирать?!

— Я не всѣ. Нѣсколько страничекъ... И то въ толстыхъ книжкахъ. Если тоненькая—я понимаю, что нельзя. Она оттого еще тоньше будетъ. А толстая—что ей сдѣлается?

— Ну, поставьте вы себя на мѣсто другого читателя... Приходите вы, берете книгу, разворачиваете, анъ отъ 16-й до 86 страницы—и нѣтъ!

— Какъ нѣтъ? Есть!—возразилъ Декадентъ, полѣзъ въ карманъ и вынулъ нѣсколько измятыхъ листковъ. — Вотъ они!

— Такъ это у васъ! Поймите, у васъ, потому что вы ихъ тайкомъ вырвали... А возьмите вы другого читателя... Ну, ученаго какого-нибудь, профессора, скажемъ, медицины. Нужно ему пополнить какой-нибудь пробѣлъ въ теоріи, которая приведетъ его къ открытію лѣкарства, скажемъ, отъ чахотки, поѣдетъ онъ въ Публичную библіотеку, возьметъ нужную книгу и—что же! Необходимыя страницы вырваны. Что тогда получится: средство отъ чахотки не открыто, больные будутъ умирать попрежнему, —и все это сдѣлали вы!

Декадентъ заплакалъ.

— Когда вы такъ хорошо все объяснили, то я, дѣйствительно, вижу, что былъ неправъ. Я больше не буду, господинъ судья! Но что же мнѣ дѣлать, посовѣтуйте!?

— Боюсь вамъ и совѣтовать,—сказалъ судья.—Совѣтовалъ вамъ гнать отъ себя козу, вы стали давить кошекъ, посовѣтовалъ читать—вы стали драть страницы... Развѣ вотъ что... начните писать что нибудь!

— Это невозможно!—рыдая, воскликнулъ Декадентъ.

— Почему?

— Я уже пишу! Въ «Вѣсахъ»!!

НЕИЗЛѢЧИМЫЕ.

«Спросъ на порнографическую литературу упалъ. Публика начинаетъ интересоваться сочиненіями по исторіи и естествознанію».

(Книжн. извѣстія).

Писатель Кукушкинъ вошелъ, веселый, радостный, къ издателю Залежалову и, усмѣхнувшись, ткнулъ его игриво кулакомъ въ бокъ.

— Въ чѣмъ дѣло?

— Вещь!

— Которая?

— Ага! Разгорѣлись глазки? Вотъ тутъ у меня лежитъ въ карманѣ. Если будете паинькой въ разсужденіи аванса —такъ и быть, отдамъ!

Издатель нахмурилъ брови.

— Повѣсть?

— Она. Ха-ха! То есть такую машину закрутилъ, такую, что небо содрогнется! Вотъ вамъ наудачу, двѣ-три выдержки:

Писатель развернулъ рукопись.

— «...Темная мрачная шахта поглотила ихъ. При свѣтѣ лампочки была видна полная, волнующаяся грудь Лидіи и ея упругія бедра, на которыя Греминъ смотрѣлъ жаднымъ взглядомъ. Не помня себя, онъ судорожно прижалъ ее къ груди, и все завертѣ»...

— Еще что?—сухо спросилъ издатель.

— Еще я такую штучку вывернулъ: «Дирижабль плавно взмахнулъ крыльями и взлетѣлъ... На рулѣ сидѣлъ Маевичъ и жаднымъ взоромъ смотрѣлъ на Лидію, полная грудь которой волновалась и упругія выпуклыя бедра дразнили своей близостью. Не помня себя, Маевичъ бросилъ руль, остановилъ пружину, прижалъ ее къ груди и все завертѣ»...

— Еще что?—спросилъ издатель такъ сухо, что писатель Кукушкинъ въ ужасѣ и смятеніи посмотрѣлъ на него и опустилъ глаза.

— А... еще... вотъ... Зззаб...бавно! «Линевичъ и Лидія, стѣсненные тяжестью водолазныхъ костюмовъ, жадно смотрѣли другъ на друга сквозь круглыя стеклянныя окошечки въ головныхъ шлемахъ... Сверху нихъ шмыгали пароходы и броненосцы, но они не чувствовали этого. Сквозь неуклюжую, мѣшковатую одежду водолаза, Линевичъ угадывалъ полную волнующуюся грудь Лидіи и ея упругія выпуклыя бедра. Не помня себя, Линевичъ взмахнулъ въ водѣ руками, бросился къ Лидіи, и все завертѣ»...

— Не надо,—сказалъ издатель.

— Что не надо?—вздрогнулъ писатель Кукушкинъ.

— Не надо. Идите, идите съ Богомъ.

— Ввамъ... не нравится? У... у меня другія мѣста есть... Внучекъ увидѣлъ бабушку въ купальнѣ... А она еще была молодая...

— Ладно, ладно. Знаемъ! «Не помня себя, онъ бросился къ ней, схватилъ ее въ объятія и все завертѣ»..

— Откуда вы узнали?—ахнулъ, удивившись, писатель Кукушкинъ.—Дѣйствительно, такъ и есть у меня!

— Штука не хитрая. Младенецъ догадается! Теперь, это, братъ Кукушкинъ, уже не читается. Ау! Ищи, братъ Кукушкинъ, новыхъ путей.

Писатель Кукушкинъ съ отчаяніемъ въ глазахъ почесалъ затылокъ и оглядѣлся:

— А гдѣ тутъ у васъ корзина?

— Вотъ она,—указалъ издатель.

Писатель Кукушкинъ бросилъ свою рукопись въ корзину, вытеръ носовымъ платкомъ мокрое лицо и лаконично спросилъ:

— О чемъ нужно?

— Первѣе всего теперь читается естествознаніе и историческія книги. Пиши, братъ Кукушкинъ, что нибудь тамъ о боярахъ, о жизни мухъ разныхъ...

— А авансъ дадите?

— Подъ боярина дамъ. Подъ муху дамъ. А подъ упругія бедра не дамъ! И подъ «все завертѣлось» не дамъ!!!

— Давайте подъ муху, — вздохнулъ писатель Кукушкинъ.

Черезъ недѣлю издатель Залежаловъ получилъ двѣ рукописи.

Были онѣ такія:

I. БОЯРСКАЯ ПРОРУХА.

Боярышня Лидія, сидя въ своемъ теремѣ старинной архитектуры, рѣшила ложиться спать. Снявъ съ высокой волнующейся груди кокошникъ, она стала стягивать съ красивой полной ноги сарафанъ, но въ это время распахнулась старинная дверь и вошелъ молодой князь Курбскій.

Затуманеннымъ взоромъ, молча, смотрѣлъ онъ на высокую волнующуюся грудь дѣвушки и ея упругія выпуклыя бедра.

— Ой, ты, гой, еси!—воскликнулъ онъ на старинномъ языкѣ того времени.

— Ой, ты, гой, еси, исполать тебѣ, добрый молодецъ! —воскликнула боярышня, падая князю на грудь, и — все завертѣ»...

II. МУХИ И ИХЪ ПРИВЫЧКИ.

(ОЧЕРКИ ИЗЪ ЖИЗНИ НАСѢКОМЫХЪ).

Небольшая стройная муха съ высокой грудью и упругими бедрами ползала по откосу запыленнаго окна.

Звали ее по мушиному—Лидія.

Изъ-за угла вылетѣла большая черная муха, сѣла противъ первой и, съ еле сдерживаемымъ порывомъ страсти, стала потирать надъ головой стройными мускулистыми лапками. Высокая волнующаяся грудь Лидіи ударила въ голову черной мухи чѣмъ то пьянящимъ... Простирая лапки, она крѣпко прижала Лидію къ своей груди, и все завертѣ...

ЗОЛОТОЙ ВѢКЪ.

I.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, я явился къ старому другу, репортеру Стремглавову, и сказалъ ему такъ:

— Стремглавовъ! Я хочу быть знаменитымъ.

Стремглавовъ кивнулъ одобрительно головой, побарабанилъ пальцами по столу, закурилъ папиросу, закрутилъ на столѣ пепельницу, поболталъ ногой—онъ всегда дѣлалъ нѣсколько дѣлъ сразу—и отвѣчалъ:

— Нынче многіе хотятъ сдѣлаться знаменитыми.

— Я не «многій»,—скромно возразилъ я.—Василіевъ, чтобъ они были Максимычами и въ то же время Кандыбиными—встрѣтишь, братъ, не каждый день. Это очень рѣдкая комбинація!

— Ты давно пишешь?—спросилъ Стремглавовъ.

— Что... пишу?

— Ну, вообще,—сочиняешь!

— Да я ничего и не сочиняю.

— Ага! Значитъ—другая спеціальность. Рубенсомъ думаешь сдѣлаться?

— У меня нѣтъ слуха,—откровенно сознался я.

— На что слуха?

— Чтобы быть этимъ вотъ... какъ ты его тамъ назвалъ?.. Музыкантомъ...

— Ну, братъ, это ты слишкомъ. Рубенсъ не музыкантъ, а художникъ.

Такъ какъ я не интересовался живописью, то не

могъ упомнить всѣхъ русскихъ художниковъ, о чемъ Стремглавову и заявилъ, добавивъ:

— Я умѣю рисовать мѣтки для бѣлья.

— Не надо. На сценѣ игралъ?

— Игралъ. Но когда я начиналъ объясняться героинѣ въ любви, у меня получался такой тонъ, будто бы я требую за переноску рояля на водку. Антрепренеръ и сказалъ, что лучше ужъ пусть я на самомъ дѣлѣ таскаю на спинѣ рояли. И выгналъ меня.

— И ты все-таки хочешь стать знаменитостью?

— Хочу. Не забывай, что я умѣю рисовать мѣтки!

Стремглавовъ почесалъ затылокъ и сразу же сдѣлалъ нѣсколько дѣлъ: взялъ спичку, откусилъ половину, завернулъ ее въ бумажку, бросилъ въ корзину, вынулъ часы, и, засвиставъ, сказалъ:

— Хорошо. Придется сдѣлать тебя знаменитостью. Отчасти, знаешь, даже хорошо, что ты мѣшаешь Рубенса съ Робинзономъ Крузо и таскаешь на спинѣ рояли—это придаетъ тебѣ оттѣнокъ непосредственности.

Онъ дружески похлопалъ меня по плечу и обѣщалъ сдѣлать все, что отъ него зависитъ.

II.

На другой день я увидѣлъ въ двухъ газетахъ въ отдѣлѣ «Новости искусства», такую странную строку:

— «Здоровье Кандыбина поправляется».

— Послушай, Стремглавовъ, — спросилъ я, пріѣхавъ къ нему,—почему мое здоровье поправляется? Я и не былъ боленъ.

— Это такъ надо,—сказалъ Стремглавовъ. — Первое извѣстіе, которое сообщается о тебѣ, должно быть благопріятнымъ... Публика любитъ, когда кто-нибудь поправляется.

— А она знаетъ—кто такой Кандыбинъ?

— Нѣтъ. Но она теперь уже заинтересовалась твоимъ здоровьемъ, и всѣ будутъ при встрѣчахъ сообщать другъ другу: «а здоровье Кандыбина поправляется».

— А если тотъ спроситъ: «Какого Кандыбина?»

— Не спроситъ. Тотъ скажетъ только: «Да? А я думалъ, что ему хуже».

— Стремглавовъ! Вѣдь они сейчась-же и забудутъ обо мнѣ!

— Забудутъ. А я завтра пущу еще такую замѣтку:

«Въ здоровьи нашего маститаго»... Ты чѣмъ хочешь быть: писателемъ? художникомъ?..

— Можно писателемъ.

«Въ здоровьи нашего маститаго писателя Кандыбина наступило временное ухудшеніе. Вчера онъ съѣлъ только одну котлетку и два яйца въ смятку. Температура 39,7».

— А портрета еще не нужно?

— Рано. Ты меня извини, я долженъ сейчасъ ѣхать давать замѣтку о котлетѣ.

И онъ, озабоченный, убѣжалъ.

III.

Я съ лихорадочнымъ любопытствомъ слѣдилъ за своей новой жизнью.

Поправлялся я медленно, но вѣрно. Температура падала, количество котлетъ, нашедшихъ пріютъ въ моемъ желудкѣ, все увеличивалось, а яйца я рисковалъ уже ѣсть не только въ смятку, но вкрутую.

Наконецъ, я не только выздоровѣлъ, но даже пустился въ авантюры.

— «Вчера,—писала одна газета,—на вокзалѣ произошло печальное столкновеніе, которое можетъ окончиться дуэлью. Извѣстный Кандыбинъ, возмущенный рѣзкимъ отзывомъ капитана въ отставкѣ Ч* о русской литературѣ, далъ послѣднему пощечину. Противники обмѣнялись карточками».

Этотъ инцидентъ вызвалъ въ газетахъ шумъ.

Нѣкоторые писали, что я долженъ отказаться отъ всякой дуэли, такъ какъ въ пощечинѣ не было состава оскорбленія, и что общество должно беречь русскіе таланты, находящіеся въ расцвѣтѣ силъ.

Одна газета говорила:

— Вѣчная исторія Пушкина и Дантеса повторяется въ нашей, полной несообразностей, странѣ. Скоро, вѣроятно, Кандыбинъ подставитъ свой лобъ подъ пулю какого-то капитана Ч*. И мы спрашиваемъ—справедливо ли это? Съ одной стороны—Кандыбинъ, съ другой—какой-то, никому невѣдомый, капитанъ Ч*.

— Мы увѣрены,—писала другая газета,—что друзья Кандыбина не допустятъ его до дуэли.

Большое впечатлѣніе произвело извѣстіе, что Стремглавовъ (ближайшій другъ писателя) далъ клятву, въ случаѣ несчастнаго исхода дуэли, драться самому съ капитаномъ Ч*.

Ко мнѣ заѣзжали репортеры.

— Скажите,—спросили они,—что побудило васъ дать капитану пощечину?

— Да вѣдь вы читали,—сказалъ я.—Онъ рѣзко отзывался о русской литературѣ. Наглецъ сказалъ, что Айвазовскій былъ бездарнымъ писакой.

— Но вѣдь Айвазовскій — художникъ! — изумленно воскликнулъ репортеръ.

— Все равно. Великія имена должны быть святыней,— строго отвѣчалъ я.

IV.

Сегодня я узналъ, что капитанъ Ч* позорно отказался отъ дуэли, а я уѣзжаю въ Ялту.

При встрѣчѣ со Стремглавовымъ, я спросилъ его:

— Что, я тебѣ надоѣлъ, что ты меня сплавляешь?

— Это надо. Пусть публика немного отдохнетъ отъ тебя. И потомъ, это шикарно: «Кандыбинъ ѣдетъ въ Ялту, надѣясь окончить среди чудной природы юга большую, начатую имъ вещь».

— А какую вещь я началъ?

— Драму «Грани смерти».

— Антрепренеры не будутъ просить ее для постановки?

— Конечно, будутъ. Ты скажешь, что, закончивъ, остался ею недоволенъ и сжегъ три акта. Для публики это канальски эффектно!

Черезъ недѣлю я узналъ, что въ Ялтѣ со мной случилось несчастье: взбираясь на горной кручѣ, я упалъ въ долину и вывихнулъ себѣ ногу. Опять началась длинная и утомительная исторія съ сидѣньемъ на куриныхъ котлеткахъ и яйцахъ.

Потомъ я выздоровѣлъ и для чего-то поѣхалъ въ Римъ... Дальнѣйшіе мои поступки страдали полнымъ отсутствіемъ всякой послѣдовательности и логики.

Въ Ниццѣ я купилъ виллу, но не остался въ ней жить, а отправился въ Бретань кончать комедію «На зарѣ жизни». Пожаръ моего дома уничтожилъ рукопись, и поэтому (совершенно идіотскій поступокъ!) я пріобрѣлъ клочекъ земли подъ Нюренбергомъ.

Мнѣ такъ надоѣли безсмысленныя мытарства по бѣлу-свѣту и непроизводительная трата денегъ, что я отправился къ Стремглавову и категорически заявилъ:

— Надоѣло! Хочу, чтобы юбилей.

— Какой юбилей?

— Двадцатипятилѣтній.

— Много. Ты всего-то три мѣсяца въ Петербургѣ. Хочешь десятилѣтній?

— Ладно,—сказалъ я.—Хорошо проработанныя 10 лѣтъ, дороже безсмысленно прожитыхъ 25.

— Ты разсуждаешь, какъ Толстой, — восхищенно вскричалъ Стремглавовъ.

— Даже лучше. Потому что я о Толстомъ ничего не знаю, а онъ обо мнѣ узнаетъ.

V.

Сегодня справлялъ десятилѣтній юбилей своей литературной и научно просвѣтительной дѣятельности...

На торжественномъ обѣдѣ одинъ маститый литераторъ (не знаю его фамиліи) сказалъ рѣчь.

— Васъ привѣтствовали, какъ носителя идеаловъ молодежи, какъ пѣвца родной скорби и нищеты,—я же скажу только два слова, но которыя рвутся изъ самой глубины нашихъ душъ: Здравствуй, Кандыбинъ!!

— А, здравствуйте,—привѣтливо отвѣчалъ я, польщенный.—Какъ вы поживаете?

Всѣ цѣловали меня.

БЕЗЪ ПОЧВЫ.

Многіе находятъ, что катанье на колесныхъينькахъ—очень трудная вещь... Конечно, въ нашъ слабый развинченный вѣкъ, когда многіе не умѣютъ даже, какъ слѣдуетъ, кататься на простомъ извозчикѣ — этотъ спортъ представляетъ нѣкоторыя трудности, но, конечно, не такого сорта, чтобы, отправляясь впервые на скэтингъ-ринкъ—попрощаться съ родственниками, написать завѣщаніе и затвердить наизусть послѣднія предсмертныя слова.

Я стоялъ у буфетнаго столика, опираясь на мягкія перила вокругъ асфальтовой площадки, по которой носились съ трескомъ и веселымъ гамомъ оживленныя парочки,—стоялъ и думалъ:

— Только то и всего? Да вѣдь сущій пустякъ — покатиться на этихъ колесикахъ! Мнѣ кажется, я открылъ главный секретъ этого спорта: стоитъ только стараться не упасть—и дѣло на половину сдѣлано. А если вы не рухнули на полъ сразу, то послѣдующіе шаги не представляютъ никакихъ затрудненій... Чтобы сдвинуться съ мѣста, необходимо попросить кого либо изъ находящихся вблизи толкнуть васъ легонько въ спину. А коньки ужъ—такая подвижная штука, что мигомъ домчатъ васъ до противоположной стороны площадки. Попробуемъ.

Я подошелъ къ служителю, сѣлъ на диванъ, протянулъ ноги и сказалъ тономъ лихого, безразсудно смѣлаго спортсмена:

— Парочку коньковъ! Да получше!! Чтобы они обязательно были на колесикахъ!

— Да они и такъ всѣ на колесикахъ,—возразилъ служитель, завинчивая какіе то винты на моей ногѣ.

— Да?—смутился я.—Это прекрасный обычай.

— Готово, господинъ!

Я опустилъ на полъ осѣдланныя ноги и потихоньку подвигалъ ими... Увы, твердой земли я не ощутилъ: мои ноги какъ будто болтались въ воздухѣ.

— Это... всегда такъ?—робко спросилъ я.

— Что всегда?

— Такъ... скользко.

— А какъ же: колесики! Пожалуйте на площадку.

Я поднялся съ дивана, но нога моя стремительно юркнула куда-то въ сторону, и я снова опустился на свое мѣсто. Мнѣ часто до того приходилось сиживать на диванахъ, но никогда я не получалъ такого искренняго удовлетворенія отъ этого, какъ теперь.

Никогда бы раньше я не могъ повѣрить, что можно такъ привязаться и полюбить простую дешевую, набитую шерстью подушку. Ни за какія деньги не хотѣлъ бы я разстаться съ ней...

— Что же вы? Пожалуйте.

— Хи-хи,—засмѣялся я.—Хи-хи... Я, голубчикъ, еще немножко посижу здѣсь. Устанешь, знаешь ли, за день... Тутъ у васъ очень мило: тепло, уютно

Онъ отошелъ отъ меня, а я остался сидѣть, томительно вздыхая и изрѣдка осторожно постукивая скользкой ногой по полу.

Рядомъ со мной надѣвали коньки господину, который былъ въ такомъ же положеніи, какъ я. Но въ этомъ человѣкѣ былъ духъ героя! При Іоаннѣ Грозномъ онъ, вмѣсто Ермака, могъ бы завоевать Сибирь; при встрѣчѣ съ тигромъ, онъ ударилъ бы его кулакомъ въ темя и, ошеломивъ этимъ изумленнаго звѣря, притащилъ бы его на веревкѣ домой... Въ этомъ человѣкѣ помѣщался духъ героя! Онъ не сидѣлъ полчаса на диванѣ, не мямлилъ

какъ я, а сразу всталъ, выпрямился смѣло во весь ростъ и—грохнулся на буфетный столъ всей своей тяжестью.

Если заразительны дурные примѣры, то заразительны и хорошіе: я всталъ и, прижимаясь къ служителю со всей порывистостью и лаской, на которую способна моя привязчивая натура—направился къ барьеру.

И вотъ—я остался одинъ, судорожно уцѣпившись за барьеръ и дѣлая видъ, что меня страшно заинтересовало устройство потолка.

— Отчего же вы не катаетесь?—дружески спросилъ меня кто-то изъ сидѣвшихъ за столиками.

— Да я... катаюсь.

— Вы бросьте барьеръ! не держитесь за него — тогда легче.

Я послушался совѣта. Но мои ноги (никогда я не подозрѣвалъ въ своихъ собственныхъ конечностяхъ столько хитрости и ехидства) замѣтили этотъ маневръ и сразу разбѣжались въ обѣ стороны такъ далеко, что мнѣ стоило большого труда снова собрать ихъ воедино. При этомъ, я сдѣлалъ движеніе, напоминающее самую популярную фигуру въ кэкъ-вокѣ и снова съ судорожною поспѣшностью уцѣпился за барьеръ.

— Смѣлѣе, смѣлѣе!—кричалъ мнѣ доброжелатель. — Не льните такъ къ барьеру, какъ къ любимой женщинѣ. Свободнѣе руки, отъѣзжайте отъ барьера.

— Очевидно, онъ знаетъ, что нужно дѣлать, — подумалъ я и отъѣхалъ отъ барьера.

И тутъ я оказался будто висящимъ въ воздухѣ. Коньки сами ерзали по асфальту, какъ живые, я откидывался назадъ, изгибался, какъ угорь и, наконецъ, видя, что позорное паденіе неизбѣжно — съ молніеносной поспѣшностью схватилъ за обѣ руки какого-то подвернувшагося конькобѣжца.

— Что такое?—изумился онъ.—Въ чемъ дѣло?

Стискивая его руки, я трясъ ихъ, изгибался и, чтобы загладить свой безтактный поступокъ, сказалъ трясущимися губами:

— А, здравствуйте!... Какъ поживаете? Вы... меня не узнаете?

— Первый разъ вижу. Пустите мои руки!

Онъ вырвался. Ноги мои не упустили удобного случая сдѣлать гадость ихъ хозяину, разъѣхались въ стороны, и я тяжело опустился бокомъ на асфальтъ.

— Упали?—участливо спросилъ мой доброжелатель.

Я сдѣлалъ видъ, что поправляю коньки.

— Нѣтъ, это я такъ сѣлъ. Затянуть ремни. Они, знаете, отъ катанья ослабѣваютъ.

Повозившись съ какимъ-то ремнемъ, я тихонько подползъ къ барьеру и—снова нашелъ въ немъ стараго, вѣрнаго, испытаннаго друга.

— Если вы замѣчаете, что падаете,—сказалъ человѣкъ, сидѣвшій за столомъ (теперь я подозрѣваю, что онъ былъ —случайный зритель, впервые зашедшій полюбоваться на новый спортъ) если вы замѣчаете, что падаете,—то немедленно поднимайте одну ногу... Равновѣсіе установится, такимъ образомъ, сразу.

Снова я съ тяжелымъ сердцемъ резстался съ барьеромъ... Исполнить совѣтъ моего доброжелателя было тѣмъ легче, что я поскользнулся сразу. И совѣтъ былъ исполненъ даже въ двойной дозѣ. Онъ совѣтовалъ при паденіи поднять одну ногу, а я поднялъ обѣ. Правда, это было послѣ паденія, и для этого пришлось коснуться спиной асфальта, но я увидѣлъ, что въ паденіи, въ сущности, нѣтъ ничего страшнаго.

Мимо меня пролетѣлъ изящный господинъ, граціозно наклонившись впередъ и легко, безъ усиліи скользя по асфальтовой глади.

— Попробую и я такъ,—подумалъ я.—Ну, упаду! Эка важность!

Положивъ руки назадъ, я неожиданнымъ, ураганомъ, ринулся въ толпу катающихся. Я упалъ всего два раза, но сбилъ съ ногъ человѣкъ десять, опрокинулъ неизвѣстнаго толстяка на барьеръ и, сопровождаемый разными

пожеланіями и комплиментами, усталый, довольный собой отправился снимать коньки.

На второй день я опрокинулъ всего двухъ человѣкъ и къ барьеру прикасался лишь изрѣдка, большей частью, покровительственно похлопывая его по упругой спинѣ... На третій день я не опрокинулъ уже ни одного человѣка, (опрокинули меня — какой-то неуклюжій медвѣдь, — чтобъ его чертъ побралъ—и неизвѣстная дѣвица, бездарная до обморока), на барьеръ смотрѣлъ съ презрѣніемъ, какъ на нѣчто смѣшное, ненужное, и демонстративно держался подальше отъ этого пережитка старинной неуклюжести и страха... Пролетая мимо напуганныхъ, искаженныхъ ужасомъ лицъ, кричалъ имъ покровительственно: «смѣлѣе!», и теперь—если бы мнѣ предложили призъ за катанье,—я взялъ бы его безъ всякаго колебанія, отнѣкиваній и ненужной скромности.

III.

МОИ УЛЫБКИ.

ЧЕТВЕРГЪ.

Въ восемь часовъ вечера Ляписовъ заѣхалъ къ Андромахскому и спросилъ его:

— Ѣдете къ Пылинкинымъ?

— А что?—спросилъ, покривившись, Андромахскій. —Развѣ сегодня четвергъ?

— Конечно, четвергъ. Сколько четверговъ вы у нихъ бывали, и все еще не можете запомнить.

Андромахскій саркастически улыбнулся.

— За то я твердо знаю, что мы будемъ тамъ дѣлать. Когда мы войдемъ, m-me Пылинкина сдѣлаетъ радостно-изумленное лицо: «Господи! Андрей Павловичъ! Павелъ Ивановичъ! Какъ это мило съ вашей стороны!» Что мило? Что мило, чортъ ее возьми, эту тощую бабу, мѣняющую любовниковъ—не скажу даже, какъ перчатки, потому что перчатки она мѣняетъ гораздо рѣже! Что мило? То ли мило, что мы являемся всего одинъ разъ въ недѣлю, или то—что мы, войдя, не разгоняемъ сразу пинками всѣхъ ея глупыхъ гостей? «Садитесь, пожалуйста. Чашечку чаю?» Охъ, эта мнѣ чашечка чаю! И потомъ начинается: «Были на лекціи о Ведекиндѣ?». А эти проклятыя лекціи, нужно вамъ сказать, читаются чуть ли не каждый день! «Нѣтъ, скажешь, не былъ.» «Не были? Какъ же это вы такъ?» Ну, что если послѣ этого взять, стать передъ ней на колѣни, заплакать и сказать: «Простите меня, что я не былъ на лекціи о Ведекиндѣ. Я всю жизнь посвящу на то, чтобы замолить этотъ грѣхъ. Дѣтямъ своимъ завѣщаю бывать отъ двухъ до трехъ разъ на Ведекиндѣ, кухарку, вмѣсто

бани, буду посылать на Ведекинда, и на смертномъ одрѣ завѣщаю все свое состоянiе лекторамъ, читающимъ о Ведекиндѣ. Простите меня, умная барыня, и кланяйтесь отъ меня всѣмъ вашимъ любовникамъ!».

Ляписовъ засмѣялся.

— Не скажете!

— Конечно, не скажу. Въ томъ-то и ужасъ, что не скажу. И еще въ томъ ужасъ, что и она и всѣ ея гости моментально и безслѣдно забываютъ о Ведекиндѣ, о лекцiяхъ и съ лихорадочнымъ любопытствомъ набрасываются на какую-то босоножку. «Видѣли танцы новой босоножки? Мнѣ нравится». А другой оселъ скажетъ: «А мнѣ не нравится». А третiй отвѣчаетъ: «Не скажите! Это танцы будущаго, и они мнѣ нравятся. Когда я былъ въ Берлинѣ, въ кафешантанѣ...». «Ахъ», скажетъ игриво m-me Пылинкина, «вамъ, мужчинамъ, только бы все кафешантаны!». Конечно, нужно было бы сказать ей, — кафешантаны. А тебѣ бы все любовники, да любовники? «Семенъ Семенычъ! Чашечку чаю съ печеньицемъ, а? Пожалуйста! Читали статью о Вейнингерѣ?» А чаишко-то у нея, признаться, скверный, да и печеньице тлѣномъ попахиваетъ.... И вы замѣчаете? Замѣчаете? Уже о босоножкѣ забыто, танцы будущаго провалились безслѣдно до будущаго четверга, разговоръ о кафешантанѣ держится двѣ минуты, увядаетъ, осыпается и на его мѣстѣ пышно расцвѣтаетъ бесѣда о новой пьесѣ, причемъ, одному она нравится, другому не нравится, а третiй выражаетъ мнѣнiе, что она такъ себѣ. Да вѣдь онъ ее не видѣлъ?! Не видѣлъ, увѣряю васъ, шутъ этакiй, мошенникъ, мелкiй хамъ!! А ты долженъ сидѣть, пить чашечку чаю и говорить, что босоножка тебѣ нравится, новая пьеса производитъ впечатлѣнiе слабой, а кафешантаны скучны, потому что всѣ номера однообразны.

Ляписовъ вынулъ часы:

— Однако, уже скоро девять!

— Сейчасъ. Я въ минутку одѣнусь. Да вѣдь тамъ только къ девяти и собираются... Одну минуточку.

Въ девять часовъ вечера Андромахскій и Ляписовъ пріѣхали къ Пылинкинымъ.

M-me Пылинкина увидѣла ихъ еще въ дверяхъ и съ радостнымъ изумленіемъ воскликнула:

— Боже ты мой, Павелъ Иванычъ! Андрей Павлычъ! Садитесь. Очень мило съ вашей стороны, что заѣхали. Чашечку чаю?

— Благодарю васъ!—ласково наклонилъ голову Андромахскій.—Не откажусь.

— А мы съ мужемъ думали, что встрѣтимъ васъ вчера...

— Гдѣ?—спросилъ Андромахскій.

— Какже! Въ Соляномъ Городкѣ. Грудастовъ читалъ о Пшебышевскомъ.

На лицѣ Андромахскаго изобразилось неподдѣльное отчаяніе.

— Такъ это было вчера?! Экая жалость! Я мелькомъ видѣлъ въ газетахъ и, представьте, думалъ, что она будетъ еще не скоро. Я теперь газеты, вообще, мелькомъ просматриваю.

— Въ газетахъ теперь нѣтъ ничего интереснаго, — сказалъ изъ-за угла чей-то голосъ.

— Репрессіи,—вздохнула хозяйка.—Обо всемъ запрещаютъ писать. Чашечку чаю!

— Не откажусь,—поклонился Ляписовъ.

— Мы выписали двѣ газеты и жалѣемъ. Можно бы одну выписать.

— Ну, иногда въ газетахъ можно натолкнуться на что-нибудь интересное... Читали на-дняхъ, какъ одна дама гипнотизмомъ выманила у домовладѣльца тридцать тысячъ?

— Хорошенькая?—игриво спросилъ Андромахскій.

Хозяйка кокетливо махнула на него салфеточкой.

— Охъ, эти мужчины! Имъ бы все только—хорошенькая! Ужасно вы испорченный народъ.

— Ну, нѣтъ,—сказалъ Ляписовъ.—Вейнингеръ держится обратнаго мнѣнія... У него ужасное мнѣніе о женщинахъ...

— Есть разныя женщины и разные мужчины, — послышался изъ полутемнаго угла тотъ же голосъ, который говорилъ, что въ газетахъ нѣтъ ничего интереснаго.— Есть хорошія женщины и хорошіе мужчины. И плохіе есть тамъ и тамъ.

— У меня былъ одинъ знакомый,—сказала полная дама.—Онъ былъ кассиромъ. Служилъ себѣ, служилъ и— представьте—ничего. А потомъ познакомился съ какой-то кокоткой, растратилъ казенныя деньги и бѣжалъ въ Англію. Вотъ вамъ и мужчины ваши!

— А я противъ женскаго равноправія!—сказалъ господинъ съ густыми бровями.—Что это такое? Женщина должна быть матерью! Ея сфера—кухня!

— Извините-съ!—возразила хозяйка.—Женщина такой же человѣкъ, какъ и мужчина! А ей ничего не позволяютъ дѣлать!

— Какъ не позволяютъ? Все позволяютъ! Вотъ одна на-дняхъ въ театрѣ танцовала съ голыми ногами. Очень было мило. Сфера женщины—все изящное, женственное.

— А, по моему, она вовсе не изящна. Что это такое—ноги толстыя, и сама скачетъ, какъ козелъ!

— А мнѣ нравится!—сказалъ маленькій лысый человѣкъ.—Это танцы будущаго, и они открываютъ новую эру въ искусствѣ.

— Чашечку чаю! — предложила хозяйка Андромахскому.—Можетъ быть, желаете рюмочку коньяку туда?

— Мерси. Я, вообще, не пью. Спиртные напитки вредны.

Голосъ изъ угла сказалъ:

— Если спиртные напитки употреблять въ большомъ количествѣ, то они, конечно, вредны. А если иногда выпить рюмочку—это не можетъ быть вреднымъ.

— Ничѣмъ не надо злоупотреблять,—сказала толстая дама.

— Безусловно. Все должно быть въ мѣру,—увѣренно отвѣтилъ Ляписовъ.

Андромахскій всталъ, вздохнулъ и сказалъ извиняющимся тономъ:

— Однако, я долженъ спѣшить. Позвольте, Марья Игнатьевна, откланяться.

На лицѣ хозяйки выразился ужасъ.

— Уже?!! Посидѣли бы еще...

— Право, не могу.

— Ну, одну минутку!

— Съ наслажденіемъ бы, но...

— Какой вы, право, нехорошій... До свиданья. Не забывайте! Очень будемъ рады съ мужемъ видѣть васъ.

Ласковая, немного извиняющаяся улыбка бродила на лицѣ Андромахскаго до тѣхъ поръ, пока онъ не вышелъ въ переднюю. Когда нога его перешагнула порогъ—лицо приняло выраженіе холодной злости, скуки и бѣшенства.

Онъ одѣлся и вышелъ.

———

Захлопнувъ за собой дверь, Андромахскій остановился на полутемной площадкѣ лѣстницы и прислушался. До него явственно донеслись голоса: его пріятеля Ляписова, толстой дамы и m-me Пылинкиной.

— Что за чортъ?

Онъ оглядѣлся. Надъ его головой тускло свѣтило узенькое верхнее окно, выходившее, очевидно, изъ Пылинкинской гостиной. Слышно было всякое слово—такъ отчетливо, что Андромахскій, уловивъ свою фамилію, прислонился къ periламъ и застылъ...

— Куда это онъ такъ вскочилъ?—спросилъ голосъ толстой дамы.

— Къ женѣ,—отвѣчалъ голосъ Ляписова.

M-me Пылинкина засмѣялась.

— Къ женѣ! Съ какой стороны?!

— Что вы! — удивилась толстая дама. — Развѣ онъ такой?..

— Онъ?! —сказалъ господинъ съ густыми бровями.— Я его считалъ бы добродѣтельнѣйшимъ человѣкомъ, если

бы онъ измѣнялъ только женѣ съ любовницей. Но онъ измѣняетъ любовницѣ съ горничной, горничной—съ бѣлошвейкой, шьющей у жены, и такъ далѣе. Развѣ вы не знаете?

— Въ его защиту я долженъ сказать, что у него есть одна неизмѣнная привязанность,—сказалъ лысый старичокъ.

— Къ кому?

— Не къ кому, а къ чему... Къ пиву! Онъ выпиваетъ въ день около двадцати бутылокъ!

Всѣ разсмѣялись.

— Куда-жъ вы?—послышался голосъ хозяйки.

— Я и такъ уже засидѣлся, — отвѣчалъ голосъ Ляписова.—Нужно спѣшить.

— Посидите еще! Ну, одну минуточку! Недобрый, недобрый! До свиданья. Не забывайте нашего шалаша.

Когда Ляписовъ вышелъ, захлопнувъ дверь, на площадку, онъ увидѣлъ прислонившагося къ periламъ Андромахскаго и еле сдержалъ восклицаніе удивленія.

— Тссс!.. — прошепталъ Андромахскій, указывая на окно.—Слушайте! Это очень любопытно...

— Какой симпатичный этотъ Ляписовъ,—сказала хозяйка.—Не правда ли?

— Очень милый, — отвѣчалъ господинъ съ густыми бровями.—Только видъ у него сегодня былъ очень разстроенный.

— Непріятности!—послышался сочувственный голосъ толстой дамы.

— Семейныя?

— Нѣтъ, по службѣ. Все игра проклятая!

— А что, развѣ?..

— Да, про него стали ходить тревожные слухи. Получаетъ въ мѣсяцъ двѣсти рублей, а проигрываетъ въ клубѣ въ вечеръ по тысячѣ. Вы замѣтили, какъ онъ измѣнился въ лицѣ, когда я ввернула о кассирѣ, растратившемъ деньги и бѣжавшемъ въ Англію.

— Проклятая баба,—прошепталъ изумленный Ляпи-совъ.—Что она такое говоритъ!

— Хорошее оконце!—улыбнулся Андромахскій.

— ...Куда же вы?! Посидѣли бы еще!

— Не могу-съ! Время уже позднее,—послышался голосъ лысаго господина.—А ложусь-то я, знаете, рано.

— Какая жалость, право!

На площадку лѣстницы вышелъ лысый господинъ, закутанный въ шубу, и испуганно отшатнулся при видѣ Ляписова и Андромахскаго.

Андромахскій сдѣлалъ ему знакъ, указалъ на окно и въ двухъ словахъ объяснилъ преимущество занятой ими позиціи.

— Сейчасъ о васъ будетъ. Слушайте!

— Я никогда не встрѣчала у васъ этого господина,—донесся голосъ толстой дамы.—Кто это такой?

— Это удивительная исторія,—отвѣчала хозяйка.—Я удивляюсь, вообще... Представили его мнѣ въ театрѣ, а я и не знаю: кто и что онъ такое. Познакомилъ насъ Дерябинъ. Я говорю Дерябину, между разговоромъ: — Отчего вы не были у насъ въ прошлый четвергъ? А этотъ лысый и говорить мнѣ: А, у васъ четверги? Спасибо, буду. Никто его и не звалъ, я даже и не намекала. Поразительно нѣкоторые люди толстокожи и назойливы! Пришлось съ пріятной улыбкой сказать: пожалуйста! Буду рада.

— Ахъ, ты дрянь этакая,—прошепталъ огорченно лысый старичекъ.—Если бы зналъ—никогда бы къ тебѣ не пришелъ. Вы вѣдь знаете, молодой человѣкъ,—обратился онъ къ Андромахскому,—эта худая выдра въ интимныхъ отношеніяхъ съ тѣмъ самымъ Дерябинымъ, который насъ познакомилъ. Ей Богу! Мнѣ Дерябинъ самъ и признался. Чистая уморушка!

— А вы зачѣмъ соврали тамъ, въ гостиной, что я выпиваю 20 бутылокъ пива въ день,—сурово спросилъ старичка Андромахскій.

— А вы мнѣ очень понравились, молодой человѣкъ, —виновато улыбнулся старичокъ. — Когда зашелъ о васъ разговоръ—я и думаю: дай вверну словечко!

— Пожалуйста, никогда не ввертывайте обо мнѣ словечка. О чѣмъ они тамъ сейчасъ говорятъ?

— Опять обо мнѣ,—сказалъ Ляписовъ.—Толстая дама выражаетъ опасеніе, что я не сегодня-завтра сбѣгу съ казенными деньгами.

— Проклятая лягушка!—проворчалъ Андромахскій. —Если бы вы ее самое знали! Устраиваетъ благотворительные вечера и ворустъ всѣ деньги. Одну дочку свою буквально продала сибирскому золотопромышленнику!

— Ха-ха!—злобно засмѣялся старичекъ.—А вы замѣтили этого кретиновиднаго супруга хозяйки, сидѣвшаго въ углу?..

— Какже!—усмѣхнулся Андромахскій.—Онъ сказалъ рядъ очень цѣнныхъ афоризмовъ: что въ газетахъ нѣтъ ничего интереснаго, что женщины и мужчины бываютъ плохіе и хорошіе, и что если пить напитковъ много, то это скверно, а мало—ничего...

Старичокъ, Ляписовъ и Андромахскій усѣлись для удобства на верхней ступенькѣ площадки, и Андромахскій продолжалъ:

— И онъ такъ глупъ, что не замѣчалъ, какъ старуха Пылинкина подмигивала нѣсколько разъ этому густобровому молодцу. Очевидно, дѣло съ новенькимъ лямидельмезончикомъ на мази!

— Хе-хе!—тихонько засмѣялся Ляписовъ.—А вы знаете, старче, какъ Андромахскій сегодня скаламбурилъ на счетъ этой Мессалины: она не мѣняетъ любовниковъ, какъ перчатки, только потому,—что не мѣняетъ перчатокъ.

Лысый старичокъ усмѣхнулся.

— Замѣтили, чай, у нихъ мышами пахнетъ! Хоть бы людей постыдились...

Когда госпожа Пылинкина, провожая толстую даму, услышала на площадкѣ голоса и выглянула изъ передней,

она съ изумленіемъ увидѣла разсѣвшуюся на ступенькахъ лѣстницы компанію...

— Я увѣренъ, — говорилъ увлеченный разговоромъ Ляписовъ,—что эта дура Пылинчиха не только не читала Ведекинда, но, вѣроятно, путаетъ его съ Редереромъ, который она распиваетъ по отдѣльнымъ кабинетамъ съ любовниками.

— Ну, да!—возражалъ Андромахскій.—Станутъ любовники поить ее Редерером. Бутылка клюквеннаго квасу, бутербродъ съ чайной колбасой — и madame Пылинкина, соблазненная этой царской роскошью—готова на все!..

Госпожа Пылинкина кашлянула, сдѣлала видъ, что вышла только сейчасъ, и съ дѣланнымъ удивленіемъ сказала:

— А, вы, господа, еще здѣсь! Заговорились? Не забудьте же—въ будущій четвергъ!

МОЗАИКА.

— Я несчастный человѣкъ—вотъ что!

— Что за вздоръ?! Никогда я этому не повѣрю.

— Увѣряю тебя.

— Ты можешь увѣрять меня цѣлую недѣлю, и все таки я скажу, что ты городишь самый отчаянный вздоръ. Чего тебѣ не достаетъ? Ты имѣешь ровный, мягкій характеръ, деньги, кучу друзей, и, главное—пользуешься вниманіемъ и успѣхомъ у женщинъ.

Вглядываясь печальными глазами въ неосвѣщенный уголъ комнаты, Кораблевъ тихо сказалъ:

— Я пользуюсь успѣхомъ у женщинъ...

Посмотрѣлъ на меня исподлобья и смущенно сказалъ:

— Знаешь ли ты, что у меня шесть возлюбленныхъ?!

— Ты хочешь сказать—было шесть возлюбленныхъ? Въ разное время? Я, признаться, думалъ что больше.

— Нѣтъ, не въ разное время,—вскричалъ съ неожиданнымъ одушевленіемъ въ голосѣ Кораблевъ, — не въ разное время!! Онѣ сейчасъ у меня есть! Всѣ!

Я въ изумленіи всплеснулъ руками.

— Кораблевъ! Зачѣмъ же тебѣ столько?

Онъ опустилъ голову.

— Оказывается—меньше никакъ нельзя. Да... Ахъ, если бы ты зналъ, что это за безпокойная, хлопотливая штука... Нужно держать въ памяти цѣлый рядъ фактовъ, уйму именъ, запоминать всякіе пустяки, случайно оброненныя слова, изворачиваться и каждый день, съ самаго

утра, лежа въ постели, придумывать цѣлый возъ тонкой, хитроумной лжи на текущій день.

— Кораблевъ! Для чего же... шесть?

Онъ положилъ руку на грудь.

— Долженъ тебѣ сказать, что я вовсе не испорченный человѣкъ. Если бы я нашелъ женщину по своему вкусу, которая наполнила бы все мое сердце,—я женился бы завтра. Но со мной происходитъ странная вещь: свой идеалъ женщины я нашелъ не въ одномъ человѣкѣ, а въ шести. Это знаешь, вродѣ мозаики.

— Мо-за-ики?

— Ну, да, знаешь такое—изъ разноцвѣтныхъ кусочковъ складывается. А потомъ картина выходитъ. Мнѣ принадлежитъ прекрасная идеальная женщина, но куски ея разбросаны въ шести персонахъ...

— Какъ же это вышло?—въ ужасѣ спросилъ я.

— Да такъ. Я, видишь ли, не изъ того сорта людей, которые, встрѣтившись съ женщиной, влюбляются въ нее, не обращая вниманія на многое отрицательное, что есть въ ней. Я не согласенъ съ тѣмъ, что любовь слѣпа. Я зналъ такихъ простяковъ, которые до безумія влюблялись въ женщинъ за ихъ прекрасные глаза и серебристый голосокъ, не обращая вниманія на слишкомъ низкую талію или большія красныя руки. Я въ такихъ случаяхъ поступаю не такъ. Я влюбляюсь въ красивые глаза и великолѣпный голосъ, но такъ какъ женщина безъ таліи и рукъ существовать не можетъ—отправляюсь на поиски всего этого. Нахожу вторую женщину—стройную, какъ Венера, съ обворожительными ручками. Но у нея сантиментальный, плаксивый характеръ. Это, можетъ быть, хорошо, но очень и очень изрѣдка... Что изъ этого слѣдуетъ? Что я долженъ отыскать женщину съ искрометнымъ прекраснымъ характеромъ и широкимъ душевнымъ размахомъ! Иду, ищу... Такъ ихъ и набралось шестеро!

Я серьезно взглянулъ на него.

— Да это, дѣйствительно, похоже на мозаику.

— Не правда ли? Форменная. У меня, такимъ образомъ,

составилась лучшая, можетъ быть, женщина въ мірѣ, но если-бы ты зналъ—какъ это тяжело! Какъ это дорого мнѣ обходится!...

Со стономъ онъ схватилъ себя руками за волосы и закачалъ головой направо и налѣво.

— Все время я долженъ висѣть на волоскѣ. У меня плохая память, я очень разсѣянный, а у меня въ головѣ долженъ находиться цѣлый арсеналъ такихъ вещей, которыя, если тебѣ разсказать, привели бы тебя въ изумленіе. Кое что я, правда, записываю, но это помогаетъ лишь отчасти...

— Какъ записываешь?

— Въ записной книжкѣ. Хочешь? У меня сейчасъ минута откровенности, и я безъ утайки тебѣ все разсказываю. Поэтому, могу показать и свою книжку. Только ты не смѣйся надо мной.

Я пожалъ ему руку.

— Не буду смѣяться. Это слишкомъ серьезно.... Какія ужъ тутъ шутки!

— Спасибо. Вотъ видишь—скелетъ всего дѣла у меня отмѣченъ довольно подробно. Смотри: «Елена Николаевна. Ровный, добрый характеръ, чудесные зубы, стройная. Поетъ. Играетъ на фортепіано».

Онъ почесалъ угломъ книжки лобъ.

— Я, видишь ли, люблю очень музыку. Потомъ, когда она смѣется—я получаю истинное наслажденіе; очень люблю ее! Здѣсь есть подробности: «Любитъ, чтобы называли ее Лялей. Любитъ желтыя розы. Во мнѣ ей нравится веселье и юморъ. Люб. шампаск. Аи. Набожн. Остерег. своб. разсужд. о религ. вопр. Остерег. спрашив. о подругѣ Китти. Подозрѣв., что подруга Китти неравнодушн. ко мнѣ»... Теперь дальше: «Китти... Сорванецъ, способный на всякую шалость. Ростъ маленькій. Не люб., когда ее цѣлуютъ въ ухо. Кричитъ. Остерег. цѣлов. при постороннн. Изъ цвѣтовъ люб. гіацинты. Шамп. только рейнское. Гибкая, какъ лоза, чудесно танц. матчишъ. Люб. засахар. каштаны и ненавид. музыку. Остерег. музыки и упоминанія объ Еленѣ Ник. Подозрѣв.»

Кораблевъ поднялъ отъ книжки измученное, страдальческое лицо.

— И такъ далѣе. Понимаешь-ли — я очень хитеръ, увертливъ, но иногда бываютъ моменты, когда я чувствую себя летящимъ въ пропасть... Частенько случалось, что я Китти называлъ «дорогой единственной своей Настей», а Надежду Павловну просилъ, чтобы славная Маруся не забывала своего вѣрнаго возлюбленнаго. Въ тѣхъ слезахъ, которыя исторгались послѣ подобныхъ случаевъ, можно было бы съ пользой выкупаться.

Однажды Лялю я назвалъ Соней и избѣжалъ скандала только тѣмъ, что указалъ на это слово, какъ на производное отъ слова «спать». И, хотя она ни капельки не была сонная, но я побѣдилъ ее своей правдивостью. Потомъ уже я рѣшилъ всѣхъ поголовно называть дусями, безъ имени, благо, что около того времени пришлось мнѣ встрѣтиться съ дѣвицей, по имени Дуся (прекрасные волосы и крошечныя ножки. Люб. театръ. Автомоб. ненавидитъ. Остерег. автомоб. и упомин. о Настѣ. Подозрѣв.).

Я помолчалъ.

— А онѣ... тебѣ вѣрны?

— Конечно. Такъ же, какъ я имъ. И каждую изъ нихъ я люблю по своему за то, что есть у нея хорошаго. Но шестеро — это тяжело до обморока. Это напоминаетъ мнѣ человѣка, который когда собирается обѣдать, то супъ у него находится на одной улицѣ, хлѣбъ на другой, а за солью ему приходится бѣгать на дальній конецъ города, возвращаясь опять за жаркимъ и дессертомъ въ разныя стороны. Такому человѣку, такъ же, какъ и мнѣ, приходилось бы день-деньской носиться, какъ угорѣлому, по всему городу, всюду опаздывать, слышать упреки и насмѣшки прохожихъ... И во имя чего?!.

Я былъ подавленъ его разсказомъ. Помолчавъ, всталъ и сказалъ:

— Ну, мнѣ пора. Ты остаешься здѣсь, у себя?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Кораблевъ, безнадежно смотря на часы.—Сегодня мнѣ въ половинѣ седьмого нужно провести

вечеръ по обѣщанію у Елены Николаевны, а въ семь — у Насти, которая живетъ на другомъ концѣ города.

— Какъ-же ты устроишься?

— Я придумалъ сегодня утромъ. Заѣду на минутку къ Еленѣ Николаевнѣ и осыплю ее градомъ упрековъ за то, что на прошлой недѣлѣ знакомые видѣли ее въ театрѣ съ какимъ-то блондиномъ. Такъ какъ это сплошная выдумка, то она отвѣтитъ мнѣ въ рѣзкомъ, возмущенномъ тонѣ,—я обижусь, хлопну дверью и уйду. Поѣду къ Настѣ.

Бесѣдуя со мной такимъ образомъ, Кораблевъ взялъ палку, надѣлъ шляпу и остановился, задумчивый, что-то соображающій.

— Что съ тобой?

Молча снялъ онъ съ пальца кольцо съ рубиномъ, спряталъ его въ карманъ, вынулъ часы, перевелъ стрѣлки и, затѣмъ, сталъ возиться около письменнаго стола.

— Что ты дѣлаешь?

— Видишь, тутъ у меня стоитъ фотографическая карточка Насти, подаренная мнѣ съ обязательствомъ всегда держать ее на столѣ. Такъ какъ Настя сегодня ждетъ меня у себя, и ко мнѣ, слѣдовательно, никоимъ образомъ не заѣдетъ, то я безъ всякаго риска могу спрятать портретъ въ столъ. Ты спросишь — почему я это дѣлаю? Да потому, что ко мнѣ можетъ забѣжать маленькій сорванецъ Китти и, не заставъ меня, захочетъ написать два-три слова о своемъ огорченіи. Хорошо ли будетъ, если я оставлю на столѣ портретъ соперницы? Лучше же я поставлю на это время карточку Китти.

— А если заѣдетъ не Китти, а Маруся... И вдругъ она увидитъ на столѣ Киттинъ портретъ?

Кораблевъ потеръ голову.

— Я уже думалъ объ этомъ... Маруся ее въ лицо не знаетъ, и я скажу, что это портретъ моей замужней сестры.

— А зачѣмъ ты кольцо снялъ съ пальца?

— Это подарокъ Насти. Елена Николаевна однажды приревновала меня къ этому кольцу и взяла слово, чтобы я его не носилъ. Я, конечно, обѣщалъ. И теперь передъ

Еленой Николаевной я его снимаю, а когда предстоитъ встрѣча съ Настей—надѣваю. Помимо этого мнѣ приходится регулировать запахи своихъ духовъ, цвѣтъ галстуковъ, переводить стрѣлки часовъ, подкупать швейцаровъ, извозчиковъ и держать въ памяти не только всѣ сказанныя слова, но и то — кому они сказаны и по какому поводу.

— Несчастный ты человѣкъ,—участливо прошепталъ я.

— Я же тебѣ и говорилъ! Конечно, несчастный.

II.

Разставшись на улицѣ съ Кораблевымъ, я потерялъ его изъ виду на цѣлый мѣсяцъ. Дважды за это время мною получаемы были отъ него странныя телеграммы:

— «2 и 3 числа настоящаго мѣсяца мы ѣздили съ тобой въ Финляндію. Смотри, не ошибись. При встрѣчѣ съ Еленой, сообщи ей это».

И:

— «Кольцо съ рубиномъ у тебя. Ты отдалъ его ювелиру, чтобы изготовить такое-же. Напиши объ этомъ Настѣ. Остерег. Елены».

Очевидно, мой другъ непрерывно кипѣлъ въ томъ страшномъ котлѣ, который былъ имъ сотворенъ въ угоду своему идеалу женщины; очевидно, все это время онъ, какъ угорѣлый, носился по городу, подкупалъ швейцаровъ. жонглировалъ кольцами, портретами, и велъ ту странную, нелѣпую бухгалтерію, которая его только и спасала отъ крушенія всего предпріятія.

Встрѣтившись однажды съ Настей, я вскользь упомянулъ, что взялъ на время у Кораблева прекрасное кольцо, которое теперь у ювелира — для изготовленія такого же другого.

Настя расцвѣла.

— Правда? Такъ это вѣрно? Бѣдняжка онъ... Напрасно я такъ его терзала. Кстати, вы знаете—его нѣтъ въ городѣ! Онъ на двѣ недѣли уѣхалъ къ роднымъ въ Москву.

Я этого не зналъ, да и, вообще, былъ увѣренъ, что это одинъ изъ сложныхъ бухгалтерскихъ пріемовъ Кораблева; но все-таки тутъ же счелъ долгомъ поспѣшно воскликнуть:

— Какже, какже! Я увѣренъ, что онъ въ Москвѣ.

Скоро я, однако, узналъ, что Кораблевъ, дѣйствительно, былъ въ Москвѣ и что съ нимъ тамъ случилось страшное несчастье.

Узналъ я объ этомъ, по возвращеніи Кораблева, — отъ него самого.

III.

. . . .

— Какъ же это случилось?

— Богъ его знаетъ! Ума не приложу. Очевидно, вмѣсто бумажника, жулики вытащили. Я дѣлалъ публикаціи, обѣщалъ большія деньги — все тщетно! Погибъ я теперь окончательно.

— А по памяти возстановить не можешь?

— Да... попробуй-ка! Вѣдь тамъ было, въ этой книжкѣ, все до мельчайшихъ деталей—цѣлая литература! Да еще за двѣ недѣли отсутствія я все забылъ, все перепуталось въ головѣ, и я не знаю—нужно ли мнѣ сейчасъ поднести Марусѣ букетъ желтыхъ розъ или она ихъ терпѣть не можетъ? И кому я обѣщалъ привезти изъ Москвы духи «Лотосъ» —Настѣ или Еленѣ? Кому-то изъ нихъ я обѣщалъ духи, а кому-то полдюжины перчатокъ номеръ шесть съ четвертью... А можетъ—пять три четверти? Кому? Кто швырнетъ мнѣ въ физіономію духи? И кто—перчатки? Кто подарилъ мнѣ галстухъ съ обязательствомъ надѣвать его при свиданіяхъ? Соня? Или Соня, именно, и требовала, чтобы я не надѣвалъ никогда этой темнозеленой дряни, подаренной—«я знаю кѣмъ!» Кто изъ нихъ не бывалъ у меня на квартирѣ никогда? И кто бывалъ! И чьи фотографіи я долженъ прятать? И когда?

Онъ сидѣлъ съ непередаваемымъ отчаяніемъ во взорѣ. Сердце мое сжалось.

— Бѣдняга ты!—сочувственно прошепталъ я—Дай-ка, можетъ быть, я кое-что вспомню... Кольцо подарено Настей. Значитъ, «остерег. Елены»... Затѣмъ, карточки... Если приходитъ Китти, то Марусю можно прятать, такъ какъ она ее знаетъ, Настю — не прятать? Или, нѣтъ — Настю прятать? Кто изъ нихъ сходилъ за твою сестру? Кто изъ нихъ кого знаетъ?

— Не з-наю!—простоналъ онъ, сжимая виски.—Ничего не помню! Э, чертъ! Будь что будетъ.

Онъ вскочилъ и схватился за шляпу.

— Ѣду къ ней!

— Сними кольцо,—посовѣтовалъ я.

— Не стоитъ. Маруся къ кольцу равнодушна.

— Тогда надѣнь темнозеленый галстухъ.

— Если-бы я зналъ! Если бы знать—кто его подарилъ и кто его ненавидитъ... Э, все равно!.. Прощай, другъ.

IV.

Всю ночь я безпокоился, боясь за моего несчастнаго друга. На другой день утромъ я былъ у него. Желтый, измученный, сидѣлъ онъ у стола и писалъ какое-то письмо.

— Ну? Что, какъ дѣла?

Онъ устало помоталъ въ воздухѣ рукой.

— Все кончено. Все погибло. Я опять почти одинокъ!..

— Что же случилось?..

— Дрянь случилась, безсмыслица. Я хотѣлъ дѣйствовать на-авось... Захватилъ перчатки и поѣхалъ къ Сонѣ. «Вотъ, дорогая моя Ляля,—сказалъ я ласково,—то, что ты хотѣла имѣть! Кстати, я взялъ билеты въ оперу. Мы пойдемъ, хочешь? Я знаю, это доставитъ тебѣ удовольствіе»... Она взяла коробку, бросила ее въ уголъ и, упавши ничкомъ на диванъ, зарыдала. «Поѣзжайте,—сказала она, — къ вашей Лялѣ и отдайте ей эту дрянь. Кстати, съ ней же можете прослушать ту отвратительную оперную какофонію, которую я такъ ненавижу.» «Маруся,—сказалъ я,— это недоразумѣніе!»... «Конечно»,—закричала она,—недоразумѣніе! Конечно недоразумѣніе, потому что я съ дѣт-

ства—не Маруся, а Соня! Уходите отсюда»! Отъ нея я поѣхалъ къ Еленѣ Николаевнѣ... Забылъ снять кольцо, которое обѣщалъ ей уничтожить, привезъ засахаренные каштаны, отъ которыхъ ее тошнитъ и которые, по ея словамъ, такъ любитъ ея подруга Китти... Спросилъ у нея: «почему у моей Китти такіе печальные глазки?»... лепеталъ, растерявшись, что то о томъ, что Китти—это производное отъ слова «спать» и, изгнанный, помчался къ Китти спасать обломки своего благополучія. У Китти были гости... Я отвелъ ее за портьеру и, по своему обыкновенію, поцѣловалъ въ ухо, отчего произошелъ крикъ, шумъ и тяжелый скандалъ. Только послѣ я вспомнилъ, что для нея это хуже остраго ножа... Ухо-то. Ежели его поцѣловать...

— А остальныя?—тихо спросилъ я.

— Остались двое: Маруся и Дуся. Но это — ничто. Или почти ничто. Я понимаю, что можно быть счастливымъ съ ц ѣ л о й г а р м о н и ч н о й женщиной, но если эту женщину разрѣзаютъ на куски, даютъ тебѣ только ноги, волосы, пару голосовыхъ связокъ и красивыя уши — будешь ли ты любить эти разрозненные мертвые куски?... Гдѣ же женщина? Гдѣ гармонія?

— Какъ такъ?—вскричалъ я.

— Да такъ... Изъ моего идеала остались теперь двѣ крохотныхъ ножки, волосы (Дуся) да хорошій голосъ съ парой прекрасныхъ, сводившихъ меня съ ума ушей (Маруся). Вотъ и все.

— Что жъ ты теперь думаешь дѣлать?

— Что?

Въ глазахъ его засвѣтился огонекъ надежды.

— Что? Скажи, милый, съ кѣмъ ты былъ позавчера въ театрѣ?? Такая высокая, съ чудесными глазами и прекрасной, гибкой фигурой.

Я призадумался.

— Кто?.. Ахъ, да! Это я былъ со своей кузиной. Жена инспектора страхового общества.

— Милый! Познакомь!

РУБАНОВИЧИ.

Есть цѣлый классъ людей, съ которыми мы часто встрѣчаемся, вступаемъ въ дѣловыя сношенія, ведемъ длинные, горячіе разговоры и которыхъ мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, совершенно не знаемъ.

Ихъ души, логика, вкусы и стремленія совершенно чужды намъ, а ихъ профессіональныя привычки, дѣйствія, своею загадочностью и неясностью, только раздражаютъ насъ.

Это—портные.

— Я хочу заказать себѣ пиджачный костюмъ, - говорю я, обращаясь къ одному изъ нихъ, въ то время какъ онъ, скрививъ на бокъ голову, внимательно смотритъ на мою грудь, руки и плечи.

У всякаго портного есть болѣзненное, странное и ненужное ему стремленіе—изрѣдка тяжело и неуклюже острить. Сапожники гораздо сосредоточеннѣе и серьезнѣе.

— Вы только *хотите*?—прищуривается портной.— Такъ вы ужъ прямо лучше заказывайте.

— Да, закажи вамъ, — нерѣшительно возражаю я. — Вѣдь вы, небось, сдерете втридорога.

— Я сдеру? Ха-ха! Хорошія шутки, нечего сказать. Ну, хотите—я вамъ дамъ десять рублей, если вы найдете другого портного, который взялъ бы за такой матеріалъ и работу—столько же, сколько я. Хотите?

Онъ прекрасно знаетъ, что я не взвалю себѣ на плечи эту странную операцію. Если бы даже я и нашелъ другого такого портного, то мой портной нашелъ бы массу

поводовъ отвертѣться отъ уплаты десяти рублей. Костюмъ бы онъ призналъ сшитымъ прескверно а матеріалъ — дешевымъ гнильемъ.

— Хотите? Покажите мнѣ такого другого портного, —презрительно говоритъ онъ.—И я плачу вамъ кровныхъ пятнадцать рублей.

— Нѣтъ, не надо. Но только я знаю, что переплаћу вамъ.

— Вы? Переплатите? Ну, хотите, я даю сто рублей, если вы переплатите?!

Сто рублей я у него не возьму. Я прекрасно знаю, что онъ сдеретъ съ меня больше, чѣмъ нужно, и онъ это прекрасно знаетъ. Мы молчаливо считаемъ этотъ вопросъ рѣшеннымъ въ положительномъ для него смыслѣ и переходимъ къ дальнѣйшему.

— Сколько же вы возьмете?

— Сію минуту... Это мы до копѣйки высчитаемъ.

Онъ беретъ бумажку и пишетъ на ней рядъ какихъ-то цифръ. Значеніе ихъ ни я, ни онъ не понимаемъ. Но цифры имѣютъ гипнотизирующее значеніе своей абсолютной честностью и безотносительностью. На бумажкѣ стоитъ два косыхъ 4, одно пошатнувшееся 7, три длинныхъ худошавыхъ единицы и одно громадное 3, похожее на змѣиную конвульсію. Впрочемъ, послѣ нѣкотораго колебанія портной передѣлываеть его въ 8 и ставитъ сбоку двѣ пятерки.

Губами онъ лѣниво бормочетъ:

— Семнадцать, да двѣ—двадцать четыре, да сорокъ пять—итого четырнадцать, отсюда вычитываемъ шесть, да семь—множимое получается 62.

Онъ поднимаетъ отъ бумажки голову и увѣренно говоритъ:

— 71 рубль. Ну, рубль я, какъ на первый разъ, то отбрасываю. Пойдите-ка поищите подобный костюмчикъ. Я вамъ сорокъ рублей положу на это мѣсто.

— Семьдесятъ рублей?! Что вы, голубчикъ!.. Да вотъ

этотъ костюмъ, который на мнѣ, — тридцать два рубля стоилъ!

Костюмъ мой, конечно, стоилъ шестьдесятъ. Но мы оба забываемъ всякую мѣру и перестаемъ церемониться съ цифрами.

Портной беретъ меня за плечи, подводитъ къ свѣту и, оглядывая, качаетъ головой:

— Тридцать два? А я думалъ—восемнадцать. За такой костюмъ — тридцать два рубля?... Вотъ видите — гдѣ не нужно, гдѣ васъ обманываютъ—вы переплачиваете, а когда вамъ думаютъ, что вы не будете торговаться, вы...

Онъ неожиданно схватываетъ меня за бортъ пиджака и, съ бѣшенной силой, дергаетъ къ себѣ.

— Это работа?! Вы видите, она трещитъ, какъ тряпка... А фасонъ? Неужели, вамъ было не стыдно носить такую работу? Вы посмотрите, какъ оно на васъ сидитъ?!

Онъ хватаетъ меня за бока, дергаетъ вверхъ брюки, опускаетъ сзади воротникъ, оттопыриваетъ внизу жилетку такъ, что она торчитъ уродливымъ горбомъ, и загибаетъ внутрь отвороты пиджака.

— Хорошенькій фасончикъ, — критически говоритъ онъ, отходя вдаль и любуясь, со скривленной на бокъ головой,—очень хорошенькій... Какъ корова на сѣдлѣ. И съ васъ не смѣялись?

Раньше, конечно, мой костюмъ не вызывалъ ни въ комъ веселаго настроенія. Но умѣлыя руки моего собесѣдника придали ему такой видъ, который, въ лучшемъ случаѣ, испугалъ бы окружающихъ.

Я съ трудомъ привожу одежду въ порядокъ, а портной цѣпляется за рукава и торжествующе кричитъ:

— Это стоитъ тридцать два рубля? Это же бумага! Неужели, вы не видите? Скверный лодзинскій товаръ!

Я вспоминаю, что предыдущій портной, который также обрушился на мой предыдущій костюмъ,—упрекалъ отсутствующаго предшественника, что онъ подсунулъ мнѣ лодзинскій товаръ. Я возражалъ, что матерія продана мнѣ, какъ англійская, а онъ не вѣрилъ и кричалъ: «развѣ этотъ

жуликъ дастъ вамъ англійскій товаръ? У меня вы получите англійскій!»

*

Я до сихъ поръ не знаю—что такое «англійскій товаръ». Каждый предыдущій портной облекалъ меня въ него, и каждый послѣдующій безжалостно разбивалъ мои иллюзіи.

Теперешній портной, съ которымъ я веду разговоръ, тоже побожился, что я хожу, одѣтый въ «чистѣйшую лодзинскую бумагу» и, чтобы облегчить мое положеніе, принесъ торжественную клятву употребить въ дѣло все самое англійское...

— Ладно,—соглашаюсь я.—Снимайте мѣрку. Только брюки сшейте такъ-же, какъ эти. Я люблю такой фасонъ.

— Эти брюки съ фасономъ? Дай Богъ вашему прежнему портному, чтобы онъ на томъ свѣтѣ ходилъ въ брюкахъ съ такимъ фасономъ! Онѣ вѣдь такія же короткія какъ зимній день въ Санктъ-Петербургѣ...

— Потому, что вы ихъ слишкомъ давеча подтянули... Вотъ онѣ такъ должны быть!

— Такъ? Ну—поздравляю васъ... Онѣ такія же длинныя, какъ рука нашего околодочнаго... Съ такимъ фасономъ можно каждую минуту запутаться и разбить, извините, носъ.

Мнѣ приходилось часто слышать, какъ актеры отзываются объ игрѣ своего коллеги; приходилось узнавать мнѣніе одного беллетриста о другомъ; но никогда въ этихъ случаяхъ я не замѣчалъ столько сконцентрированной ненависти и презрѣнія, какъ въ отзывахъ портныхъ другъ о другѣ.

Въ этомъ съ ними могутъ состязаться только легковые извозчики, для которыхъ каждый другой извозчикъ —личный врагъ, и въ отношеніи къ нему позволительны всѣ средства: хлестнуть по спинѣ кнутомъ, стать со своей пролеткой поперекъ дороги или, при невозможности сдѣлать все это—просто крѣпко и ядовито выругаться...

*

Я не знаю, много ли у портного радостей, которыя скрашивали бы его монотонную жизнь?.. Можетъ быть, у него нѣтъ совсѣмъ радостей, кромѣ одной, которой онъ предается съ дикимъ иступленіемъ, нѣмецкимъ постоянствомъ и ослинымъ упорствомъ.

Эта единственная, непонятная обыкновенному человѣку и заказчику, портняжская радость и удовольствіе—не сдать въ срокъ работу.

Можно принимать всѣ мѣры, пускать въ ходъ угрозы, брать съ него клятвы—это все излишне: ни одинъ человѣкъ не получалъ въ срокъ заказанное платье.

Давая клятву, всякій портной про себя думаетъ:

— Э, нѣтъ, братъ!.. Жизнь слишкомъ скучна и не цвѣтиста, чтобы я ради твоихъ прекрасныхъ глазъ пожертвовалъ лучшимъ наслажденіемъ, которое дала намъ человѣческая культура: не принести работы въ обѣщанный срокъ....

Я пробовалъ пускаться на хитрость: когда мнѣ нужно было получить платье десятаго декабря, я назначалъ пятое, увѣривъ портного, что шестого утромъ уѣзжаю въ Америку, и каждый часъ промедленія принесетъ мнѣ неисчислимые убытки.

Но портной какимъ-то образомъ разгадывалъ мою тактику, догадывался о десятомъ числѣ и приносилъ заказъ двѣнадцатаго...

Онъ объяснялъ, что у него заболѣлъ мастеръ, что самому ему пришлось выѣхать на два дня въ другой городъ, и что онъ долго возился съ маленькимъ сыномъ, который обварилъ руку... А въ глазахъ его читалось: «никуда я не уѣзжалъ и сынъ здоровъ, какъ тыква... Но почему мнѣ не доставить себѣ маленькаго невиннаго удовольствія?...»

*

Тотъ портной, о которомъ я говорилъ сначала, принесъ работу, просрочивъ только шесть дней. Когда я одѣлся въ новое платье, то сразу увидѣлъ, что воротникъ поставленъ неимовѣрно низко, что изъ-подъ него видна запонка на затылкѣ, что жилетъ, собираясь въ десятки складокъ,

лѣзетъ тихо и настойчиво вверхъ къ подбородку, а брюки такъ коротки, что весь міръ сразу узнаетъ цвѣтъ моихъ чулокъ...

Но портной восторженно хлопалъ руками, смотрѣлъ въ кулакъ и, подмигивая мнѣ, смѣялся счастливымъ смѣхомъ:

— Ага! Это вамъ не Рубановичъ...

— Чортъ знаетъ что,—морщился я.—Брюки коротки, жилетъ лѣзетъ вверхъ и воротникъ сползаетъ на самыя лопатки...

— Гдѣ?—изумился портной.—Вы посмотрите!

Одной рукой онъ поднималъ кверху воротникъ, другой оттягивалъ жилетъ, и въ это же время наклонялъ меня такъ, что края брюкъ спускались сантиметра на два ниже.

— Видите? Прекрасно!

— Можетъ быть,—угрюмо возразилъ я,—пока вы держите. Можетъ быть, если вы не разставаясь со мной все время пока я ношу это платье, будете бѣгать сзади, подтягивать кверху воротникъ, книзу жилетъ, при условіи, что я скорчусь подъ прямымъ угломъ—можетъ быть, тогда эти недостатки и не будутъ замѣтны! Но что же станется съ вашимъ семействомъ и заказчиками, если мы годъ или два будемъ, какъ два каторжника, скованы одной цѣпью —отвратительно сшитымъ вами платьемъ?..

Есть случаи, когда портные не понимаютъ юмора.

Онъ пожалъ плечами, взялъ семьдесять рублей и ушелъ.

Слѣдующій портной оцѣнилъ этотъ костюмъ въ двѣнадцать рублей, заявивъ, что если бы сказать, что онъ сдѣланъ изъ лодзинскаго матеріала, то это было бы комплиментомъ (онъ сдѣланъ изъ бѣлостокской бумаги), и что не нужно имѣть никакого стыда, чтобы носить на на себѣ костюмъ, сидящій, какъ лошадь на сѣдлѣ коровы...

ЧЕТВЕРО.

I.

Въ купе второго класса курьерскаго поѣзда ѣхало трое: чиновникъ казенной палаты Четверoруковъ, его молодая жена — Симочка и представитель фирмы Эвансъ и Крумбель—Василій Абрамовичъ Сандомірскій...

А на одной изъ остановокъ къ нимъ въ купе подсѣлъ незнакомецъ въ косматомъ пальто и дорожной шапочкѣ. Онъ внимательно оглядѣлъ супруговъ Четвероруковыхъ, представителя фирмы Эвансъ и Крумбель и, вынувъ газету, погрузился въ чтеніе.

Особенная—дорожная—скука повисла надъ всѣми... Четвероруковъ вертѣлъ въ рукахъ портсигаръ, Симочка постукивала каблучками и переводила разсѣянный взглядъ съ незначительной физіономіи Сандомірскаго на подсѣвшаго къ нимъ незнакомца, а Сандомірскій въ десятый разъ перелистывалъ скверный юмористическій журналъ въ которомъ онъ прочелъ все, вплоть до фамиліи типографщика и пріема подписки.

— Намъ еще ѣхать пять часовъ, — сказала Симочка, сладко зѣвая.—Пять часовъ отчаянной скуки!

— Ѣзда на желѣзныхъ дорогахъ однообразна, чѣмъ и утомляетъ пассажировъ,—наставительно отвѣчалъ мужъ.

А Сандомірскій сказалъ:

— И желѣзныя дороги невыносимо дорого стоятъ Вы подумайте: какой-нибудь билетъ — стоитъ двѣнадцать рублей.

И, пересмотрѣвъ еще разъ свой юмористическій журналъ, добавилъ:

— Уже я не говорю о плацкартѣ!

— Главное, что скучно!—стукнула ботинкомъ Симочка

Сидѣвшій у дверей незнакомецъ сложилъ газету, обвелъ снова всю компанію страннымъ взглядомъ и засмѣялся.

И смѣхъ его былъ странный, клокочущій, придушенный и послѣдующія слова его несказанно всѣхъ удивили.

— Вамъ скучно? Я знаю, отчего происходитъ скука... Оттого, что всѣ вы — не тѣ, которыми притворяетесь, а это ужасно скучно.

— То-есть, какъ мы не тѣ?—обиженно возразилъ Сандомірскій. — Мы вовсе — тѣ. Я, какъ человѣкъ интеллигентный...

Незнакомецъ улыбнулся и сказалъ:

— Мы всѣ не тѣ, которыми притворяемся. Вотъ вы —кто вы такой?

— Я?—поднялъ брови Сандомірскій. —Я представитель фирмы Эвансъ и Крумбель, сукна, трико и бумазея.

— Ах-ха-ха-ха! — закатился смѣхомъ незнакомецъ. — Такъ я и зналъ, что вы придумаете самое нелѣпое! Ну, зачѣмъ же вы лжете себѣ и другимъ? Вѣдь вы кардиналъ при папскомъ дворѣ въ Ватиканѣ, и нарочно прячетесь подъ личиной какого-то Крумбеля!

— Ватиканъ?—пролепеталъ испуганный и удивленный Сандомірскій.—Я Ватиканъ?

— Не Ватиканъ, а кардиналъ! Не притворяйтесь дуракомъ. Я знаю, что вы одна изъ умнѣйшихъ и хитрѣйшихъ личностей современности! Я слышалъ кое-что о васъ!

— Извините,—сказалъ Сандомірскій.—Но эти шутки мнѣ не надо!

II.

— Джузеппе! — серьезно проворчалъ незнакомецъ,— кладя обѣ руки на плечи представителя фирмы Эвансъ и Крумбель.—Ты меня не обманешь! Вмѣсто глупыхъ раз-

говоровъ я бы хотѣлъ послушать отъ тебя что-нибудь о Ватиканѣ, о тамошнихъ порядкахъ и о твоихъ успѣхахъ среди набожныхъ знатныхъ итальянокъ...

— Пустите меня,—въ ужасѣ закричалъ Сандомірскій. Что это такое?!

— Тссс!—зашипѣлъ незнакомецъ, закрывая ладонью ротъ коммивояжера.—Не надо кричать. Здѣсь дама.

Онъ сѣлъ на свое мѣсто у дверей, потомъ засунулъ руку въ карманъ и, вынувъ револьверъ, навелъ его на Сандомірскаго.

— Джузеппе! Я человѣкъ предобрый, но если около меня сидитъ притворщикъ, я этого не переношу!

Симочка ахнула и откинулась въ самый уголъ, Четверуковъ поёрзалъ на диванѣ, попытался встать, но рѣшительный жестъ незнакомца пригвоздилъ его къ мѣсту.

— Господа!—сказалъ странный пассажиръ,—я вамъ ничего дурного не дѣлаю. Будьте спокойны. Я только требую отъ этого человѣка, чтобы онъ признался — кто онъ такой?

— Я Сандомірскій!—прошепталъ бѣлыми губами коммивояжеръ.

— Лжешь, Джузеппе! Ты кардиналъ.

Дуло револьвера смотрѣло на Сандомірскаго одинокимъ черным глазомъ.

Четвероруковъ испуганно покосился на незнакомца и шепнулъ Сандомірскому:

— Вы видите, съ кѣмъ вы имѣете дѣло... Скажите ему, что вы кардиналъ. Что вамъ стоитъ?

— Я же не кардиналъ!! — въ отчаяніи прошепталъ Сандомірскій.

— Онъ стѣсняется сказать вамъ, что онъ кардиналъ,— заискивающе обратился къ незнакомому господину Четвероруковъ.—Но, вѣроятно, онъ кардиналъ.

— Не правда ли?!—подхватилъ незнакомецъ.—Вы не находите, что въ его лицѣ есть что-то кардинальное?

— Есть!—съ готовностью отвѣчалъ Четвероруковъ.— Но... стоитъ ли вамъ такъ волноваться изъ-за этого?..

— Пусть онъ скажетъ!—капризно потребовалъ пассажиръ, играя револьверомъ.

— Ну, хорошо!—закричалъ Сандомірскій. — Хорошо! Ну, я кардиналъ.

III.

— Видите! — сдѣлалъ незнакомецъ торжествующій жестъ.—Я вамъ говорилъ... Всѣ люди не тѣ, кѣмъ они кажутся! Благословите меня, ваше преподобіе!

Коммивояжеръ нерѣшительно пожалъ плечами, протянулъ обѣ руки и помахалъ ими надъ головой незнакомца.

Симочка фыркнула.

— Причемъ тутъ смѣхъ?—обидѣлся Сандомірскій.— Позвольте мнѣ, господинъ, на минутку выйти.

— Нѣтъ, я васъ не пущу,—сказалъ пассажиръ.—Я хочу, чтобы вы намъ разсказали о какой-нибудь забавной интрижкѣ съ вашими прихожанками.

— Какія прихожанки? Какая можетъ быть интриж...?!

При взглядѣ на револьверъ, коммивояжеръ понизилъ голосъ и уныло сказалъ:

— Ну, были интрижки,—стоитъ объ этомъ говорить...

— Говорите!!—бѣшено закричалъ незнакомецъ.

— Уберите вашъ пистолетъ—тогда разскажу. Ну, что вамъ разсказывать... Однажды въ меня влюбилась одна итальянская дама...

— Графиня?—спросилъ пассажиръ.

— Ну, графиня. Вася,—говоритъ,—я тебя такъ люблю, что ужасъ. Цѣловались.

— Нѣтъ, вы подробнѣе... Гдѣ вы съ ней встрѣтились и какъ впервые возникло въ васъ это чувство?..

Представитель фирмы Эвансъ и Крумбель наморщилъ лобъ и, взглянувъ съ тоской на Четверорукова, продолжалъ:

— Она была на балу. Такое бѣлое платье съ розами. Насъ познакомилъ посланикъ какой-то. Я говорю: Ой, графиня, какая вы хорошень...!

— Что вы путаете, — сурово перебилъ пассажиръ. Развѣ можно вамъ, духовному лицу, быть на балу?

— Ну, какой это балъ! Маленькая домашняя вечеринка. Она мнѣ говоритъ: «Джузеппе, я несчастна! Я хотѣла бы передъ вами причаститься».

— Исповѣдаться!—поправилъ незнакомецъ.

— Ну, исповѣдаться. Хорошо, говорю я. Пріѣзжайте. А она пріѣхала и говоритъ: «Джузеппе, извините меня, но я васъ люблю».

— Ужасно глупый романъ! — безцеремонно заявилъ незнакомецъ.—Ваши сосѣди выслушали его безъ всякаго интереса. Если у папы всѣ такіе кардиналы, я ему не завидую!

IV.

Онъ благосклонно взглянулъ на Четверорукова и вѣжливо сказалъ:

— Я не понимаю, какъ вы можете оставлять вашу жену скучающей, когда у васъ есть такой прекрасный даръ...

Четверoруковъ поблѣднѣлъ и робко спросилъ:

— Ка...кой ддаръ?

— Господи! Да пѣніе же! Вѣдь вы хитрецъ! Думаете, если около васъ виситъ форменная фуражка, такъ ужъ никто и не догадается, что вы знаменитый баритонъ, пожинавшій такіе лавры въ столицахъ?..

— Вы ошиблись,—насильственно улыбнулся Четверoруковъ. — Я чиновникъ Четверoруковъ, а это моя жена Симочка...

— Кардиналъ! —воскликнулъ незнакомецъ, переведя дуло револьвера на чиновника. — Какъ ты думаешь, кто онъ: чиновникъ или знаменитый баритонъ?

Сандомірскій злорадно взглянулъ на Четверорукова и, пожавъ плечами, сказалъ:

— Навѣрное, баритонъ!

— Видите! Устами кардиналовъ глаголетъ истина. Спойте что-нибудь, маэстро! Я васъ умоляю.

— Я не умѣю!—безпомощно пролепеталъ Четверору-ковъ.—Увѣряю васъ, у меня голосъ противный, скрипучій!

— Ах'хах'ха!—засмѣялся незнакомецъ.—Скромность истиннаго таланта! Прошу васъ—пойте!

— Увѣряю васъ...

— Пойте! Пойте, чортъ возьми!!!

Четвероруковъ конфузливо взглянулъ на нахмуренное лицо жены и, спрятавъ руки въ карманы, робко и фальшиво запѣлъ:

По синимъ волнамъ океана,
Лишь звѣзды блеснутъ въ небесахъ...

Подперевъ голову рукой, незнакомецъ внимательно, съ интересомъ, слушалъ пѣніе. Время-отъ-времени, онъ подщелкивалъ пальцами и подпѣвалъ.

— Хорошо поете! Тысячъ шесть получаете? Навѣрное, больше! Знаете, что тамъ ни говори, а музыка смягчаетъ нравы. Не правда-ли, кардиналъ?

— Еще какъ!—нерѣшительно сказалъ Сандомірскій.

— Вотъ видите, господа! Едва вы перестали притворяться, стали сами собою, какъ настроеніе ваше улучшилось и скуки какъ ни бывало. Вѣдь вы не скучаете?

— Какая тутъ скука!—вздохнулъ представитель фирмы Эвансъ и Крумбель.—Сплошное веселье.

— Я очень радъ. Я замѣчаю, сударыня, что и ваше личико измѣнило свое выраженіе. Самое ужасное въ жизни, господа, это фальшь, притворство. И если смѣло, энергично за это взяться—все фальшивое и притворное разсѣется. Вѣдь вы раньше считали, вѣроятно, этого господина коммивояжеромъ, а вашего мужа чиновникомъ. Считали, можетъ быть, всю жизнь... А я въ два пріема снялъ съ нихъ личину. Одинъ оказался кардиналомъ, другой—баритономъ. Не правда-ли, кардиналъ?

— Вы говорите, какъ какая нибудь книга,—печально сказалъ Сандомірскій.

— И самое ужасное, что ложь во всемъ. Она окружаетъ насъ съ пеленокъ, сопровождаетъ на каждомъ шагу мы ею дышемъ, носимъ ее на своемъ лицѣ, на тѣлѣ. Вотъ,

сударыня, вы одѣты въ свѣтлое платье, корсетъ и ботинки съ высокими каблуками. Я ненавижу все лживое, обманчивое. Сударыня! Осмѣлюсь почтительнѣйше попросить васъ—снимите платье! Оно скрываетъ прекраснѣйшее, что есть въ природѣ—тѣло!

Странный пассажиръ галантно направилъ револьверъ на мужа Симочки и, глядя на нее въ упоръ, мягко продолжалъ:

— Будьте добры раздѣться... Вѣдь вашъ супругъ ничего не будетъ имѣть противъ этого?..

Супругъ Симочки взглянулъ потускнѣвшими тлазами на дуло револьвера и, стуча зубами, отвѣчалъ:

— Я... нич...чего... Я самъ люблю красоту. Немножко раздѣться можно, хе...хе...

Глаза Симочки метали молніи. Она съ отвращеніемъ посмотрѣла на блѣднаго Четверорукова, на притихшаго Сандомірскаго, энергично вскочила и сказала, истерически смѣясь:

— Я тоже люблю красоту и ненавижу трусость. Я для васъ раздѣнусь! Прикажите только вашему кардиналу отвернуться.

— Кардиналъ!—строго сказалъ незнакомецъ.—Вамъ, какъ духовному лицу, нельзя смотрѣть на сцену сценъ. Закройтесь газетой!

— Симочка... — пролепеталъ Четверуковъ. — Ты.... немножко.

— Отстань, безъ тебя знаю!

Она разстегнула лифъ, спустила юбку и, ни на кого не смотря, продолжала раздѣваться, блѣдная съ нахмуренными бровями.

— Не правда-ли, я интересная? — задорно сказала она, улыбаясь углами рта.—Если вы желаете меня поцѣловать, можете попросить разрѣшенія у мужа — онъ, вѣроятно, позволитъ.

— Баритонъ! разрѣши мнѣ почтительнѣйше прикоснуться къ одной изъ лучшихъ женщинъ, которыхъ я

зналъ. Многіе считаютъ меня ненормальнымъ, но я разбираюсь въ людяхъ!

Четверoруковъ молча, съ прыгающей нижней челюстью и ужасомъ въ глазахъ, смотрѣлъ на страшнаго пассажира.

— Сударыня! Онъ, очевидно, ничего не имѣетъ противъ. Я почтительнѣйше поцѣлую вашу руку...

Поѣздъ замедлялъ ходъ, подходя къ вокзалу большого губернскаго города.

— Зачѣмъ же руку?—болѣзненно улыбнулась Симочка —Мы просто поцѣлуемся! Вѣдь я вамъ нравлюсь?

Незнакомецъ посмотрѣлъ на ея стройныя ноги въ черныхъ чулкахъ, обнаженныя руки и воскликнулъ:

— Я буду счастливъ!

Не сводя съ мужа пылающаго взгляда, Симочка обняла голыми руками незнакомца и крѣпко его поцѣловала.

Поѣздъ остановился.

Незнакомецъ поцѣловалъ Симочкину руку, забралъ свои вещи и сказалъ:

— Вы, кардиналъ и вы, баритонъ! Поѣздъ стоитъ здѣсь пять минутъ. Эти пять минутъ я тоже буду стоять на перронѣ съ револьверомъ въ карманѣ. Если кто-нибудь изъ васъ выйдетъ—я застрѣлю того. Ладно?

— Идите уже себѣ!—простоналъ Сандомірскій.

Когда поѣздъ двинулся, дверцы купе пріоткрылись, и въ отверстіе просунулась рука кондуктора съ запиской.

Четверoруковъ взялъ ее и съ недоумѣніемъ прочелъ:

«Сознайтесь, что мы не проскучали... Этотъ оригинальный, но дѣйствительный способъ сокращать дорожное время имѣетъ еще то преимущество, что всякій показываетъ себя въ натуральную величину. Насъ было четверо: дуракъ, трусъ, мужественная женщина и я — весельчакъ, душа общества. Баритонъ! Поцѣлуйте отъ меня кардинала»..

ЛѢКАРСТВО.

I.

Въ глаза я называлъ ее Марьей Павловной, а за глаза — Марусей, Мэри и Мышеночкомъ... Сегодня, когда я ѣхалъ къ ней, то думалъ:

— Соберусь съ духомъ и скажу!.. Если она отвѣтитъ «да»—въ груди моей запоютъ птицы и жизнь разъ навсегда окрасится пріятнымъ розовымъ свѣтомъ. Если—«нѣтъ»... я ничего не скажу, повернусь и выйду изъ комнаты... И никто никогда не услышитъ обо мнѣ ни слова. Только, можетъ быть, черезъ нѣсколько лѣтъ до нея и всѣхъ ея знакомыхъ дойдетъ слухъ о странномъ монахѣ, извѣстномъ своей суровой отшельнической жизнью, который поселился въ пустынѣ, одинокій, таинственный, со слѣдами красоты на изможденномъ лицѣ, благоволящій мужчинамъ и отворачивающійся отъ женщинъ...

Это буду я.

Я вошелъ къ Марьѣ Павловнѣ съ сосредоточенно-сжатыми губами и лихорадочнымъ блескомъ въ глазахъ.

— Что это вы такой?—удивленно спросила она.

— Я... долженъ имѣть съ вами одинъ... очень важный для меня разговоръ!

Въ глазахъ ея засвѣтились два огонька и—погасли.

— Хорошо. Только я раньше должна съѣздить въ два мѣста... Надѣюсь, вы меня проводите?

— Конечно! Какъ можно задавать такія вопросы?.,

— Я сейчасъ одѣнусь, заѣдемъ въ мануфактурный магазинъ и потомъ къ портнихѣ. Ладно?

— Хотя бы къ двумъ портнихамъ!..—поклонился я.

Она призадумалась.

— Къ двумъ? Мнѣ бы, собственно, нужно было къ двумъ, да я не знаю адреса одной. Посидите. Я скоро одѣнусь. Даша!! Сбѣгай-ка за дворникомъ!

— Зачѣмъ это вамъ дворникъ понадобился? — изумился я.

— Не могу же я выйти на улицу въ одномъ платьѣ!?

— А развѣ дворникъ...

— Это длинная исторія! Жена дворника, которая служитъ у какихъ-то квартирантовъ, имѣетъ сестру, работающую у той самой портнихи, которой я отдала передѣлать свою ротонду. Такъ вотъ, если жена дворника сообщитъ сейчасъ мужу адресъ, гдѣ работаетъ ея сестра,—я и пошлю Дашу туда за ротондой.

— Такъ, такъ. Это и есть тотъ адресъ—одинъ изъ двухъ—котораго вы не знаете?

— Что вы путаете! Это тотъ адресъ, который я знаю. Какъ же иначе я бы нашла его??

— Смѣшныя вы, женщины!—улыбнулся я.

Она показала мнѣ языкъ и убѣжала въ другую комнату.

Я усѣлся, взялъ газету и прочелъ ее отъ начала до конца. Марья Павловна одѣвалась. Я пересмотрѣлъ альбомъ, взялъ какую-то книгу, прочелъ три главы. Марья Павловна одѣвалась! Послѣ шестой главы я имѣлъ совершенно точныя данныя, что Марья Павловна еще не совсѣмъ одѣта, а девятая глава заставила ее выглянуть изъ комнаты и спросить меня:

— Нѣтъ-ли у васъ крючка для застегиванія ботинокъ? Я не могу найти свой. Цѣлый часъ ищемъ!.. Почему вы не носите съ собой крючка?

— Хорошо,—кротко отвѣчалъ я.—Теперь я буду носить его съ собой. Во избѣжаніе задержекъ на будущее время, я буду также теперь захватывать съ собой щипцы для завивки волосъ, ротонду и головныя шпильки. Если вамъ нужно еще что-нибудь—вы предупредите.

Она, очевидно, не поняла меня, потому что отвѣчала:

— Нѣтъ, щипцы у меня есть. А вотъ головныя шпильки, если бы вы носили—я иногда брала бы у васъ, потому что онѣ страшно теряются.

Вошла Даша и спросила:

— Не видали, баринъ, крючка для ботинокъ? Онъ тутъ гдѣ-то.

— Не знаю. Я пересмотрѣлъ альбомъ,—его тамъ не было. И въ книгѣ нѣтъ. Можетъ быть, спросить того дворника, который имѣетъ свѣдѣнія о ротондѣ?..

И Даша меня тоже не поняла.

— Демьянъ!—закричала она, выбѣгая въ переднюю,—не видѣлъ барышнинаго крючка?

Я вошелъ въ ту комнату, гдѣ одѣвалась Марья Павловна, и сказалъ:

— Придется мнѣ поискать.

Изъ деликатности, я старался не смотрѣть на причесывающуюся Марью Павловну, но она воскликнула:

— Только, ради Бога, не смѣйте на меня смотрѣть!

Не посмотрѣть было уже неловко. Я взглянулъ на нее, на стоящую около нея пару крошечныхъ ботинокъ; и спросилъ:

— Вы эти ботинки и хотите надѣть?

— Да... только вотъ крючка нѣтъ.

— Крючокъ можно купить,—отвѣчалъ я.—Его можно сдѣлать, найти, украсть, но увы—онъ будетъ вамъ безполезенъ.

— Почему?!

— Потому что ботинки ваши не на пуговицахъ, а на шнуркахъ.

Она засмѣялась.

— Да? А вѣдь и въ самомъ дѣлѣ! Даша! Не ищи крючка... А вы, сударь, уходите пока:

Я вышелъ и отъ скуки опять взялся за газету. Выглянула Даша и спросила:

— Баринъ, не видѣли барышниной брошки?

— Не знаю, гдѣ она. Впрочемъ, вы можете взглянуть

на крышу сосѣдняго дома. Не зацѣпилась ли она какимъ-нибудь образомъ за дымовую трубу.

Даша съ озабоченнымъ видомъ взглянула въ окно, развела руками и ушла обратно въ комнату барышни.

— Тамъ нѣтъ... Подъ ковромъ смотрѣли?

— Смотрѣла. И въ умывальникѣ нѣтъ.

— Ахъ ты-жъ, Господи!

Я нервно вошелъ въ ихъ комнату и спросилъ:

— Куда вы ее, обыкновенно, кладете? Какого она вида?

— Обыкновенно, она у меня на груди. А видъ у нея такой... знаете, что у лошадей на лапахъ бываетъ!

— На какихъ лапахъ?

— Ну, такое... Копыто называется....

— Я не помню у васъ такой брошки—копыта. Вѣроятно, подкова?

— Да, да... Такое, знаете, что стучитъ.

-- Такъ бы вы прямо и сказали!.. Такое, что стучитъ—это всякій догадается. Подкову я помню. Ювелиръ, значитъ, уже вставилъ бирюзу, которая выпала? Помните, мы на той недѣлѣ вмѣстѣ отдавали?

— Нѣтъ еще.

— Такъ она, значитъ, у ювелира? Скажите, сколько времени затрачиваете вы, обыкновенно, на поиски въ этой комнатѣ вещи, находящейся въ другой улицѣ?

— Дѣйствительно, она у ювелира! Даша, глупая, не ищи: я совсѣмъ и забыла.

Такъ какъ я былъ признанъ дамами очень сообразительнымъ, толковымъ парнемъ, то меня оставили на всякій случай присутствовать при завершеніи туалета.

Все пошло гладко, если не считать того, что дамы тщетно пытались открыть флаконъ съ духами, проклиная тугую пробку. Мнѣ не стоило большого труда убѣдить ихъ, что открывать его не имѣетъ смысла, такъ какъ онъ совершенно пустъ, и что, вѣроятно, можно достигнуть большихъ результатовъ, если открыть другой флаконъ, стоявшій тутъ же и по горло наполненный духами.

II.

Когда мы пріѣхали въ магазинъ, приказчикъ галантно поклонился намъ, но сейчасъ-же поблѣднѣлъ и взглядомъ, полнымъ ужаса, уставился на розовую, улыбающуюся Марью Павловну.

— Покажите мнѣ что-нибудь новенькое на блузку. Только—самое новое. Я всегда бываю у васъ, и вы всегда показываете мнѣ старое.

— Какой негодяй!—подумалъ я.

Приказчикъ полѣзъ на какую-то лѣстницу и сталъ сбрасывать на прилавокъ цѣлый водопадъ разныхъ разноцвѣтныхъ тряпокъ,—съ такимъ видомъ, будто бы онъ хотѣлъ устроить между собой и покупательницей крѣпкую надежную баррикаду, за которой можно укрыться.

Въ глазахъ его виднѣлось отчаяніе и покорность судьбѣ.

— Вотъ это, сударыня... Прелестный рисунокъ.

— Этотъ? Вы смѣетесь надо мной! Это бабы платки такіе носятъ.

— Тогда вотъ! Самый послѣдній крикъ делямодъ.

— Этотъ? Нѣтъ, вы, право, надо мной смѣетесь!

Я никогда не видѣлъ, чтобы такъ смѣялись. На лбу приказчика выступилъ потъ, а губы пересохли и нервно дрожали... Куски матерій сыпались съ полокъ дождемъ, развертывались, забраковывались, скрывались подъ свѣжей струей новыхъ матерій, которыя, отверженныя, въ свою очередь, стонали подъ тяжестью все новыхъ и новыхъ кусковъ, которые то были «аляповаты», то слишкомъ въ крупную, то слишкомъ въ мелкую клѣтку... А одна матерія подверглась суровому осужденію даже за то, что клѣтка на ней оказалась слишкомъ средней.

— Вотъ эта мнѣ нравится,—робко сказалъ я, указывая на какой-то желтый уголъ, торчавшій снизу.

Приказчикъ съ благодарностью взглянулъ на меня, но потомъ вздохнулъ и сказалъ:

— Это не матерія. Это оберточная бумага изъ середины куска. Вотъ это очень недурно, кажется.

— Это?—въ искусственномъ восхищенiи вскричалъ я.—Это великолѣпно.

— Покажите еще что-нибудь въ этомъ родѣ,—ласково попросила моя спутница.

Приказчикъ уже не стоялъ за прилавкомъ, а лежалъ гдѣ-то наверху на огромной грудѣ измятыхъ скомканныхъ кусковъ. Мы должны были задирать головы, чтобы видѣть этого добраго человѣка, который хриплымъ голосомъ кричалъ намъ сверху:

— Вотъ тоже... рекомендую... Дернье крикъ делямодъ...

Образъ дѣйствiй приказчика меня изумлялъ.

Что могло удержать его отъ одного незамѣтнаго жеста руки, которымъ можно было-бы опрокинуть на голову покупательницы часть этой груды «чего-нибудь на блузку»... Откапыванiе погребенной подъ развалинами покупательницы и вся послѣдующая веселая суматоха дали бы приказчику нѣкоторую возможность передохнуть и собраться съ силами, а покупательница на собственной головѣ и плечахъ убѣдилась бы, что бываетъ очень неудобно, когда «что-нибудь на блузку»—вѣситъ отъ восьми до десяти пудовъ.

Послѣднiе «крики делямодъ», доносившiеся сверху, дѣлались все тише и тише. Я понялъ, почему приказчикъ, увидѣвъ мою спутницу, поблѣднѣлъ отъ ужаса, а моя спутница въ это время мягкимъ, какъ серебряный бубенчикъ, голосомъ говорила:

— Этотъ цвѣтъ немного теменъ или, вѣрнѣе, слишкомъ для меня свѣтелъ... Кажется, ничего я не подберу.

Она вздохнула и встала, ласково кивнувъ головой извивавшемуся гдѣ-то наверху тѣлу приказчика.

— Мы уходимъ?—спросилъ я.—Въ такомъ случаѣ, заверните мнѣ, господинъ приказчикъ, вотъ этотъ кусокъ и этотъ... и этотъ!

— Для чего это вамъ?—изумилась Марья Павловна.

Я хотѣлъ сказать ей, что приказчикъ въ самомъ худшемъ случаѣ заслужилъ не этой безсмысленной для меня покупки трехъ кусковъ, а пожизненной пенсiи и во-

спитанія дѣтей на казенный счетъ. Впрочемъ, едва ли ему нужна была пожизненная пенсія, такъ какъ, по своему наружному виду, бѣдняга могъ дотянуть не дольше, чѣмъ до конца текущей недѣли.

III.

Мы вышли изъ магазина—я, нагруженный, громаднымъ сверткомъ, она, пустая, съ побѣдоносно веселымъ видомъ— и сѣли на извозчика.

— Ну?—спросилъ я.

— Ну?

— Куда же ѣхать?!

— Да къ портнихѣ. Вѣдь я же говорила.

— Извозчикъ, къ портнихѣ.

— На какую улицу прикажете?

— На какую улицу?—спросилъ я, оборачиваясь къ своей спутницѣ.

— Такая... длинная. Я позабыла, право, какъ она называется.

— А, длинная! Такъ бы вы и сказали. Вѣроятно, еще по бокамъ стоятъ дома и у каждыхъ воротъ сидитъ дворникъ? Да?

— Да, да. Что-то въ этомъ родѣ. Тамъ еще есть четырехъэтажный домъ съ такими воротами.

— Съ какими?

Она вытянула впередъ пальцы и неопредѣленно пошевелила ими.

— Вотъ съ такими, знаете?..

— Ахъ, вотъ такія ворота? Очень красивыя. А улицы вы такъ и не знаете?

— Да я знала, да позабыла. Помню, сейчасъ нужно вправо завернуть.

— Извозчикъ! Направо.

— Да куда онъ ѣдетъ?! Не туда! Направо!

— Онъ и ѣдетъ направо!!

— Тогда, значитъ, налѣво.

— Эти извозчики вѣчно путаютъ,—сурово проворчалъ я.—Дѣло въ томъ, что у извозчиковъ и у прочихъ мужчинъ правая сторона случайно совпадаетъ съ правой рукой, а у женщинъ она совпадаетъ—съ лѣвой! И мужчины такъ тупы, что не могутъ къ этому привыкнуть.

— Вообще, вы, мужчины...—критически сказала Марья Павловна и улыбнулась съ сознаніемъ собственнаго превосходства.

Мы повернули на какую-то улицу и поскакали по ней, причемъ я бросалъ проницательные взгляды на всѣ дома съ «такими» воротами. А моя спутница въ это время украдкой перекрестилась.

— Что это на васъ напала такая богомольность?—пожалъ я плечами.—Не хотите ли вы посвятить себя Богу?

— Нѣтъ,—сказала она.—Я такъ узнаю, гдѣ правая сторона.

— То есть... какъ же это?

— Да вѣдь крестятся правой рукой! Я перекрещусь и думаю: «ахъ, вотъ она гдѣ, правая сторона».

— Изумительно просто! И дорогу можно находить, и грѣхи въ то-же время замаливать. Если бы всѣ знали этотъ остроумный способъ—не было бы заблудившихся и грѣшныхъ людей.

— Вы льстите мнѣ!—кокетливо хлопнула она меня перчаткой по рукѣ.—Да это и не я придумала. Подруга.

— Богато одаренная натура,—одобрительно сказалъ я.

IV.

Въ виду громаднаго количества домовъ съ «такими воротами»,—портниху мы не нашли.

Когда черезъ часъ ѣхали обратно, Марья Павловна вспомнила:

— А что вы мнѣ хотѣли сказать такое серьезное? Помните, давеча дома говорили? Еще говорили, что это для васъ очень важно!..

И я не назвалъ ее мысленно ни Мэри, ни Мышонкомъ, а зѣвнулъ и сказалъ:

— Ахъ, да! Я хотѣлъ спросить только: гдѣ вы покупаете такое прекрасное печенье къ чаю?

И съ этого момента пустыня лишилась одного изъ лучшихъ отшельниковъ, которые когда-либо спасались въ ней...

ЛОЖЬ.

Трудно понять китайцевъ и женщинъ.

Я зналъ китайцевъ, которые два-три года терпѣливо просиживали надъ кусочкомъ слоновой кости, величиной съ орѣхъ. Изъ этого безформеннаго куска китаецъ, съ помощью цѣлой арміи крохотныхъ ножичковъ и пилочекъ, вырѣзывалъ корабль—чудо хитроумія и терпѣнія: корабль имѣлъ всѣ снасти, паруса, несъ на себѣ соотвѣтствующее количество команды, причемъ каждый изъ матросовъ былъ величиной съ маковое зерно, а канаты были такъ тонки, что даже не отбрасывали тѣни—и все это было ни къ чему... Не говоря уже о томъ, что на такомъ суднѣ нельзя было сдѣлать самой незначительной поѣздки—самъ корабль былъ настолько хрупокъ и непроченъ, что одно легкое нажатіе ладони уничтожало сатанинскій трудъ глупаго китайца.

Женская ложь часто напоминаетъ мнѣ китайскій корабль величиной съ орѣхъ—масса терпѣнія, хитрости—и все это совершенно безцѣльно, безрезультатно, все гибнетъ отъ простого прикосновенія.

*

Чтеніе пьесы было назначено въ 12 часовъ ночи.

Я пріѣхалъ немного раньше и, куря сигару, убивалъ лѣнивое время въ болтовнѣ съ хозяиномъ дома адвокатомъ Лязговымъ.

Вскорѣ послѣ меня въ кабинетъ, гдѣ мы сидѣли, влетѣла розовая, оживленная жена Лязгова, которую часъ тому

назадъ я мелькомъ видѣлъ въ театрѣ, сидящей рядомъ съ нашей общей знакомой Таней Черножуковой.

— Что же это,—весело вскричала жена Лязгова.— Около двѣнадцати, а публики еще нѣтъ?!

— Подойдутъ, — сказалъ Лязговъ. -- Откуда ты, Симочка?

— Я... была на каткѣ, что на Бассейной, съ сестрой Тарскаго.

Медленно, осторожно повернулся я въ креслѣ и посмотрѣлъ въ лицо Серафимы Петровны.

Зачѣмъ она солгала? Что это значитъ?

Я задумался.

Зачѣмъ она солгала? Трудно предположить, что здѣсь былъ замѣшанъ любовникъ... Въ театрѣ она все время сидѣла съ Таней Черножуковой и изъ театра, судя по времени, прямо поѣхала домой. Значитъ, она хотѣла скрыть или свое пребываніе въ театрѣ или—встрѣчу съ Таней Черножуковой.

Тутъ же я вспомнилъ, что Лязговъ раза два-три при мнѣ просилъ жену—рѣже встрѣчаться съ Черножуковой, которая, по его словамъ, была глупой, напыщенной дурой и имѣла на жену дурное вліяніе... И тутъ же я подивился: какая пустяковая, ничтожная причина—можетъ иногда заставить женщину солгать..

*

Пріѣхалъ студентъ Конякинъ. Поздоровавшись съ нами, онъ обернулся къ женѣ Лязгова и спросилъ:

— Ну, какъ сегодняшняя пьеса въ театрѣ... Интересна?

Серафима Петровна удивленно вскинула плечами.

— Съ чего вы взяли, что я знаю объ этомъ? Я же не была въ театрѣ.

— Какъ же не были? А я заѣзжалъ къ Черножуковымъ—мнѣ сказали, что вы съ Татьяной Викторовной уѣхали въ театръ.

Серафима Петровна опустила голову и, разглаживая юбку на колѣняхъ, усмѣхнулась:

— Въ такомъ случаѣ, я не виновата, что Таня такая глупая; когда она уѣзжала изъ дому, то могла солгать какъ-нибудь иначе...

Лязговъ, заинтересованный, взглянулъ на жену.

— Почему она должна была солгать?

— Неужели, ты не догадываешься? Навѣрное, поѣхала къ своему поэту!

Студентъ Конякинъ живо обернулся къ Серафимѣ Петровнѣ.

— Къ поэту? Къ Гагарову? Но этого не можетъ быть! Гагаровъ на-дняхъ уѣхалъ въ Москву, и я самъ его провожалъ.

Серафима Петровна упрямо качнула головой и, съ видомъ человѣка, прыгающаго въ пропасть, сказала:

— А онъ все-таки здѣсь!

— Не понимаю...—пожалъ плечами студентъ Конякинъ.—Мы съ Гагаровымъ друзья, и онъ, если-бы вернулся, первымъ долгомъ извѣстилъ бы меня.

— Онъ, кажется, скрывается,—постукивая носкомъ ботинка о коверъ, сообщила Серафима Петровна.—За нимъ слѣдятъ.

Послѣдняя фраза, очевидно, была сказана просто такъ, чтобы прекратить скользкій разговоръ о Гагаровѣ.

Но студентъ Конякинъ забезпокоился.

— Слѣдятъ??! Кто слѣдитъ?

— Эти, вотъ... Сыщики.

— Позвольте, Серафима Петровна... Вы говорите что-то странное: съ какой стати сыщикамъ слѣдить за Гагаровымъ, когда онъ не революціонеръ и политикой никогда не занимался?!

Серафима Петровна окинула студента враждебнымъ взглядомъ и, проведя языкомъ по запекшимся губамъ, раздѣльно отвѣтила:

— Не занимался, а теперь занимается. Впрочемъ, что мы все: Гагаровъ, да Гагаровъ. Хотите, господа, чаю?

*

Пришелъ еще одинъ гость — газетный рецензентъ Блюхинъ.

— Морозъ,—заявилъ онъ,—а хорошо! Холодно до гадости. Я сейчасъ часа два на конькахъ катался. Прекрасный на Бассейной катокъ.

— А жена тоже сейчасъ только оттуда,—прихлебывая чай изъ стакана, сообщилъ Лязговъ.—Встрѣтились?

— Что вы говорите?!—изумился Блюхинъ.—Я все время катался и васъ, Серафима Петровна, не видѣлъ.

Серафима Петровна улыбнулась.

— Однако, я тамъ была. Съ Марьей Александровной Шемшуриной.

— Удивительно... Ни васъ, ни ея я не видѣлъ. Это тѣмъ болѣе странно, что катокъ вѣдь крошечный—все, какъ на ладони.

— Мы больше сидѣли все... около музыки,—сказала Серафима Петровна.—У меня винтъ на конькѣ расшатался.

— Ахъ, такъ! Хотите, я вамъ сейчасъ исправлю? Я мастеръ на эти дѣла. Гдѣ онъ у васъ?

Нога нервно застучала по ковру.

— Я уже отдала его слесарю.

— Какъ же это ты ухитрилась отдать слесарю, когда теперь ночь?—спросилъ Лязговъ.

Серафима Петровна разсердилась.

— Такъ и отдала! Что ты присталъ? Слесарная, по случаю срочной работы, была открыта. Я и отдала. Слесаря Матвѣемъ зовутъ.

*

Наконецъ, явился давно ожидаемый драматургъ Селиванскій съ пьесой, свернутой въ трубку и перевязанной ленточкой.

— Извиняюсь, что опоздалъ,—раскланялся онъ.—Задержалъ прекрасный полъ.

— На драматурга большой спросъ,—улыбнулся Лязговъ.—Кто же это тебя задержалъ?

— Шемшурина, Марья Александровна. Читалъ ей пьесу.

Лязговъ захлопалъ въ ладоши.

— Совралъ, совралъ драматургъ! Драматургъ скрываетъ свои любовныя похожденія! Никакой Шемшуриной ты не могъ читать пьесу!

— Какъ не читалъ?—обводя компанію недоумѣннымъ, подозрительнымъ взглядомъ, вскричалъ Селиванскій. — Читалъ! Именно ей читалъ.

— Ха-ха!—засмѣялся Лязговъ.—Скажи же ему, Симочка, что онъ попался съ поличнымъ: вѣдь Шемшурина была съ тобой на каткѣ.

— Да, она со мной была,—кивнула головой Серафима Петровна, осматривая всѣхъ насъ холоднымъ взглядомъ.

— Когда?! Я съ половины девятаго до двѣнадцати сидѣлъ у нея и читалъ свою «Комету».

— Вы что-нибудь спутали,—пожала плечами Серафима Петровна.

— Что? Что я могъ спутать? Часы я могъ спутать, Шемшурину могъ спутать съ кѣмъ-нибудь, или свою пьесу съ отрывнымъ календаремъ?! Какъ такъ—спутать?

— Хотите чаю?—предложила Серафима Петровна.

— Да, нѣтъ, разберемся: когда Шемшурина была съ вами на каткѣ?

— Часовъ въ десять, одиннадцать.

Драматургъ всплеснулъ руками.

— Такъ поздравляю васъ: въ это самое время я читалъ ей дома пьесу.

Серафима Петровна подняла язвительно одну бровь.

— Да? Можетъ быть, на свѣтѣ существуютъ двѣ Шемшуриныхъ? Или я незнакомую даму приняла за Марью Александровну? Или, можетъ, я была на каткѣ вчера... Ха-ха!..

— Ничего не понимаю!—изумился Селиванскій.

— То-то и оно,—засмѣялась Серафима Петровна.— То-то и оно! Ахъ, Селиванскій, Селиванскій...

Селиванскій пожалъ плечами и сталъ разворачивать рукопись.

Когда мы переходили въ гостиную, я задержался

на минуту въ кабинетѣ и, сдѣлавъ рукой знакъ Серафимѣ Петровнѣ, остался съ ней наединѣ.

— Вы сегодня были на каткѣ?—спросилъ я равнодушно.

— Да. Съ Шемуриной.

— А я васъ въ театрѣ сегодня видѣлъ. Съ Таней Черножуковой.

Она вспыхнула.

— Не можетъ быть. Что же, я лгу, что-ли?

— Конечно, лжете. Я васъ прекрасно видѣлъ.

— Вы приняли за меня кого-нибудь другого...

— Нѣтъ. Вы лжете неумѣло, впутываете массу лицъ, попадаетесь и опять нагромождаете одну ложь на другую... Для чего вы солгали мужу о каткѣ?

Ея нога застучала по ковру.

— Онъ не любитъ, когда я встрѣчаюсь съ Таней.

— А я сейчасъ пойду и скажу всѣмъ, что видѣлъ васъ съ Таней въ театрѣ.

Она схватила меня за руку, испуганная, съ трясущимися губами.

— Вы этого не сдѣлаете?!

— Отчего же не сдѣлать?.. Сдѣлаю!

— Ну, милый, ну, хорошій... Вы не скажете... да? Вѣдь не скажете?

— Скажу.

Она вскинула свои руки мнѣ на плечи, крѣпко поцѣловала меня и, прижимаясь, прерывисто прошептала:

— А теперь не скажете? Нѣтъ?

*

Послѣ чтенія драмы—ужинали.

Серафима Петровна все время упорно избѣгала моего взгляда и держалась около мужа.

Среди разговора она спросила его.

— А гдѣ ты былъ сегодня вечеромъ? Тебя вѣдь не было съ трехъ часовъ.

Я съ любопытствомъ ждалъ отвѣта. Лязговъ, когда мы были вдвоемъ въ кабинетѣ, откровенно разсказалъ

мнѣ, что этотъ день онъ провелъ довольно безпутно: изъ Одессы къ нему пріѣхала знакомая француженка, кафешантанная пѣвица, съ которой онъ обѣдалъ у Контана, въ кабинетѣ, послѣ обѣда катались на автомобилѣ, потомъ онъ былъ у нея въ Грандъ-Отелѣ, а вечеромъ завезъ ее въ «Буффъ», гдѣ и оставилъ.

— Гдѣ ты былъ сегодня?

Лязговъ обернулся къ женѣ и, подумавъ нѣсколько секундъ, отвѣтилъ:

— Я былъ у Кантана. Обѣдали. Одинъ кліентъ изъ Одессы съ женой француженкой и я. Потомъ я заѣхалъ за моей довѣрительницей по Усачевскому дѣлу, и мы разъѣзжали въ ея автомобилѣ—она очень богатая—по дѣлу объ освобожденіи имѣнія отъ описи. Затѣмъ, я былъ въ Грандъ-Отелѣ у одного помѣщика, а вечеромъ заѣхалъ на минутку въ «Буффъ» повидаться съ знакомымъ. Вотъ и все,

Я улыбнулся про себя и подумалъ:

— Да. Вотъ это ложь!

ВИЗИТЕРЪ.

(опытъ характеристики).

Всякій, кому приходилось видѣть визитера въ началѣ его хлопотливой дѣятельности, знаетъ—какое это чистенькое, надушенное, сверкающее бѣлизной бѣлья и лакомъ ботинокъ существо!

Передъ выходомъ изъ дому визитеръ долго стоитъ у зеркала и приглаживаетъ нѣсколько волосинокъ, отставшихъ у уха; онъ долго возится надъ тѣмъ, чтобы кончикъ его бѣлаго галстуха не заскакивалъ за край жилета и заботливо удаляетъ крошечную невинную пылинку, развязно усѣвшуюся наноскѣ ботинка. Пушинка на рукавѣ фрака приводитъ его въ нервный трепетъ. Она сбрасывается съ рукава такъ энергично, что даже производитъ при паденіи легкій стукъ. Двумя пальцами вытаскивается изъ жилетнаго кармана маленькій кончикъ краснаго шелковаго платочка—ровно настолько, чтобы на общемъ фонѣ чернаго и бѣлаго алѣло необходимое декоративное пятнышко.

Вотъ что продѣлываетъ визитеръ, собираясь уходить.

Нѣтъ нужды, что на пятомъ визитѣ фракъ его будетъ обсыпанъ пудрой, вымазанъ горчицей, и на носкѣ ботинка уютно прикурнетъ прилипшая головка кильки; а на десятомъ визитѣ галстухъ лихо передвинется набекрень, и пряжка его будетъ весело болтаться на мужественной груди визитера, а въ красномъ шелковомъ платочкѣ, засу-

нутомъ за жилетъ, будетъ завернутъ плохо прожеваный кусокъ колбасы, не могшій проползти въ сузившееся визитерово горло.

Нѣтъ нужды! Визитеръ, одѣваясь дома, о будущемъ не думаетъ.

Всѣ его мысли и міроощущеніе—въ настоящемъ.

Явившись въ знакомый домъ, визитеръ первымъ долгомъ бросается всѣхъ цѣловать, преисполненный нѣжной любви и ласки къ прекрасному человѣчеству.

Мужчины, по большей части, переносятъ поцѣлуи визитера стоически. Лишь нѣкоторые отрываютъ визитера послѣ перваго же поцѣлуя, такъ что слѣдующіе два—приходятся въ воздухъ.

Визитеръ этимъ не смущается: воздухъ такъ воздухъ—онъ поцѣлуетъ и воздухъ. И воздухъ хорошій человѣкъ.

Съ дамами визитеру приходится повозиться.

— Ахъ, я, простите, не цѣлуюсь.

— Да почему?

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ—какъ можно.

— Помилуйте, такой праздникъ... Нужно, обязательно, поцѣловаться.

— У меня принципъ—не цѣловаться. Ахъ, ахъ!

У многихъ дамъ единственный принципъ въ жизни—не цѣловаться на Пасху. Во все остальное время ихъ легкомысленной жизни онѣ цѣлуются безъ всякаго порядка и смысла, и тому же визитеру легче добиться прикосновенія женскихъ губъ зимой, осенью или лѣтомъ, чѣмъ на Пасху.

Если дама продолжаетъ отказываться, визитеръ, обуреваемый высокими порывами, набрасывается на даму и, скрутивъ ей руки, цѣлуетъ ее въ лопатку, въ гребенку, торчащую изъ волосъ, и въ тотъ же безропотный воздухъ.

Обыкновенно, неприхотливый визитеръ удовлетворяется этимъ слабымъ выраженіемъ христіанской любви, и его немедленно ведутъ къ столу.

— Закусите-ка... Рюмку рябиновой?

Въ первые два визита визитеръ, обыкновенно, разбирается въ напиткахъ и закускахъ чрезвычайно тонко: онъ сначала выпьетъ померанцевой и закуситъ кусочкомъ икры; потомъ зубровки и—ветчины; напослѣдокъ—рюмку коньяку и отвѣдаетъ кулича.

Отъ коньяку поморщится, а куличъ похвалитъ.

Слѣдующіе визиты усыпляютъ въ визитерѣ чувство излишней изысканности: сначала онъ пьетъ какой нибудь ликеръ, закусываетъ омаромъ, а потомъ переходитъ на простую водку, заѣдая ее сахарнымъ розаномъ съ кулича.

И чѣмъ дальше—тѣмъ вкусъ его дѣлается менѣе изысканнымъ, но болѣе прихотливымъ, идя рука-объ-руку съ разсѣяностью.

Налитое по ошибкѣ, вмѣсто бѣлаго вина, прованское масло онъ хочетъ закусить ветчиной; но рука его попадаетъ немного дальше, отщипываетъ кусокъ разноцвѣтной бумажной бахромы съ окорока и отправляетъ это красивое произведеніе хозяйскаго сынишки—въ ротъ.

— Хорошая семга,—одобрительно киваетъ головой визитеръ, прожевывая бумагу.—По... чемъ продавали?

Потомъ онъ неистово хохочетъ самъ надъ собой, объясняя всѣмъ, какъ онъ ошибся, сказавъ вмѣсто «покупали»—«продавали»...

Онъ замѣчаетъ свои ошибки и спѣшитъ сознаться въ нихъ. Это его безспорное достоинство. И хохочетъ онъ, съ открытымъ ртомъ, изъ котораго торчитъ полусъѣденная разноцвѣтная бумага, а галстухъ уже успѣлъ передвинуться и пряжка, какъ живая, пляшетъ на груди, въ тактъ смѣху веселаго хозяина.

На первыхъ визитахъ хозяева дома еще дѣлаютъ коекакія попытки завязать съ визитеромъ бесѣду.

Пріемъ одинъ и тотъ же:

— Въ какой церкви были у заутрени?

— Въ соборѣ.

— А гдѣ разговлялись?

— Дома.

— А хорошіе у васъ куличи вышли?

— Хорошіе.

— А лѣтомъ вы на дачѣ?

— На дачѣ.

— Какъ, вообще, поживаете?

— Да ничего. Ну, мнѣ пора.

— Да посидите еще.

— Нѣтъ, нѣтъ, что вы!

Послѣдующіе визиты дѣлаютъ визитера человѣкомъ очень оригинальнымъ, полнымъ свѣжихъ неожиданностей, но вести съ нимъ обыкновенную свѣтскую бесѣду дѣлается чрезвычайно затруднительнымъ.

На вопросъ:

— Гдѣ были у заутрени?

Онъ, зрѣло обдумавъ свой отвѣтъ, говоритъ:

— Четырнадцать. Да еще восемь позавчера.

— Что—восемь?

— Высокій такой блондинъ. Живи, говоритъ, у меня— чего тамъ!

— Что?

— Вотъ вамъ и что! Его изъ печки вытащили, а онъ пополамъ. Тѣсто жидко замѣсили, что ли. Вы позволите еще рюмочку ветчины?..

На самомъ послѣднемъ визитѣ визитеръ уже не говоритъ, а только иронически и подозрительно посматриваетъ на всѣхъ исподлобья.

Въ этотъ періодъ своей жизни онъ легко и безболѣзненно отвергаетъ всѣ завоеванія тысячелѣтней культуры и цивилизаціи, съ такой любовью созданной предками. Онъ можетъ неожиданно расхохотаться; или начнетъ съ аппетитомъ раскусывать хрустальный бокалъ; или будетъ пытаться влѣзть въ рояль, съ категорической, не допускающей возраженій, просьбой:

— Разбудить его въ половинѣ шестнадцатаго.

Закончивъ всѣ визиты, визитеръ долго бродитъ по улицамъ, полный смутныхъ, неопредѣленныхъ мыслей. Рѣдко кому приходилось видѣть визитера въ такомъ переходномъ состояніи, но автору этой статьи однажды удалось подсмотрѣть, какъ велъ себя въ вышеприведенномъ случаѣ визитеръ.

Онъ брелъ невѣрными шагами вдоль улицы, изрѣдка одобрительно похлопывая по стѣнамъ и заглядывая въ отверстія водосточныхъ трубъ.

Онъ былъ въ такомъ состояніи, что на главное не обращалъ вниманія... Вызывали къ себѣ его интересъ только пустяки.

Шагая по улицѣ, онъ увидѣлъ лежащую на своемъ пути спичку. Онъ изумленно остановился надъ ней и застылъ въ напряженной позѣ.

Потомъ, осторожно поднявъ ее, подошелъ къ дремавшему дворнику у воротъ.

— Человѣкъ! Гдѣ у васъ складъ ненужныхъ отбросовъ?

— Чего-съ?

— Укажите такое мѣсто, гдѣ бы я могъ положить этотъ предметъ, мѣшающій правильному движенію пассажировъ.

— Да бросьте ее,—сказалъ, засмѣявшись дворникъ.— Чего тамъ.

Онъ взялъ изъ рукъ визитера спичку и бросилъ ее на землю.

— Нѣтъ, милый дворникъ, ты этого не дѣлай. Зачѣмъ ты это дѣлаешь? Это дѣлать нехорошо.

— Да кому же она мѣшаетъ?—сказалъ дворникъ.

— Тутъ люди ходятъ. Зацѣпится кто-нибудь, упадетъ, сломаетъ ногу. Ему больно будетъ... Умретъ... безъ... миропомазанія...

Онъ нагнулся, поднялъ снова спичку, вырылъ подъ воротами пальцемъ ямку, положилъ въ нее спичку и, засыпавъ ямку, облегченно вздохнулъ.

— Такъ-то оно и спокойнѣе,.. Прощайте, Никифоръ.

Визитеръ побрелъ дальше, остановился у какого-то подъѣзда и сѣлъ на ступеньку.

Разсѣяный взглядъ его упалъ на ботинокъ, на которомъ присохла оброненная имъ въ предпослѣднемъ домѣ килька.

Визитеръ снялъ ее съ ботинка и положилъ на ладонь.

— Бѣдненькая!—сказалъ онъ, глотая слезы.—Неужели ты уже умерла? Нѣтъ! Ты еще будешь жить. Я тебя возьму къ себѣ, и тамъ въ теплѣ и холѣ ты проживешь остатокъ дней твоихъ. О, жестокіе, безнравственные люди!.. Господи, Боже ты мой! За что, спрашивается? За что?

И онъ, раскачиваясь, баюкалъ пыльную кильку на рукахъ, гладилъ ее, цѣловалъ и отогрѣвалъ своимъ дыханіемъ.

Потомъ вынулъ шелковый платочекъ, разостлалъ его на колѣняхъ, положилъ въ него кильку и, съ трудомъ поднявшись, сунулъ все это въ карманъ бѣлаго жилета.

Побрелъ, пошатываясь, и я потерялъ его изъ вида.

Одинъ знакомый разсказывалъ мнѣ прелюбопытную исторію, касающуюся пасхальныхъ визитовъ.

Она совершенно достовѣрна, такъ какъ знакомый этотъ служитъ чиновникомъ въ пробирной палаткѣ и имѣетъ въ Петербургѣ двухъ-этажный домъ.

Я не думаю, что такой человѣкъ могъ бы выдумать свою исторію, или раздуть ее, или изукрасить.

Да онъ былъ и слишкомъ глупъ для этого.

Кто знаетъ хорошо институтъ пасхальныхъ визитовъ,—тому эта исторія не покажется особенно странной и небывалой.

Вотъ что онъ разсказалъ:

Однажды передъ Пасхой пришлось ему поѣхать по дѣламъ изъ Петербурга въ Харьковъ.

Городъ этотъ былъ незнакомъ ему, и онъ всю страстную субботу проскучалъ. На другой день утромъ, когда

проснулся, солнце свѣтило въ окно, и около его кровати лежалъ тщательно вычищенный фракъ.

Чиновникъ пробирной палатки сладко и радостно потянулся на кровати и сказалъ самъ себѣ:

— Нынче нужно дѣлать визиты—первый день Пасхи, слава Богу! Пора бы одѣваться.

Онъ всталъ, одѣлся, побрился и вышелъ на улицу. На улицѣ сторговался съ извозчикомъ, сѣлъ въ пролетку, вынулъ записную книжку съ разными адресами и заглянулъ въ нее.

— Вези меня на Дворянскую, номеръ 7.

Пріѣхалъ на Дворянскую, отыскалъ, какъ и значилось въ книжкѣ, квартиру номеръ 4—и позвонилъ.

— Дома?—спросилъ онъ горничную.—Принимаютъ? Христосъ воскресе.

— Пожалуйте-съ! Воистину.

Чиновникъ былъ радостно встрѣченъ хозяиномъ дома, расцѣловался съ нимъ и подошелъ къ хозяйкѣ съ протянутыми губами.

— Да я не христосуюсь съ мужчинами,—кокетливо заявила хозяйка.

— Да почему?

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ—какъ можно!

Чиновникъ все-таки поцѣловалъ сначала какой-то рюшъ у нея на шеѣ, потомъ серьгу въ ухѣ, потомъ воздухъ, а потомъ всѣ трое, весело смѣясь, направились къ столу...

— Рюмочку зубровки! Попробуйте нашего кулича—нынче, кажется, удачные.

— Попробую! Да, куличъ прекрасный.

— Гдѣ были у заутрени?—спросила хозяйка.

— Въ университетской церкви.

— А гдѣ разговлялись?

— Дома.

— Лѣтомъ на дачѣ думаете?

— На дачѣ. Ну, мнѣ пора.

— Да посидите еще! Въ кои-то вѣки соберетесь.

— Нѣтъ, нѣтъ, что вы.

Чиновникъ вышелъ, сѣлъ на извозчика и заглянулъ въ книжку.

— Московская, 12; квартира 20.

Извозчикъ привезъ. Чиновникъ позвонилъ, похристосовался съ плутоватой горничной, расцѣловался съ хозяиномъ, былъ несказанно удивленъ отказомъ хозяйки отъ христосованія и потомъ пилъ доппель-кюммель.

— Гдѣ были у заутрени?

— Въ университетской церкви.

— Лѣтомъ на дачѣ?

— Да, ну, мнѣ пора. До свиданья-съ.

— Куда же вы?

Третье мѣсто, куда поѣхалъ извозчикъ, было:

— Ивановская 9, квартира 6.

Послѣ обычнаго христосованія и двухъ рюмокъ коньяку, хозяйка спросила:

Гдѣ были у заутрени?

— Въ университетской. Хотѣлъ было въ Исаакіевскій соборъ, да далеко, знаете, отъ меня.

— Я думаю,—сказала хозяйка.

— Да,—подтвердилъ чиновникъ. — Минутъ сорокъ нужно ѣхать.

— Откуда?!!

— Да отъ меня!

— Помилуйте, что вы говорите!.. Какъ же отъ Харькова до Петербурга сорокъ минутъ ѣзды?

Чиновникъ всталъ, потрясенный до самаго дна.

— Это... какой городъ?

Хозяйка засмѣялась.

— Вотъ тебѣ разъ! Человѣкъ въ Харьковѣ сидитъ на Ивановской улицѣ у Сверчковыхъ,—да не знаетъ, что это за городъ.

— Такъ вы Сверчковы?—вскричалъ чиновникъ.—А у меня въ книжкѣ записанъ такой адресъ: Ивановская 9, квартира 6—Чаплыгины. Вы, значитъ, не Чаплыгины?

— Да нѣтъ же—мы Сверчковы.

— Тогда извините, — растерялся чиновникъ.—Всего лучшаго. Я ужъ пойду.

— Куда же вы—посидите!

— Понимаете,—говорилъ мнѣ, разсказывая объ этомъ случаѣ, чиновникъ,—экая чепуха получилась. И въ Петербургѣ, и въ Харковѣ есть и Московская, и Дворянская, и Ивановская. Я по петербургскимъ адресамъ и ѣздилъ.

— Да какъ же они васъ принимали, незнакомаго?—спросилъ я удивленно.

— Да имъ то что?.. Пріѣхалъ визитеръ, во фракѣ, христосуется, былъ у заутрени, пьетъ водку—значитъ, все какъ нужно, все, какъ слѣдуетъ... А мое тоже положеніе—развѣ всѣ знакомыя лица упомнишь? Не разговорись я объ Исаакіи—такъ бы никто ничего и не замѣтилъ.

Жизнь посылаетъ намъ удивительныя хитросплетенія и устраиваетъ самыя замысловатыя комбинаціи.

Если исторія, разсказанная выше, и кажется невѣроятной. то повторяю: не могъ же чиновникъ нробирной палатки, владѣлецъ двухъ-этажнаго дома, выдумать ее?!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Автобіографія 5

I. ВЪ СВОБОДНОЙ РОССІИ.

Исторія болѣзни Иванова 19
Кто ее продалъ?.. 24
Русская исторія 29
Люди 35
Почести 40
Робинзоны 45
Визитъ.. 50
Бѣдствіе 55
Мученикъ науки 59
Сперминъ 63
Октябристъ Чикалкинъ 67
Невозможное 71
Звѣринецъ 75
Путаница 79

II. ОКОЛО ИСКУССТВА.

Труха 87
Аполлонъ 94
Американцы 99
Подмостки 104
Проклятіе 110
Пернатое 115
Еще воспоминанія о Чеховѣ 123
Крайнія теченія 128
Неизлѣчимые 132
Золотой вѣкъ 135
Безъ почвы 141

III. МОИ УЛЫБКИ.

Четвергъ 149
Мозаика 158
Рубановичи 167
Четверо 173
Лѣкарство 181
Ложь 190
Визитеръ 197

Продолжается подписка на 1910 годъ

на еженедѣльный литературно-художественный журналъ сатиры и юмора

Сатириконъ

(Третій годъ изданія)

Всѣ годовые подписчики получатъ, въ видѣ безплатнаго приложенія, роскошно иллюстрированное изданіе:

„ВСЕОБЩАЯ ИСТОРІЯ“

обработанная „Сатирикономъ“, подъ угломъ его зрѣнія,—подъ ред. А. Т. Аверченко.

Въ составленіи «Всеобщей Исторіи» примутъ ближайшее участіе: Аркадій Аверченко, Осипъ Дымовъ, О. Л. д'Оръ, Тэффи и Саша Черный.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ПРЕМІИ „САТИРИКОНА“.

Изучать всемірную исторію по Иловайскому—это все равно, что знакомиться съ великими завоеваніями въ области электричества—по трамвайному билету, который въ свое время удостовѣрялъ ваше право на пользованіе извѣстной порціей трамвайной электрической тяги.

Въ обоихъ случаяхъ у пытливаго человѣка будетъ одинаковое количество данныхъ, съ помощью которыхъ онъ войдетъ въ таинственный, влекущій къ себѣ, храмъ науки.

Сотни тысячъ юношей были безсовѣстно обмануты въ своихъ стремленіяхъ и потомъ горько плакали, проклиная свою довѣрчивость...

Вступали они въ жизнь, вооруженные только двумя цѣнными историческими фактами, которые, въ разныхъ комбинаціяхъ, цитировались ими и служили примѣромъ въ жизни. Эти два факта были таковы:

1) Какой-то Алкивіадъ отрубилъ хвостъ какой-то собакѣ.

2) Неизвѣстный человѣкъ, по имени Муцій Сцевола, изжарилъ на жаровнѣ собственную руку.

Потомъ, съ теченіемъ времени, юноши позабыли причины этихъ двухъ поступковъ, а нѣкоторые даже путали: лишеніе собаки хвоста приписывали Муцію, а странный поступокъ съ рукой навязывали Алкивіаду, который, какъ извѣстно, имѣлъ руки совершенно нормальныя и такъ и умеръ, даже не пытаясь зажарить какую либо изъ своихъ конечностей.

Выросши и обзаведясь дѣтьми, эти обманутые юноши путали исторію еще больше, и передавали ее своимъ маленькимъ сыновьямъ, приблизительно, такъ:

— Одна древняя собака, по имени Сцевола, проголодавшись, зажарила свою лапу на жаровнѣ, за что освирѣпѣвшій хозяинъ Муцій, по словамъ историка Алкивіада, оторвалъ ей хвостъ. Вотъ, дѣти, до чего доводятъ шалости!

И простодушные ребята, онѣмѣвъ отъ страха, слушали эту удивительную исторію, и зараза распространялась все больше и больше.

У Иловайскаго было два сына: Рождественскій и Беллярминовъ, и они, позабывъ стыдъ и совѣсть, тоже пошли по стопамъ своего недостойнаго отца. Ихъ «исторіи» еще болѣе нелѣпы и неправдоподобны... Конечно, ни о какомъ добросовѣстномъ знакомствѣ съ источниками и документами у нихъ не могло быть и рѣчи. Просто, услышавъ какое либо историческое

имя, вродѣ Педро Жестокаго, Генриха Птицелова или Пипина Короткаго, эти люди, просто придравшись къ прозвищу, садились и писали:

— Около того времени (около какого, спрашивается?) царствовалъ въ Испаніи (ну, конечно,—въ Испаніи... Разъ—Педро—гдѣ же ему и царствовать?) король Педро, по прозвищу Жестокій... Это былъ въ буквальномъ смыслѣ слова жестокій человѣкъ. Съ дѣтства онъ мучилъ животныхъ и насѣкомыхъ, а выросши, убивалъ въ день отъ 10 до 15 человѣкъ, изъ числа своихъ подданныхъ. Жену свою онъ обезглавилъ, а тетку удавилъ и накормилъ ея трупомъ бѣднаго больного дядю. За это его и прозвали Жестокимъ (еще бы!).

— Около того-же времени (???) жилъ король, по прозванію Пипинъ Короткій. Это былъ очень короткій человѣкъ, одинъ изъ самыхъ короткихъ. Ни до, ни послѣ него не было въ королевствѣ такихъ короткихъ людей, и любопытные люди пріѣзжали изъ другихъ государствъ посмотрѣть на короткаго Пипина. Историки того времени утверждаютъ, что это былъ одинъ изъ самыхъ короткихъ людей современности, и за это молва, совершенно справедливо, окрестила его Пипиномъ Короткимъ.

— Прямая противоположность Пипину Короткому былъ Генрихъ, по прозванію Птицеловъ. Онъ былъ не коротокъ, но за то ловилъ птицъ, за что его такъ и прозвали. Онъ не могъ равнодушно видѣть пролетающей въ небѣ птицы, чтобы не подскочить и не поймать ее... Вся жизнь его проходила въ безпрестанной и неусыпной ловлѣ птицъ. Исторія не сохранила причины этого пристрастія къ птицамъ, но нѣкоторые утверждали, что не помѣшай Генриху смерть—онъ оставилъ бы свое королевство безъ единаго пернатаго. Послѣ всего сказаннаго—ясно, почему всѣ единогласно прозвали Генриха Птицеловомъ.

Вотъ какъ писалась исторія Иловайскими, Беллярминовыми, etc.

Теперь довольно!

Перо историка перешло въ трезвыя, безпристрастныя и неподкупленныя руки Аркадія Аверченко, Осипа Дымова, О. Л. д'Ора, Тэффи, Саши Чернаго, и другихъ лицъ, которые никогда не позволятъ себѣ отъѣхать на собакѣ съ отрубленнымъ хвостомъ или накормить пытливаго читателя только зажаренной рукой Сцеволы...

Въ той мѣрѣ, въ какой это будетъ возможно, перечисленныя лица реабилитируютъ Педро Жестокаго, удлинятъ несчастнаго Пипина, укоротятъ безтолковаго, суетливаго птицелова Генриха, и вся исторія міра получитъ тотъ цѣнный характеръ здраваго смысла, оригинальности и захватывающаго интереса, котораго только всемірной исторіи и не хватало...

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Главной Конторѣ журнала,, САТИРИКОНЪ" (С.-Петербургъ, Фонтанка 80) и во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ въ Петербургѣ и въ провинціи.

Цѣна отдѣльнаго № 10 коп. Въ Москвѣ и провинціи 12.

Адресъ Главной Конторы и Редакціи: Спб,, Фонтанка, 80. Телеф. № 324-62.

Редакторъ **А. Т. Аверченко.** Издатель **М. Г. Корнфельдъ.**

ц. 1 р. 10 к.